

Ф. Р. ГРЭМ

Кифские империи

ИСТОРИЯ

КОЧЕВЫХ

ГОСУДАРСТВ

ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Ф. Р. Грэм

**Скифские империи. История
кочевых государств Великой степи**

«Центрполиграф»

1860

УДК 94(53)
ББК 63.3(5)

Грэм Ф. Р.

Скифские империи. История кочевых государств Великой степи /
Ф. Р. Грэм — «Центрполиграф», 1860

ISBN 978-5-9524-5313-5

Всеобъемлющее исследование Ф.Р. Грэм посвящено истории многочисленных народностей, населявших Скифию – огромную территорию, простиравшуюся от Белого моря до хребтов Кавказа и от балтийских берегов до Алтайских гор. Опираясь на широкий круг источников, автор прослеживает историю кочевых империй гуннов, половцев, монголов и прочих племен Великой степи, чьи наводившие страх имена стали известны во всех уголках средневековой Европы. Особое внимание автор уделяет истории России – рассматривает происхождение ее народа, становление государства, судьбы правящих династий, описывает быт, нравы и духовную жизнь русов, не утративших идентичности за три столетия ига.

УДК 94(53)

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5313-5

© Грэм Ф. Р., 1860
© Центрполиграф, 1860

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	44
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ф.Р. Грэм
Скифские империи
История кочевых государств Великой степи

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Книга первая

От древнейшей достоверной истории Скифии до монголо-татарских завоеваний

Глава 1 Введение

В века, предшествовавшие христианству, власть, влияние и цивилизация всего известного мира всецело сосредоточились в руках одного гордого и деспотичного военизированного государства. Путем завоевания и устрашения Рим сделался владыкой всех изученных и самых лакомых частей Азии, Африки и Европы; его легионы держали в подчинении народы от границ Эллады до Британских островов и Атлантического океана; его орлы внушали страх от песчаных дюн Египта и Аравии до балтийских берегов, где варвары-тевтонцы скрещивали мечи с суровыми готами; и одни лишь безбрежные пустоши Скифии остались для него неизведанными и нехоженными равнинами, и оттуда в конце концов и явились его захватчики и погубители.

Этим неясным и неопределенным именем греки и римляне наделили земли, раскинувшиеся по берегам Днепра до границ почти сказочного Китая¹. В те времена их разделяли на Европейскую и Азиатскую Скифию, позже они были известны как Россия и Татария.

Первую, служившую преградой между Азией и Европой – театрами действий и цивилизаций настоящего и славы и величия прошлого, – время от времени сотрясали потрясения, происходившие в двух остальных; на нее же обрушивались и первые яростные порывы каждой бури, что так часто раздражались в центре великого материка и опустошительными шквалами проносились над половиной мира.

Из глубин Татарии, или Азиатской Скифии, изначально происходили все течения варваров-захватчиков, наводнявших Восточную Европу в последние девять сотен лет. Зарожденные в унылых степях Монголии, где земля по девять месяцев лежит под толстым покровом снега, где вся растительность состоит лишь из низкорослой травы и редких пучков вереска, эти орды воинственных пастухов периодически устремлялись на поиски мест побогаче, с более плодородной почвой, и, расселившись по неприятным равнинам Татарии и России, образовывали подвижные империи, которые несколько лет господствовали над соседними народами и затем исчезали, тая в небытии, не оставляя почти никаких следов своего существования, кроме памяти о вызванном ими разорении. Таковы были монархии гуннов, игуров и аваров; хазар, половцев и монголов; а вот туркам-османам, тоже скифам по происхождению и корням, повезло больше, чем их предшественникам, и их государству удавалось оставаться одной из самых блестящих стран Европы в течение шести столетий.

Самое выдающееся место в истории скифских империй, далеко опережая остальные, занимала Россия, как самая несокрушимая, самая мощная и самая прославленная из этих древних наций Севера; и по этой причине летопись этой страны будет основным предметом данной книги. Проследив происхождение ее народа, затем рассмотрим историю гуннов, хазар и прочих многочисленных племен, чьи имена стали известны Восточной Европе только из-за набегов в Средние века. Далее, коротко обрисовав подъем русской монархии, перейдем к завоеваниям Чингисхана и монголов, войнам его потомков, а затем к его еще более грозному соплеменнику Тимуру, на краткое время подчинившему себе Самарканд.

¹ Китай – старинное название Китая. (Здесь и далее примеч. авт., кроме особо указанных случаев.)

Древняя вотчина татар, позже вошла в состав Российской и Китайской империй; но их завоевания, охватившие собой Индию, Китай, Россию и Грецию, оставили в жителях обоих государств глубочайший отпечаток долгого тиранического господства; и мы наблюдаем сходство во многих тамошних обычаях и законах, платье, наружности, нраве и деспотически патриархальной форме правления. Тот же характер исключительности, указы, запрещающие эмиграцию, строгое следование старинным обычаям и многочисленность тайных обществ, политических и религиозных, одинаково примечательны и в той и в другой империи; обе они неоднократно оказывались под властью чужеземных захватчиков и диких воинственных орд, но, проявляя жизнестойкость, практически неизвестную европейским народам, умели восставать из пепла и, сбросив иго завоевателей, вновь расцветали с возрожденной мощью и богатством.

Однако китайцы сами, по-видимому, имеют скифские корни и, следовательно, являются теми же татарами, но всего лишь издревле перешедшими к оседлой жизни и цивилизованными. Их нравы, как рассказывает доктор Латем, во многих отношениях чрезвычайно схожи с обычаями, присущими описанным у Геродота племенам; один немецкий автор указал на семнадцать обычаев, одинаковых у китайцев и тюрков; их язык, как оказывается, вовсе не так отличается от языка остальных народов, как полагали ранее; а дракон – символ Скифии – равно используется и славянами, и китайцами, и татарами.

Примерно за шесть веков до Рождества Христова скифская орда завоевала Индию; и одно из племен – светловолосые, голубоглазые геты, – вернувшись на север и поселившись на равнинах к востоку от Каспийского моря, в конце концов обосновалось в Скандинавии, оставив после себя немногих соплеменников, которых в Индостане до сих пор называют джитами, а в Европе они стали известны и прославились под именем готов.

Глава 2

Россия и ее древнейшие обитатели

Не раньше конца XVIII века, когда честолюбие и завоевательная политика правителей России привели ее в тесное соприкосновение и противостояние с другими, более развитыми странами Европы, западные современники считали ее скорее азиатской, нежели европейской державой, слишком отсталой и захолустной, чтобы ее сановники могли состязаться с их министрами в управлении и чтобы обладать какими-либо общими с Западом интересами или влиянием; а буйная Польша, суровый и неблагоприятный российский климат, а также изоляционистская политика ее правительства отрезали ее от торговли и тесных связей с остальным континентом. Она уже давно неуклонно и явно наращивала и свою силу, и территории, однако лишь немногие дальновидные политики, как и соседние государства, с которыми она постоянно находилась в состоянии войны, знали о ней и учитывали ее в своих расчетах. Можно считать, что эта изоляция началась в XI–XII веках, когда путь процветания и военных побед, который мог окончиться покорением тогда более темных и невежественных народов Запада, прервался из-за непрерывных набегов диких татарских племен, круживших на ее восточных границах, а также междоусобиц ее князей, а впоследствии и молниеносного завоевания монголами, которые долго держали ее под своей пятой.

Ни история, ни предания не сохранили для нас достоверной информации о том, когда первые переселенцы из Азии попали в Европу; однако принято считать, что первыми обитателями России, да и всего материка, были финны и что оттуда они были постепенно вытеснены на север к пределам Норвегии, Финляндии и Лапландии, где сейчас и живут, второе переселение, вероятно, кельтских народов. Пока финны отступали на север, кельты двигались на запад, гонимые из русских степей новыми ордами захватчиков – скифов, которые, разметав местных жителей, словно солому, проникли в Восточную Европу. Они со своими семьями и скотом поселились на ее широких равнинах, где поочередно паслись стада финнов, кельтов, скифов, готов, гуннов и монголов, а негостеприимный климат не давал народу, не преуспевающему в сельском хозяйстве, никакого иного способа добыть средства пропитание, кроме кочевничества и охоты. Но, сбросив власть этих последних захватчиков, Российская империя не прекращала наращивать мощь и размеры, пока не стала владычицей шестой части обитаемого земного шара, раскинувшись от берегов Тихого океана до побережья Балтийского моря и от скованного льдом взморья Арктики до солнечных и плодородных земель Персии и Армении. Ее обитатели, климат, растительность и общий вид страны отличались значительным разнообразием; население включало почти сотню различных народностей, поскольку и статные грузины, и смуглые татары, и светловолосые эстонцы, и ереванские персы, и невысокие, кроткие лопари, и бакинские гебры, и питающиеся рыбой самоеды, и московские бояре – все они одинаково признавали владычество царя. На севере, где лик земли покрыт мрачными хвойными лесами с глубокими трясиными и обширными болотами, которые на берегах Белого моря и Северного Ледовитого океана переходят в редкие заросли карликовых берез и лиственниц, местные жители передвигались на санях, запряженных северными оленями и выносливыми ездовыми собаками с густой шерстью; а на юге, в засушливых степях, поросших травой, бродили верблюды и колесили арбы, и их погонщики из немногочисленных кочевых племен, странствующих по этим песчаным пустошам, принадлежали к орде ногайских татар, мирных и непримечательных потомков последних и свирепейших завоевателей империи.

Если говорить о сколько-нибудь обширных горных системах, то единообразие равнинного ландшафта России нарушают только Уральские горы, древним известные под именем Рифейских, отделяющие Европу от Азии, Кавказские горы, чьи высокие пики, воспетые в греческих легендах и персидских поэмах, возвышаются за донскими и причерноморскими сте-

пиями; а еще южнее, в Грузинском царстве, росли, роскошные и невозделанные, виноградная лоза, тутовая ягода и апельсин. Там возносила к небесам свою заснеженную вершину одинокая гора Арарат, прославленное место упокоения Ноева ковчега.

Ее реки, из которых Волга – наиболее протяженная река Европы, судоходны почти до самых истоков и, будучи соединенными каналами, образуют сеть сообщения между Черным, Каспийским, Белым и Балтийским морями. Они периодически на много месяцев в году становятся несудоходны из-за льда, ежегодно сковывающего все гавани империи, за исключением двух или трех черноморских, что служило непреодолимым препятствием для российской морской торговли и вынуждало ее больше торговать посредством караванов с Сибирью, Китаем и всей Центральной Азией, нежели с другими странами Европы. Ни у одной другой империи границы не менялись так же часто, как у России; ее владения еще в ранний исторический период занимали примерно ту же территорию в Европе; притом что в начале XVI века, когда она окончательно освободилась от татарского владычества, они уменьшились до области, едва выходящей за пределы ее столицы Москвы и нескольких окружающих провинций, известных тогда под именем Московии. Польша, Грузия, Сибирь, Казань, Астрахань и Крым с частью Армении, а также Великое княжество Финляндское позже были включены в ее границы, и, хотя славяне являются ее самой значительной и доминирующей народностью², вероятно, они в весьма большой степени перемешаны с татарскими племенами, которые покоряли ее столь часто, особенно с монголами – ее позднейшими иноземными господами, от которых происходят сто тридцать знатных российских родов, не считая множества простолюдинов. Большое число слов русского языка происходят из этого же источника; некоторые названия весов, мер и монет, различные судебные обычаи, наказание кнутом, привычки повседневной жизни и предметы одежды; а также множество придворных ритуалов и церемоний. Скифы – первые обитатели России, о которых мы располагаем хотя бы какими-то сведениями. Они населяли север Азии и восток Европы и с самых далеких времен нередко свергали правителей Южной Азии, однажды проникнув до самого Египта, где еще до эпохи фараонов основали династию, названную гиксосами, или царями-пастухами. В пятой книге своей хроники древний автор – вавилонянин Берос повествует о том, что Нимрод послал Ассирия, Меда, Моска и Магога основать колонии в разных частях Азии и Европы и что Моск основал поселения на обоих материках. На этом рассказе основано предположение, что Моск явился в европейскую Скифию и что от него свое имя³ получила река Москва; тогда как Ассирий стал праотцом ассирийцев, Мед – мидян, а Магог – восточных скифов, то есть татар. По описанию у Геродота, эти народы населяли страну к западу от Танаиса (Дона), откуда они прогнали киммерийцев⁴ (кельтское племя), которые, как предполагает Нибур, отступили на запад и переселились из Скифии на Дунай; а по мнению сэра Исаака Ньютона, оба народа должны были распространиться по Европе и Малой Азии еще до 1220 года – года потопа, то есть примерно в эпоху израильских судей. Пришедшие в Европу скифские орды были изгнаны из областей восточнее Каспия массагетами, одним из своих племен, которых лишил собственной страны ассирийский царь Нин; и они, по-видимому, вели некоторую торговлю с греками, так как от историка мы узнаем, что караваны греческих купцов, путешествовавших по Танаису, то есть Дону, до Уральских гор, всегда сопровождали семь переводчиков, говоривших на стольких же разных языках. В анналах Пер-

² Профессор Ретциус из Стокгольма утверждает, что сами славяне не принадлежат к кавказской семье человеческого рода. Доктор Латем высказал предположение, что девять десятых современных русских и жителей России относятся к татарской народности, или, как он называет ее, к огурам, в каковую категорию поместил также гуннов, финнов, калмыков и все татарские племена империи, за исключением башкир.

³ Некоторые историки высказывали предположение, что название происходит от имени Мешеха, сына Иафета, и в доказательство своего мнения цитировали отрывок из Иезекииля о том, что Мешех поставлял в Тир рабов и медную посуду (так как татары с древнейших времен были искусны в обработке металлов).

⁴ Геродот утверждает, что в его время в Скифии все еще оставалось множество возведенных киммерийцами памятников и мостов.

сии вся страна к северу от Кавказа и реки Окс (Амударьи) называется Туран, или Страна тьмы, в противоположность Ирану, Стране солнца; и ее история сохранила сведения о непрерывных войнах между двумя народами начиная с самой далекой древности⁵.

Одинаковые порядки, привычки и образ жизни, по-видимому, преобладали среди всех племен скифов от черноморских берегов до границ Китая, где они столкнулись с империей гуннов. На их равнинах во множестве паслись дикие лошади, и каждый воин владел одной из них, а его вооружение состояло из деревянного копья или дротика и лука с колчаном отравленных стрел, а для переправы через реки они использовали свои седла⁶, которые представляли собой кожаные мешки, набитые соломой. Они плыли на этих седлах, держась за хвосты своих коней и заставляя их плыть перед собой и таким образом доставить их на другой берег. Когда два скифа желали поклясться в вечной дружбе, они по обычаю делали надрезы на телах и, смешав свою кровь в чаше, сначала погружали в нее острия мечей и потом слизывали ее. Однако греки, как видно, имели весьма неполные представления о географии и истории Скифии⁷, хотя она подарила им двух философов и хотя греческие поэты во времена Гомера воспевали покой и невинность пасторальной идиллии на ее равнинах, не подозревая о диких нравах тамошних жителей и том, как часто те зеленые поля орошались кровью. Тот же обычай, который был распространен среди гуннов, древних русских, монголов и всех татарских племен: приносить в жертву лошадей и рабов при погребении вождей и знати, – существовал и в Скифии; и главную жену правителя, его повара, виночерпия, гонца и пятьдесят рабов – урожденных скифов, а также коней предавали смерти через удушение над могилой их вождя, которого обычно погребали с большой пышностью и множеством церемоний, причем в гробницу клали драгоценности и украшения и каждый год над склепом, где он покоился, насыпали новый слой земли⁸.

Гиппократ оставил нам чрезвычайно точный рассказ о скифах и их стране. Он говорит: «Пустыня, названная скифской, расположена на равнине и изобилует лугами, безлесна, в меру снабжена водой, ибо великие реки выносят воду из равнины. Там живут скифы, называют же их номадами, потому что они не имеют никаких домов, а живут в повозках... В этих повозках проводят жизнь женщины с детьми, а сами мужчины едут на лошадях. За ними следуют стада овец, коровы и лошади. Сами они питаются вареным мясом, пьют кобылье молоко». Римские писатели тоже сообщают нам о том, что скифы одевались в шкуры и не имели городов, но

⁵ Персидские поэты во многих своих стихах воспевают славу и великопение Афрасиаба, древнего царя Турана, многочисленность его свиты и блестящий двор. Он был соперником их излюбленного героя Рустема, чьи славные подвиги сохранила для нас иранская поэма в 10 тысяч стихов. Все туранские цари, как фараоны Египта, были известны по имени Афрасиаб.

⁶ В 1240 году, когда монголы осадили Киев, они описанным способом переправились через Днепр.

⁷ Артемидор Эфесский, географ, живший и работавший около 100 года до Рождества Христова, утверждал, что страна восточнее Танаиса неизведанна; и даже после похода Александра Македонского Каспийское море считалось заливом Северного океана, а Плиний сообщает нам, что его современники полагали, будто Palus Maeotis (Азовское море) соединено с Арктическим. Волга была неизвестна грекам и впервые упоминается у римских авторов под названием Ра. В среде видных геологов считалось общепризнанным, что вплоть до сравнительно недавнего периода мировой истории Каспийское и Черное моря были соединены и что океанские воды заливали лежащие между ними ныне песчаные степи вплоть до Северного Кавказа, где почва по сию пору изобилует солью и раковинами. Геродот говорит об Азовском море, что оно имеет примерно ту же величину, что и Черное.

⁸ В курганах, весьма многочисленных в Южной России и Крыму, как полагают, находятся гробницы скифских царей. Некоторые из них были раскопаны, и оказалось, что в них покоятся щиты, луки, мечи и золотые украшения чрезвычайно искусной работы, некоторые из них украшены фигурами, чье платье близко напоминает одежду, которую носили русские и польские крестьяне. В одном кургане найдены кости человека весьма высокого роста с остатками митры или персидского колпака на голове, с массивным золотым ожерельем на шее, браслетом из серебра и золота на правой руке выше локтя, золотым браслетом в дюйм шириной, еще двумя браслетами из золота и серебра ниже локтей, шириной в полтора дюйма, и третьей парой браслетов на запястьях, украшенных персидскими крылатыми сфинксами, которые в когтях держат толстую золотую нить, служившую завязкой браслету, и все это сделано чрезвычайно искусно. В ногах у него лежала кучка мелких острых кремней, так как у скифов был обычай наносить себе раны на лицо и тело подобными орудиями и класть их в могилу в знак скорби. В другой части саркофага найден железный меч с рукояткой, покрытой листовым золотом и украшенной фигурками зайцев и лис, кнут, украшенный листовым золотом, и золотой щит тонкой работы, а также кубки, пики и несколько пучков стрел; в той же гробнице оказался и второй скелет, судя по богатству украшений и надетой митре, он принадлежал, как полагают, царице, которую по скифскому обычаю задушили на погребальном кургане ее мужа.

постоянно кочевали с места на место, чтобы найти пастбища для своих стад; правительство их было монархическое, и они воздавали беспрецедентные почести своим правителям. Когда царь умирал, его тело проносили по всем провинциям, где его встречали торжественной процессией, а после того погребали, и курганы, изобилующие в Южной России и на восточном побережье Крыма, якобы возведены этими народами над гробницами их царей. Из этого рассказа, а также их изображения у Гиппократы, которое столь напоминает нам татар, представляется несомненным, что скифы были предками этого народа; и Нибур в поддержку этого аргумента замечает, что их обычай сжигать тела своих мертвецов, их наружность, образ жизни и обычаи – все это указывает именно на этот подвид человеческого рода. «И опять-таки, – говорит он, – опьянение от испарений раскаленных камней, заключенных под тесными покровами, относится к Сибири, и Геродот лишь путает его с паровыми банями, которые устраивали варвары в этих краях и, возможно, обставляли с излишествами роскоши». Еще одно доказательство, если таковое требуется, состоит в том, что скифы имели обыкновение с самого младенчества брить головы, оставляя лишь длинный хвост на затылке; таковой обычай распространен среди китайцев и многих других татарских племен.

Скифы в 624 году до Рождества Христова, при царе Мадии, в большом числе проникли за скалистые перевалы Кавказа и, опустошая всю землю на своем пути, наводнили Малую Азию, где установились на двадцать восемь лет, выгнав оттуда ее прежних обитателей мидян; они также попытались завоевать Сирию и в своем наступлении дошли до самого Египта, но поддались на дары египетского фараона Псамметиха и повернули, а затем, отброшенные с кровавыми потерями, остатки их армии были вынуждены вернуться в свои северные края; хотя более двух третей захватчиков нашли свою гибель среди пограничных холмов Палестины. Около 530 года до Рождества Христова царь Персии Кир Великий с огромным войском выступил на скифские племена, жившие к северу от Каспийского моря, но понес сокрушительное поражение от рук Томирис, их царицы, как ее называет Диодор Сицилийский, и сам poleg в битве.

В 522 году до Рождества Христова царь Персии Дарий Гистасп, собрав громадную армию со всех концов своей империи, выступил из ее столицы Суз в поход на скифов, имея под началом 700 тысяч человек. Его флот в шесть сотен кораблей, экипажи на которые он набрал преимущественно из греков, поплыл вверх по Дунаю; и, перекинув через реку лодочный мост у того места, где она разделяется, он переправил по нему армию и проник в дикие пустоши Скифии. Местные жители, разведав об угрожающем им нашествии им и отослав жен и детей вглубь страны, засыпали все колодцы, преградили источники и забрали весь корм со всей территории в той части своей земли, по которой должны были пройти силы Дария. Затем они подошли к врагу на расстояние видимости, не имея намерения вступить в бой с многочисленной и дисциплинированной армией персов, но надеясь погоней завлечь их в сухую, песчаную область, где без защиты и поддержки своих кораблей они неизбежно будут страдать от недостатка провизии и воды. Дарий попался в западню, ибо, ежедневно видя скифов на небольшом расстоянии от своих войск, вопреки советам своих самых мудрых военачальников, он без успеха пытался догнать их, постоянно рассчитывая, что наконец-то ему удастся дать им бой, в то время как они постоянно избегали его погони. Не обремененные багажом, чувствуя себя на этих землях как рыба в воде и пешими, и верхом на своих выносливых скакунах, скифы легко ускользали от тяжело нагруженных врагов, которые в большинстве своем были пешими и не имели никакого понятия⁹ о том, куда двигаться по песчаной, бездорожной пустыне. В конце концов усталость и недостаток еды и корма чрезвычайно уменьшили персидское войско еще до того, как они хоть раз успели помериться силой с врагом, и Дарий отправил гонца к скифскому вождю Идан-

⁹ По Геродоту, Дарий предпринял эту экспедицию, чтобы наказать скифов за то, что они завоевали Малую Азию, которая была персидской провинцией.

фирсу¹⁰ с таким посланием: «Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры». Скифский вождь сразу же отправил персидскому самодержцу свой ответ: «Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время... У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». Чем дальше Дарий наступал по бесплодным и пустым равнинам, тем большие трудности ему приходилось преодолевать, в то время как его армии угрожала голодная смерть; и в конце концов, когда из-за приближения зимы его войска вскоре должны были дойти до крайнего отчаяния по причине голода и усталости, он был вынужден начать неохотное и подавленное отступление. В этот момент он получил второе послание от неприятельского вождя, который прислал ему птицу, мышшь, лягушку и пять стрел, и один из персидских вельмож, знакомый с обычаями и привычками противника, объяснил их следующим образом: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». На отступающие войска Дария, который первоначально, по-видимому, намеревался вернуться в Азию в обход Кавказа, постоянно обрушивались их внезапные и молниеносные атаки; и персы избежали полной и окончательной гибели от рук скифов только потому, что те были обмануты ложными сведениями о том, в какой части Дуная Дарий собирался переправиться на другой берег. По этой причине они собрались крупными силами выше по реке, чтобы воспрепятствовать его переправе; а персидский царь тем временем повел войско на переправу в другой точке и благополучно вернулся на свои корабли с разбитыми остатками своего когда-то несметного полчища.

Этот поход Дария имеет превосходную параллель в походе Наполеона, который отправился на ту же империю спустя века, – предприятия, которое было осуществлено одним из величайших полководцев и одной из превосходнейших армий своего времени, но имело куда более катастрофические итоги.

В 327 году до Рождества Христова Александр Македонский захватил Согдиану; сделав Яксарт (Сырдарья) границей своих далеко простершихся владений, он пересек реку с армией своих македонцев и вторгся в страну скифов, которые угрожали основанной им Александрии Эсхата, ныне известной как Худжанд. Некоторые пограничные племена покорились ему; но Ариан и Квинт Курций рассказывают, что прославленная дисциплина и храбрость его закаленных в боях ветеранов оказали столь малое действие на диких и неподатливых скифов, что Александр был вынужден стремительно отступить и обратить свое оружие против врага, куда менее доблестного и менее способного к сопротивлению. Более того, Курций говорит, что македонцы понесли столь огромные потери в некоей битве, что любой, кто хоть словом упоминал о произошедшем, навлекал на себя гибель, поскольку внезапность, с которой атаковали скифы, и скорость, с которой они удалились в непроходимые пустоши, привела армию захватчиков в полное смятение. Один из его преемников – Селевк Никанор впоследствии попытался соединить Дон и Волгу каналом, в последующие века за тот же проект заново брались султан Селим II в 1569 году и Петр Великий в 1697-м, хотя никому из них так и не удалось добиться успеха¹¹.

¹⁰ Геродот утверждает, что все скифские цари произошли от Скифа, сына Геракла.

¹¹ Строительство Волго-Донского судоходного канала было завершено в 1952 году. (Примеч. ред.)

В 250 году до Рождества Христова скифское племя основало Парфянское царство, существовавшее независимым и мощным государством в течение пяти веков.

Но хотя скифы, по имени которых названа страна, являются первым народом России, известным греческим авторам¹², все же древнейшими ее обитателями, по всей вероятности, были савроматы или сарматы, с которыми их часто путали. Нет сомнений, что это прямые предки современных славян; однако среди историков бытует множество разнообразных мнений относительно их происхождения, причем одни утверждают, что это была колония мидян¹³ или кельтское племя, а другие – что они были остатками хананеев, изгнанных Иисусом Навином из Палестины. Третьи еще предполагают, что это было скифское племя или потомки скифов и народ амазонок, описанных Гиппократом, женщины которого скакали верхом, стреляли из лука и метали копья, и ни одной не позволялось выйти замуж, прежде чем она убьет трех врагов в бою; а Геродот, который является источником последней из упомянутых теорий, рассказывает, что скифы, оказавшись не в силах победить этих женщин-воительниц на поле боя, женились на них и таким образом два народа смешались.

Но независимо от того, были сарматы кельтским племенем или нет, по-видимому, примерно в то время они были завоеваны скифами и оттеснены на запад; и существует вероятность, что название Россия происходит от одного из их племен – роксоланов, которых Страбон помещает на северо-восточной оконечности Европейской Скифии. Они были изгнаны в эти бесплодные края с берегов Дуная, когда, спустившись со своей изначальной родины на равнинах между Волгой и Доном, они вторглись в пограничные провинции Римской империи. Их нравы и обычаи весьма напоминали скифские, вероятно перенятые ими от завоевателей; а от своих соседей – светловолосых тевтонов они отличались смуглой кожей и темными волосами, просторными одеждами (костюм включал штаны), большим распространением рабов среди них, малым уважением, которое они питали к своим женщинам, многоженством и конницей, составлявшей основу их военной силы; тогда как тевтоны в основном воевали пешими, носили облегчающую тело одежду и не знали рабства, и у них ни одному мужчине не разрешалось иметь более одной жены. Гиббон говорит о первом народе: «Между разнообразными отраслями человеческого рода сарматы выделяются тем, что с нравами азиатских варваров соединяют наружность и телосложение древних обитателей Европы. Сообразно с различными случайностями мира или войны, союзов или завоеваний сарматы иногда теснились на берегах Танаиса, а иногда разливались по огромным равнинам, расстилающимся между Вислой и Волгой. Их бродяжнические передвижения вызывались заботой о многочисленных стадах, страстью к охоте и склонностью к войне или, скорее, к грабежу»¹⁴. Подобно скифам, их передвижные лагеря или города, где обычно жили их жены и дети, представляли собой всего лишь большие плетеные повозки, запряженные волами. В бою сарматы применяли короткие кинжалы, длинные пики и тяжелые луки с отравленными стрелами; и во время похода, как правило, вели за узду одну или двух запасных лошадей¹⁵, причем конница составляла всю их военную силу, что позволяло им наступать и отступать с быстротой, которая заставляла врасплох часовых и позволяла скрыться от преследования далекого врага. По причине недостатка железа в их стране они изготавливали нагрудники из лошадиных копыт, способные выдержать удар дротика или меча, и сжигали тела своих мертвецов, за исключением вождей. Они владели огромными стадами и табунами и делились на несколько племен: роксоланов, карпов, языгов, метанастов и лимигантов, а под именем славян впервые упоминаются около IV и V веков.

¹² Геродот замечает, что все народы за Понтом Эвксинским, за исключением скифов, отличались варварством более, чем все остальные; однако в западных частях они, видимо, добились некоторого развития, и он упоминает их город Борисфен, украшенный грифонами и сфинксами и сгоревший из-за удара молнии в правление скифского царя Скила.

¹³ Диодор Сицилийский утверждает, что они были мидянами.

¹⁴ Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи. Здесь и далее в переводе В.Н. Неведомского. (Примеч. пер.)

¹⁵ Таким же образом часто поступала русская и казацкая кавалерия во время форсированных маршей.

Фигура сармата на колонне Траяна изображена в высокой конической шапке и длинных штанах, что весьма напоминает одежду русского крестьянина; а Приск, римский посол при дворе вождя гуннов Аттилы, упоминает, что у некоего знатного человека из скифов или сарматов, которого он там видел, голова была обрита – этот обычай преобладал в Польше вплоть до начала XIX века.

Сарматы поклонялись солнцу и луне, воздуху и множеству божеств более низкого ранга. Это был весьма стойкий народ, и враги и современники обвиняли их в том, что они – самые распутные среди варваров. Они несколько раз вторгались в Римскую империю в III и IV веках, а Марк Клавдий послал 8 тысяч языгских всадников в Британию.

Кроме скифов, к которым древнегреческие авторы, по-видимому, причисляли только татарские народы Скифии и сарматов, то есть предков славян, Геродот упоминает еще несколько царств и народов, существовавших в его время в Скифии, у многих из которых мы замечаем некоторые нравы и обычаи, дающие нам возможность отождествить их с их потомками, населявшими те же области в более позднюю эпоху. По описанию Геродота, среди древнейших обитателей этих краев, населявших ту часть России, которая ныне зовется Подольем, были будины, вероятно принадлежавшие к финнам. В их области греки основали колонию, возделывали землю и поставляли в Грецию зерно; по их утверждениям, будины занимались волшбой и имели обыкновение раз в год оборачиваться волками, после чего несколько дней рыскали в таковом обличье, а потом возвращались в человеческий вид. То же обвинение в колдовстве постоянно выдвигали против финнов и в Средние века; всем знакомы сказки об оборотнях, которые, пожалуй, произошли из этих преданий. Исседоны, по-видимому тождественные игурам, были, как сообщает нам Геродот, цивилизованным народом, проживавшим далеко на востоке; за ними, на севере, находилась местность, непроходимая по причине того, что там постоянно падали наземь белые перья¹⁶, а справа от них располагалась земля стерегущих золото грифонов. Среди самих скифов, разделенных на множество царств или племен, тот же греческий автор отдельно отмечает меланхленов, которые всегда одеваются в черное; агафирсов, у которых страна изобилует золотом и которые носят украшения и особо известны своей изнеженностью; и аргиппеев, чье название происходит от диких белых лошадей, во множестве обитающих в их краю, расположенном на Волге и Доне; а обо всем народе он замечает, что «скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев», причем каждая провинция твердо придерживается собственных. Анахарсис, знаменитый философ и брат их царя, побывав в Греции и возвратившись на родину, пожелал ввести некоторые греческие обычаи среди соотечественников, но этой попыткой навлек на себя их недовольство и распрощался с жизнью, погибнув от собственных рук жестокого царя страны, а сына скифского царя Скила, воспитанного матерью-гречанкой, вскоре после восшествия на престол постигла такая же судьба за аналогичное прегрешение. Примерно в тот же период жило несколько мудрых и образованных скифов, чьи имена пользовались уважением даже у греков, главой которых, видимо, был Анахарсис, современник Солона и Децима; а одно из прекраснейших произведений Лукиана названо по имени скифского врачевателя Токсариса¹⁷.

Скифы поклонялись нескольким божествам, главным из которых и единственным богом, кому они приносили жертвы и возлияния, был Марс; а у многих более диких племен он был единственным божеством и обычно изображался в виде обнаженного меча.

¹⁶ Едва ли нужно уточнять, что здесь, очевидно, имеется в виду снег.

¹⁷ Доктор Карл Нойман, соглашаясь с Нибуром, Беком и Гротом, считает, что скифы, вне всяких сомнений, были туранцами, или, как он их называет, монголами. Он предполагает, что, происходя из азиатской глубинки, они впервые поселились среди финнов на Урале; и он обнаружил дошедшие до нас следы их языка, весьма схожего с монгольским.

Глава 3

Азиатские скифы. – Гунны. – Аттила

Общее внешнее впечатление от окружающей местности на протяжении всей Татари, или Азиатской Скифии, чрезвычайно напоминало тоскливые и монотонные русские степи. Хотя на севере и западе их пересекают высокие хребты изломанных, почти неприступных гор, часто заросших высокими, густыми лесами; вся центральная часть совершенно плоская, летом покрыта почти одной лишь травой и вереском, а зимой – глубоким, смерзшимся снегом, и суровость климата на этой сравнительно умеренной ши роте объясняется ее большим возвышением над уровнем моря. В земле халхов многочисленные реки оживляют богатые равнинные пастбища; но в Монголии вода – редкость, поскольку ручьи и реки теряются в солончаках пустыни, и вдоль самых хоженных дорог выкопаны колодцы, которыми пользуются караваны. В том краю редко можно встретить дерево, лишь ползучие заросли колючего кустарника, редкие пучки вереска и короткую, жесткую траву; но порой ландшафт разнообразят глубокие овраги и скалистые ущелья; бессчетное число диких животных бродит по степи; орлы и стервятники, фазаны и множество певчих птиц парят в воздухе; а в долинах Алтайских гор прячутся тигры и волки, и те и другие знаменитые в этих местах своей свирепостью.

Татары, или туранцы¹⁸, населявшие эти края с самых древних времен, сами произошли от Тюрка и Тата, которые, по их утверждению, были сыновьями Иафета. Огуз-хан, один из их вождей и, очевидно, Мадий у Геродота, пришел с войной в Сирию в первой половине VII века до Рождества Христова и дошел до самого Египта; персидские поэты воспевают великолепие и славу туранского царя Афрасиаба, соперника и неприятеля их героя Рустема; а его преемники вели множество кровавых войн с персами и другими народами Южной Азии. Однако их ранняя история покрыта завесой тайны; все, что нам о них известно из тех эпох, содержится в полуапокрифических летописях китайцев; и хотя они периодически объединялись в одну великую империю и достигали значительных успехов в культуре и цивилизации, они так и не продвинулись дальше определенной точки и впоследствии вернулись к своим старинным местам обитания и кочевой, пастушеской жизни.

Еще в ранний период они разделились на множество разных племен, которые постоянно воевали друг с другом и окружающими народами и самыми яркими из которых были гунны, игуры, тюрки и татары, причем это последнее именование европейцы в Средние века применяли ко всему народу, исключительно по той причине, что их воины шли в авангарде монгольской армии, когда в 1224 году сын завоевателя Чингисхана вторгся в Европу. Но до христианской эры самой первой и могущественной туранской народностью были гунны¹⁹ или хунну. Они населяли обширную область страны, лежащей между северной стороной Великой Китайской стены и сибирским озером Байкал, и, по китайским хроникам, их возглавлял правитель, которого они звали титулом танжу, или солнце небесное, еще в 1253 году до нашей эры, причем власть передавалась в его семье по наследству, и его род происходил от династии Ся, Третьей династии, правившей Китаем.

У гуннов главным объектом поклонения было солнце, и каждое утро танжу и его народ простирались перед ним ниц²⁰; а по вечерам они воздавали те же почести луне, относясь к ней

¹⁸ Некоторые этнологи собирательно называют туранские народы тюрками, но я преимущественно называю их либо татарами, либо туранцами, так как оба этих названия чаще применяются к ним, а также для того, чтобы не смешивать их с османами, которые вместе с трансоксанскими ветвями той же семьи (включая сельджуков и т. д.) часто называются туркоманами или тюрками.

¹⁹ Кризи говорит, что гунны по происхождению, языку и обычаям были тесно связаны с финнами.

²⁰ Первоначально они приносили в жертву людей, но, заметив, что в один год после чрезвычайно щедрого приношения последовала необычайно суровая зима с сильными снегопадами, они решили, что такие жертвы неприятны их божеству, и

почти с таким же благоговением и преклонением. Они часто оказывались грозными противниками для Китайской империи и соседних воинственных народов, большинство из которых они покорили и присоединили к своим владениям; среди прочих были игуры, отличавшиеся своим знакомством с письменностью, которую от них переняли другие татарские племена, так что она по сию пору у них в ходу. Наконец, в 213 году до христианской эры, спустя века вражды и военных действий, китайский император Хуанди приказал возвести огромную стену для защиты от их постоянных набегов – преграду длиной в девять тысяч километров, которая по сей день стоит свидетельством той необходимости, что заставила их осуществить столь трудную, колоссальную задачу. Затем они обратили оружие против юэцжи, или гетов, которые обосновались на восточных берегах Каспийского моря, и танжу гуннов Лао, убив вражеского вождя, сделал из его черепа чашу для питья, носил ее подвешенной к поясу и пускал по кругу, пируя со своими полководцами. Геты, которых за четыреста лет до того гунны оттеснили от границ Китая, после этого поражения снова покинули свою страну и отправились на юг к берегам Инда. Там их атаковали парфяне, и после продолжительной войны они обосновались в Бактрии и Согдиане, где греки стали называть их индоскифами; и Страбон упоминает, что, вместо предания умерших огню, они держали специальных собак, чтобы пожирать трупы, каковой обычай до наших дней распространен среди татар в тибетских городах. «Поэтому, – говорит греческий автор, – около города не видно могил, зато в самом городе (говоря о столице) встречается множество человеческих костей».

Однако оборона китайцев, построенная с таким трудом и искусством, оказалась мало пригодной для сопротивления их неугомонному и грозному врагу; и в 206 году до христианской эры гунны снова вторглись в Китай и основали династию Хань, которая произвела на свет нескольких из самых прославленных и образованных монархов. Пятый из них, по имени У-ди, стал главной причиной их гибели, ибо, вооружившись против товарищей собственных предков, он со страшной жестокостью отбил новый набег гуннов и, проникнув вглубь их страны с хорошо снаряженным и дисциплинированным войском, в конце концов принудил их танжу к покорности и заставил его выплачивать дань и признать власть китайского предводителя. Они были еще более ослаблены разделением своего отныне побежденного и обедневшего племени, и один из их правителей, то ли из страха перед окружавшими их врагами, которые не давали им покоя, ведь их могущества уже никто не боялся, то ли от стремления к независимости и желания добиться верховной власти, отступил на юг во главе 50 тысяч семей, с которыми основал отдельное государство, предоставив своим прежним соотечественникам сражаться за каждую пядь родной пустыни. Северные гунны оставались вместе примерно еще пятьдесят лет, пока со всех сторон на них наседали враги; их страна была истощена голодом, и они полностью утратили свою мощь в первые века христианской эры, просуществовав, как сообщают нам китайские хроники, в течение тринадцати веков. Около 200 тысяч человек нашли приют в Китайской империи, в которую поступили на военную службу и где они поселились в основном в провинции Шэньси, и 100 тысяч человек остались в собственной стране; но самые воинственные и мощные племена, предпочтя дикую вольницу в бесплодных и мерзлых землях севера покорности какой-либо чужеземной власти, ушли за Алтайские горы в Сибирь²¹. Одна часть этого народа поселилась на равнинах восточнее Каспия, где их называли эфталитами, или белыми гуннами, и, выдавив своих прежних противников гетов в Европу, основали царство, которое просуществовало несколько сотен лет, после чего было разрушено новым вторжением татарских захватчиков; представляется, что к тому времени оно достигло значительного прогресса в цивилизации. У них было постоянное правительство, они подчинялись одному монарху и

потому раз и навсегда их прекратили. Дошедшие до нас следы языка и письменности гуннов имеют большое сходство с тюркскими. Династия Ся правила с 2207 до 1767 года до Рождества Христова.

²¹ Гумбольдт предполагает, что тольтеки, или ацтеки, колонизовавшие Мексику, были частью этого народа.

писаному кодексу законов. Горго, впоследствии названный Хорезмом, стал их столицей и резиденцией царя, чей трон украшали изумруды и чей двор отличался величайшей пышностью, однако они сохранили простую веру предков, пока последователи Мухаммеда не подчинили их силой оружия. Друг с другом, как и с соседними народами, они вели дела справедливо, уважали заключенные договоры о мире и требования человечности во время войны, редко совершая набеги в соседние области, разве что в ответ на провокацию, причем неизменно доказывали, что еще сохранили свою старинную доблесть, и включили в перечень своих побед берега Инда и границы Синда. Среди них был распространен весьма своеобразный обычай: каждый из их великих людей, по обыкновению, выбирал двадцать или более спутников, которые пользовались его богатствами и разделяли с ним утеху на протяжении всей его жизни, а после его смерти всех их погребали заживо в той же могиле; обычай этот происходил из веры в то, что этим самопожертвованием они гарантируют себе, что останутся вместе со своим покровителем и на том свете, где, как и на этом, смогут вечно развлекаться охотой и пирами²². Когда персидский царь Пероз предъявил несправедливые притязания на их страну, в которую вторгся с большим войском, и принялся ее опустошать, они выступили против него, причем их конницу поддерживали 2 тысячи слонов, и разгромили персов в ожесточенной битве, в которой пленили и вражеского царя; его они отпустили, когда он согласился покориться им и простерся ниц перед их царем и смиренно поцеловал его ноги. Однако, возвратив себе свободу, Пероз снова вторгся в земли гуннов, и в этом втором походе персидский царь потерял и войско, и собственную жизнь, тридцать сыновей и необъятное количество добычи, а победители овладели всей Персией и держали ее в подчинении два года и обязали Кавада, сына и наследника Пероза, выплачивать им дань. Другая часть гуннов обосновалась в мерзлых пустошах Сибири, где они вскоре распрощались с последними остатками цивилизованности, которой когда-либо обладали. Даже в XIII веке равнины на восточном берегу Волги по-прежнему назывались Великой Венгрией²³, и ее жители, чье царство продержалось до тех пор, пока не было смятено монголами, все еще говорили на своем языке. Предполагают, что вторгнуться в Скифию их заставило давление других татарских народов на окраинах их территории; и в 376 году нашей эры они со всеми своими стадами и табунами отправились за Волгу и выгнали славянский народ аланов, остатки которого нашли прибежище на Кавказе, где по сию пору живут их потомки под именем осетин. Несколько готских племен обосновались при христианских епископах и в течение многих лет мирно и благополучно проживали в крепко отстроенных деревнях, возделывая землю Южной России. Их поля и жилища были сожжены и разорены гуннами, которые, как говорят, не умели пользоваться огнем, кроме как для опустошения стран, по коим они проходили, и которые, заставив остготов отступить за Днестр, вынудили вестготов добыть у императора Валента разрешение поселиться во Фракии; их дикая и пугающая наружность вызывала в сердцах противника почти такой же ужас, как и причиняемые ими чудовищные разорения. Историки того времени сообщают нам, что от иных представителей человеческого рода они отличались широкими плечами, плоскими носами и мелкими, глубоко посаженными черными глазами, а также тем, что были почти лишены растительности на лице, чем чрезвычайно походили на современных татар; и перед ними по Европе неслась жуткая молва о том, что они будто бы демоны или погибшие души, бегущие от вечной кары²⁴. Вонзен-

²² В южных частях России было раскопано множество могил, в которых найдены человеческие и лошадиные кости, доспехи, драгоценности и т. д., причем многим из них, как предполагают, более тысячи лет.

²³ В некоторых европейских языках начальная буква названия Венгрии h-, вероятно, развилась под влиянием этнонима Hunni – «гунны». (Примеч. пер.)

²⁴ Это описание гуннов, которое оставили нам авторы той эпохи, поразительно похоже на то, что мы читаем о татарах у путешественников и миссионеров Средних веков, которых, как говорит Хью, можно во всех чертах узнать в современных монголах. Джованни да Плано Карпини писал о них, что у них средний рост, широкие плоские лица, выступающие скулы, короткие плоские носы, маленькие, раскосые, широко расставленные глаза, бороды у них редки или вообще отсутствуют. Монах Рикольд говорит о них: «Покинув Турцию, мы вошли в Татарию, где встретились с чудесным и ужасным народом татар.

ный в землю обнаженный меч был у них единственным предметом религиозного культа; они украшали лошадиную упряжь вражескими скальпами, а когда к ним приближалась старость или болезнь, сами лишали себя жизни. Иордан рассказывает, что они питались одними только корнями и сырым мясом и всегда ели верхом на своих лошадях, едва ли когда-либо спешиваясь (из-за чего, по всей вероятности, историк Зосим написать, что они не умели ходить), и не имели ни палаток, ни домов, испытывая к ним столь непреодолимое отвращение, что называли их склепами для живых и всегда спали под открытым небом.

Вторжение гуннов вытеснило готов в изнеженную и утопающую в роскоши Римскую империю, которая в то время практически была не способна противостоять столь мощному потрясению; однако нашествие варваров на время остановилось, а междоусобные распри вождей истощили силу их народа, из-за чего он пришел в бездействие; и лишь шестьдесят лет спустя, когда враждующие группировки были объединены твердой рукой и искусной политикой их прославленного вождя Атиллы, гунны снова стали представлять угрозу для Западной Европы.

В правление императора Восточной Римской империи Флавия Аркадия банда этих охотников до сокровищ разорила провинции Малой Азии, откуда они привезли богатую добычу и бесчисленное количество пленников. Они пересекли Азовское море, проникли тайными путями по берегам Каспийского, перешли горы Армении, переправились через Тигр и Евфрат и оккупировали Киликию и христианский город Антиохию. Египет затрепетал при приближении захватчиков, а в Иерусалиме монахи и тьма паломников, спасаясь от их яростного нашествия, поспешно уплыли из Святой земли. Однако, уйдя с прямой дороги на Палестину и наступая по равнинам Мидии, они встретились там с персидской армией, обладавшей превосходящей силой и дисциплиной, и, вынужденные отступить, вернулись к своей гибели в родную землю, потеряв почти всю добычу, но только не свое неутомимое честолюбие.

Атила, или Этцель, сын Мундзука, получивший от своих врагов и союзников прозвище Бич Божий, который похвалялся тем, что там, где ступало копыто его лошади, уже не росла трава, сменил своего дядю Ругилу в качестве соправителя гуннов вместе со своим братом Бледой, которого он, однако, вскоре лишил и трона, и жизни, как говорят, по примеру Ромула, основателя Рима, убившего своего брата Рема. Его черты, как рассказывает готский историк, несли на себе печать его происхождения: маленькие, глубоко посаженные глаза, плоский нос, смуглая кожа и редкие волоски вместо бороды, широкие плечи и приземистое, кряжистое, непропорциональное туловище, хотя и чрезвычайно мускулистое. «В гордой походке и манере себя держать, – говорит Гиббон, – выразилось сознание его превосходства над всем человеческим родом, и он имел обыкновение свирепо поводить глазами, как будто желая насладиться страхом, который он наводил на окружающих. Однако этот дикий герой не был недоступен чувству сострадания: враги, молившие его о пощаде, могли положиться на его обещания мира или помилования, и подданные Атиллы считали его за справедливого и снисходительного повелителя. Он находил наслаждение в войне; но после того как он вступил на престол в зрелых годах, завоевание севера было довершено не столько его личной храбростью, сколько его умом, и он с пользою для себя променял репутацию отважного воина на репутацию предусмотрительного и счастливого полководца».

После того как он победил своих врагов в Азии, подчинил царства персов и мидян и принудил к покорности всех правителей от Дуная до Китайской стены, эмиссары императора Феодосия предприняли покушение на жизнь царя гуннов, чем навлекли гуннское войско на Константинопольскую империю. Атила разорил восточные области Рима вплоть до окраин Византия, где пятьдесят восемь башен не устояло пред штурмом захватчиков, и заставил

которые столь разнятся от всех народов мира наружностью, нравами и образом жизни. Они разнятся наружностью, ибо у них большие широкие лица, а глаза столь малы и узки, что походят на крошечные щелочки; они не носят бород, и многие из них чрезвычайно похожи на старых бабуинов, поставленных на две ноги».

кесаря заключить мир на самых унижительных условиях, причем Феодосий согласился отныне выплачивать дань гуннам и те вернули несметное число захваченных в плен византийцев за сумму, которая позволила бы вести долгую и славную войну. Основав свою столицу на равнине к северу от Дуная, в Венгрии, близ современного города Токая, вождь-победитель, который, по рассказам венгров, заложил основание Буды, поселил своих придворных, жен и приверженцев в селении из деревянных хижин, где окружил себя поэтами и менестрелями и принимал послов от всевозможных суверенов Европы и Азии, приняв титул Аттилы, потомка Нимрода, царя царей и владыки гуннов, готов, данов и персов²⁵. Римский посол Приск оставил нам подробный рассказ о том, как его принимали при дворе у гуннов; порывистые жесты, не вязавшиеся с суровой и неподвижной мрачностью их монарха, чье лицо никогда не расслаблялось до выражения радости или веселья ни при звуке песен, которые пели в его хвалу придворные музыканты, ни нелепых речей и ужимок его шутов, мавританского и скифского, и оно смягчилось лишь при появлении его младшего, самого любимого сына Эрнака, которого он нежно обнял и к которому, предрекая ему славу и победы, превосходящие его собственные, он выказывал привязанность, казалось бы несовместимую с его обычным свирепым, неподатливым и суровым нравом. Его дворец, окруженный стеной с высокими башнями, не был лишен некоторых архитектурных претензий на красоту. Он опирался на резные колонны весьма любопытной и своеобразной работы, при нем же находилась баня; и все поселение представляло собой страннейшую мешанину роскоши, грубого великолепия и варварства. Превосходнейшие ковры из Персии устилали палатки, драгоценнейшие камни усыпали наряды гуннов из вышитого шелка, а столы их были уставлены золотыми блюдами и кубками. Один Аттила придерживался простоты предков и, подобно им, трапезничал верхом на коне самой грубой пищей, которую придворные, проводившие свои пиры в одном зале с вождем, подносили ему с серебряного стола на деревянной тарелке. На пирах, где довелось присутствовать Приску, вождь готов сидел одесную, а римские послы – ошуюю монарха, и, вероятно, именно левая сторона считалась почетным местом, как это остается и по сей день у китайцев и большинства татарских народов.

В 447 году гунны снова вышли из своего венгерского приюта и обратили оружие против римских провинций в Западной Европе. Аттила повел своих приверженцев в сердце Галлии и, гоня перед собой воинственных франков под началом их короля Меровея, дошел до самого Орлеана, который он обступил и взял в тесную осаду. Но римский губернатор Аэций собрал громадную армию из готов, вандалов, франков и почти всех народов от Вислы до Атлантики, на преданность которых Рим претендовал или которые забыли о римском угнетении перед лицом угрозы от общего врага. Аттила вновь переправился через Сену и столкнулся с силами неприятеля на равнинах Шалона²⁶. Перед тем как вступить в битву, царь гуннов посоветовался со жрецами и предсказателями относительно ее исхода, и они предрекли ему поражение, но зато и смерть его главному противнику. Однако Аттила, твердо вознамерившись либо доблестно принять свою участь, либо преодолеть судьбу благодаря неустрашимости своих ратников, выступил перед ними с воинственной речью и постарался стряхнуть с них непривычный упадок духа, напомнив им о прежних подвигах и храбрости. «Воины, которым покровительствуют Небеса, – воскликнул он, – остаются невредимыми среди неприятельских стрел!.. Я сам брошу первый

²⁵ В Песни о нибелунгах древний поэт, описывая, какой прием Аттила (Этцель) оказал героине Кримхильде, рассказывает, что владения Аттилы были столь обширны, что среди подданных ему воинов были русские, греческие, валахские, польские и даже датские витязи. На медали того времени Аттила изображен с терафимом, или головой, на груди.

²⁶ «Примерно в пяти милях от Шалона, – рассказывает Кризи, – у деревенок Шап и Кюперли, земля изрезана и вздымается травянистыми буграми и канавами, несущими свидетельство человеческого труда в прошедших веках и свидетельствующими для опытного глаза, что в этом тихом месте когда-то располагались укрепленные позиции большого войска. Местное предание наделило эти древние земляные сооружения именем лагеря Аттилы, и у нас нет никаких причин усомниться в верности такого наименования или в том, что прямо за этими валами века тому назад могущественнейший языческий властитель, когда-либо правивший в Европе, собрал остатки своей огромной рати, сражавшейся на равнинах с христианскими воинами Тулузы и Рима».

дротик, а всякий негодяй, который не захочет подражать примеру своего государя, обречет себя на неизбежную смерть». Возглавив центральную колонну, Аттила самолично повел воинов в атаку, но в ходе ожесточеннейшей битвы, в которой на поле боя полегло 100 тысяч гуннов и 60 тысяч их противников, гунны были вынуждены отступить и, добравшись до лагеря, приготовились сжечь себя, своих жен и сокровища, нежели сдаться или попасть в руки римлян. Однако победа Аэция была куплена слишком дорогой ценой, чтобы он смог преследовать беглецов или продолжать войну, и Аттила в конце концов покинул Галлию без дальнейших препятствий и пронесся разрушительным ураганом по всей Южной Германии и Северной Италии. Гунны разграбили и сожгли дотла города Альтин, Конкордию, Падуя, Виченцу, Верону и Бергамо, но пощадили города и жителей Милана и Павии, так как те покорились своим жестоким завоевателям без сопротивления. Найдя в королевском дворце Милана картину с изображением одного из римских императоров на его троне, у ног которого простерлись на земле князя Скифии, Аттила приказал художнику переписать фигуры, так чтобы императоры вереницей просителей выстроились перед скифским самодержцем, выкладывая у его ног золото из мешков в уплату дани.

Разграбив весь север Италии, гунны направились к Риму под предлогом освобождения из плена Гонории, сестры императора Валентиниана, которая, движимая честолюбием или завистью к брату, послала Аттиле предложение своей руки, а когда римляне раскрыли ее замысел, была помещена в строгое заключение.

Подойдя почти к самым воротам Вечного города, Аттила приготовился разбить лагерь на небольшом расстоянии от его стен, прежде чем приступить к осаде, как вдруг его продвижение остановил папа римский Лев, отважно выступивший из города в своем священническом облачении и сопровождаемый всего лишь немногими безоружными прелатами. Подойдя к царскому шатру, глава и владыка всего христианского мира строго обличил варвара-самодержца и произвел на разум Аттилы столь мощное впечатление своим величественным видом, храбростью и красноречием, с которыми он смело воспретил вождю сделать хоть еще один шаг дальше и дерзнуть осквернить своими кровавыми бесчинствами город, освященный мученичеством святых Петра и Павла, что гунн согласился отказаться от своих планов и, развернувшись вместе с войском, вскоре после того оставил Италию и возвратился в свою деревянную столицу.

Вскоре после этой кампании Аттила прибавил к и без того уже многочисленному сонму своих жен прекрасную деву по имени Ильдико и с большой помпой отпраздновал бракосочетание в своем задунайском дворце, но в брачную ночь его прислужников разбудили громкие крики и плач его невесты, и, войдя в его спальню, они увидели, что их владыка скончался из-за разрыва кровеносного сосуда; некоторые авторы рассказывают, что это было действие яда, поданного ему в кубке во время свадебного пира по наущению молодой жены, не желавшей этого брака; но его приверженцы всегда упрямо отрицали эти слухи, не в силах смириться с мыслью, что их герой, на которого они взирали почти как на божество, пал от руки человека. Его останки положили в три саркофага из золота, серебра и железа, и гунны оплакивали его кончину по своему дикому обычаю – отрезали себе волосы и наносили раны на лица; и, похоронив его втайне, ночью, они положили с ним в могилу самую ценную часть награбленных богатств, которые он вырвал у покоренных городов и завоеванных народов; причем пленников, вырвавших ему могилу, бесчеловечно умертвили на том же месте²⁷. Могущество гуннов ненадолго пережило их покойного великого вождя. Эллак, старший сын Аттилы, потерял жизнь и венец в битве с готами на берегу реки Нетад в Паннонии. Его брат Денгизих еще пятнадцать лет держался на берегу Дуная против народов, бывших рабами его отца, но затем, вторгшись в Восточную империю, он пал в битве, и его голову, отделенную от бесчувственного трупа,

²⁷ Подобная практика была распространена среди татар Центральной Азии вплоть до XVII века, да и позже они иногда приносили в жертву коней.

привезли в Константинополь и выставили на Ипподроме напоказ грекам. Ирнак, младший и любимый сын Атилы, впоследствии со своей ордой и приверженцами брата удалился в сердце Малой Скифии, где они вскоре были подавлены новым потоком захватчиков – игуров, которые, хлынув из заледеневших областей Сибири, в конце концов потушили пламя империи гуннов.

Глава 4

Игуры. – Авары. – Болгары. – Славяне. – Хазары

Страна огуров, или игуров²⁸, вероятно исседонов Геродота, которые после гуннов были самым могущественным народом среди татар Древней Азии, охватывала ту территорию на границе Алтая, что питается реками Селенга, Туул и Орхон. Их первой религией, вероятно, был шаманизм²⁹, но впоследствии они, по всей видимости, приняли веру Будды, поскольку, когда буддийский паломник Фасянь посетил их страну в 399 году христианской эры, именно она преобладала там, ибо он нашел у них 4 тысячи монахов, или лам. Их общество делилось на три сословия, или касты: охотников, пастухов и землепашцев, причем две первых считались самыми почетными; а по Левеку, до своего упадка они добились значительных успехов в развитии искусств и наук. «Именно этот народ, – говорит французский автор в «Истории России», – приобщил к ним, как и к искусству письменности, другие татарские народы, а вероятно, и многие другие. Пожалуй, именно им мы обязаны астрономическими наблюдениями, ведь они, произведенные в более северном климате, нежели климат того древнего народа, который оставил нам их, никак не могут быть плодом его труда³⁰. Это доказывает, что в чрезвычайно далекие эпохи на севере проживал образованный народ, память о котором для нас утеряна, хотя мы и пользуемся его научными знаниями». Высказывалось предположение, что третий язык на обнаруженных в Ассирии клиновидных надписях – это угрский, или игурский; и если так, то они должны были вторгнуться в эту страну или иметь с ней какие-то сношения еще за много лет до Рождества Христова. Пока империя гуннов доминировала в Центральной Азии, игуры находились под их властью, но вследствие упадка гуннского могущества освободились от иноземного ярма и в течение некоторого срока сохраняли независимость. В начале VI века император Юстин отправил посольство к их хану; и, добравшись до ханского лагеря из шатров и повозок, временно разбитого у истоков Иртыша, римские послы были вынуждены совершить обряд очищения – пройти между двумя кострами, прежде чем предстать пред взорами татарского владыки. Изгнав гуннов из Сибири в Европу, игуры, в свою очередь, пали перед нашествием аваров, еще одного татарского племени; и в конце концов, после продолжительной и ожесточенной борьбы, в одной решающей, сокрушительной битве хан вместе с 3 тысячами своих подданных, лучшими военачальниками и всеми знатными сородичами и воинами своего дома был убит. После такого поражения около 20 тысяч игурских воинов, покинув свою родину, поселились на северо-востоке России и с азиатской стороны Урала, где вместе с другими финскими племенами впоследствии основали далекое торговое царство Бьярмаленд, или Пермь, которое долго поддерживало тесные торговые связи с Северной Азией и Европой. Остальная часть народа, оставшаяся в Татарии, частично вернула себе мощь через несколько лет после этого события, и это положение просуществовало до 1125 года, когда они пали под гнетом керитов, бывших в то время доминирующей империей Центральной Азии.

Потомки приверженцев Аттилы в VI веке стали известны под именем болгар, и в ту эпоху они делили со славянами территории России и Польши. Страну на Волге называли по этому народу Великой Болгарией, а сами жители звали ее Хунгарией (Венгрией). Впоследствии они

²⁸ Слово «огр» происходит от этого этнонима.

²⁹ «Эту религию, ту же, что у саманеев и гимнософистов, – говорит Левек, – брамины донесли из Индии до северных пустынь; нагим философам пришлось завернуться в меха, но там они незаметно превратились в колдунов и знахарей. Она основывается на идее единого Божества, его ангелов и восставших духов, воспротивившихся его власти».

³⁰ Жан Сильвен Байи в своей «Истории древней и современной астрономии» доказывает, что наблюдения за звездами, собранные Птолемеем, должны были производиться в климате, где самый долгий день продолжается шестнадцать часов, что согласуется с широтой южных регионов Сибири. «В путеводной стреле, упомянутой Геродотом, которую держал в руке гиперборейский колдун Ахарис, некоторые толкователи узнают компас» (Гумбольдт).

основали царство на берегах Дуная, а в VII и VIII веках христианской эры часто терзали набегами и вторжениями Восточную Римскую империю.

Название *Sclavi*, склавы, появляется в трудах армянского историка Мовсеса Хоренаци, который жил и работал в V веке; но славяне, чьи земли теперь протянулись от Тихого океана до Адриатического моря, впервые упоминаются под таким обозначением у готского автора Иордана и его современника Прокопия, историка в правление Юстиниана, который называет их склавинами. Это имя происходит от слова «слава»; и Притчард наряду с другими этнологами исходит из того, что они, вне всяких сомнений, были потомками сарматов. Гиббон говорит о них: «Но та же самая раса славян, как кажется, во все века удерживала за собою господство над теми же самыми странами. Их многочисленные племена, как бы они ни были отдалены одно от другого или как бы ни была сильна между ними вражда, говорили одним языком (который был груб и необработан) и распознавались по своему наружному сходству; они не были так смуглы, как татары, и, как по своему росту, так и по цвету лица, имели некоторое сходство с германцами. Четыре тысячи шестьсот их деревень были разбросаны по теперешним провинциям России и Польши, а их хижины строились на скорую руку из неотесанных бревен, так как на их родине не было ни камня, ни железа. . . Их овцы и рогатый скот были крупны и многочисленны, а поля, которые они засеивали пшеницей и птичьим просом, доставляли им, вместо хлеба, грубую и менее питательную пищу. . . Они сражались пешими и почти нагими и не носили никаких оборонительных доспехов, кроме тяжелого щита; оружием для нападения служили для них лук, колчан с маленькими отравленными стрелами и длинная веревка, которую они ловко закидывали издали и затягивали на неприятеле в петлю». Как и древние скифы, они ритуально предавали мертвецов огню и вдов сжигали на погребальном костре с их покойными мужьями, а также, если хоронили человека богатого или знатного, заживо зарывали раба, чтобы у покойника в загробном сразу же был слуга. «Склавены, – говорит Прокопий, – поклоняются одному Богу-громовержцу. Они полагают его единым правителем вселенной и приносят ему в жертву волов и всяческие прочие приношения. Подобно же они поклоняются рекам и нимфам и некоторым другим низшим божествам; всем им приносят приношения и жертвы и по ним предсказывают будущее». Они также поклоняются солнцу, луне и бурям, называемым Погодой, и в своих капищах изображают злых духов в виде льва, и приносят человеческие жертвы, обычно пленников, своему священному огню, который они поддерживают всегда горящим, в честь бога грома Перуна, а если жрецы не уследят за огнем, то их карают немедленной смертью. Как у сарматов, у славян в обычае многоженство, и мужья держат их в самом крайнем подчинении, тогда как все их дети мужского пола посвящаются войне; но если, по их мнению, рождается слишком много, их разрешается убивать, как и дряхлых и немощных людей, как по сию пору в обыкновении и у индусов, которых собственные дети часто бросают умирать по причине крайней нужды. Тем не менее обычно к мнению стариков они прислушивались уважительно и благоговейно, и каждое племя или деревня существовало как отдельная республика, над которой едва ли не абсолютной властью обладали старейшины общины. Они были гостеприимны до крайности, и у них бытовал закон, позволяющий бедняку украсть у своего богатого соседа, если у него не хватало средств на то, чтобы как следует принять гостя. Их древнейшие хроники повествуют, что они владели искусством музыки и поэзии; и в VI веке депутация, посланная от северных славян к императору Константинополя, поведала ему, что они получают высочайшее наслаждение от музыки и что, отправляясь в путь, редко обременяют себя оружием, но всегда берут с собой лютни и арфы собственного изготовления. В военные походы они никогда не выступали без музыки; и Прокопий сообщает нам, что однажды в 592 году они настолько погрузились в свои развлечения прямо на глазах у врага, что греческий военачальник ночью застиг их врасплох, прежде чем они смогли предпринять какие-либо достаточные меры для обороны. До наших дней у славян дошло множество военных од и баллад, и в них «проявляется, – говорит современный автор, – буйный и своеобразный дух, они полны мифологических

аллюзий, а те, что написаны в мирном ключе, особенно замечательны тихой кротостью своего характера, весьма отличающегося от изощренных и искусственных услад греческих и римских пасторалей». Иордан именует весь славянский народ собирательным названием *Winidae*³¹. Описав Дакию, «окруженную высокими Альпами», он прибавляет, «что по левую сторону от этих гор, у истоков реки Висла, лежит обширная область, обитаемая многочисленным народом винидов. Разные племена этого народа, – говорит он, – каждый называются по-своему; но обычно их зовут склавинами и антами». Прокопий, описывая их, замечает: «Их лица и волосы не белы и не желты и не вполне склонны к черному, но все они отчасти рыжеволосы. Они живут в жалких хижинах, выстроенных далеко друг от друга, и довольно часто меняют место жительства». Он рассказывает, что они населяют северный берег Дуная, откуда часто отправляются в набеги на правый берег этой реки; но в настоящее время они распространились по России, Богемии, Польше, Черногории и Хорватии и в течение полутора тысяч лет жили практически в тех же странах. Фигуры славян на исторической колонне в Константинополе одеты так же, как русские крестьяне более поздних времен, чьи привычки и образ жизни очень мало изменились по сравнению с предками IX века. В славянском диалекте множество халдейских, финикийских и древнеперсидских слов, и он больше напоминает санскрит, их общий источник, чем любой другой европейский язык, за исключением литовского, который тоже относится к сарматским языкам. В правление императора Юстиниана славяне и болгары непрерывно пересекали Дунай и вторгались в Восточную Римскую империю; и Прокопий утверждает, что за тридцать два года их ежегодные набеги поглотили 200 тысяч жителей Римской империи. В ходе одного вторжения они проникли за Балканы и даже пересекли Геллеспонт (Дарданеллы) и вернулись к себе на родину, нагруженные азиатскими сокровищами и трофеями; тогда как другое войско беспрепятственно дошло до пролива у Фермопил и Коринфского перешейка, причем греческие солдаты при виде приблизившихся неприятелей побросали оборонные сооружения, воздвигнутые против них императором, либо враг поднялся на стены с помощью лестниц. В другой год 3 тысячи славян переправились через Дунай и Гебр, разгромили всех римских полководцев, вышедших против них на поле боя, и без сопротивления разграбили города Иллирии и Фракии, причем и у тех и у других хватало оружия и воинов, чтобы отразить примитивно вооруженных нападающих и одержать над ними победу; и захватчики отошли назад за Дунай с бесчисленным числом пленных греков. Прокопий обвиняет их в учинении чудовищнейших зверств над пленниками; однако, будучи свидетелем опустошения и бедствий, которые они причиняли своими набегами на Византийскую империю, он едва ли мог быть снисходителен в суждениях к тем, кто их совершал, и, пожалуй, преувеличил их бесчеловечность. «Более беспристрастные рассказы, – говорит Гиббон, – быть может, уменьшили бы число этих ужасных деяний и смягчили бы то, что в них было самого отвратительного... При осаде Топира, который довел славян до иступления своим упорным сопротивлением, они умертвили пятнадцать тысяч жителей мужского пола, но пощадили женщин и детей; самых ценных пленников они обыкновенно берегли для того, чтобы употреблять их на работы или требовать за них выкупа; эта рабская зависимость была не особенно обременительна, и пленников скоро выпускали на свободу за умеренную плату».

Набегам славян и болгар на Восточную империю был положен конец в следующем веке в результате вторжения в их собственную страну аваров и хазар³². Первые, о которых писатели той эпохи говорят, что они относились к гуннам, подчинили юг России и проникли в Венгрию и Италию; а вторые, в древности известные под именем акациров, которые в 212 году нашей эры ворвались в Армению, и их орда первоначально сопровождала гуннов и основала государство в Литве, распространились по Крыму и к северу от Кавказа, где впоследствии осно-

³¹ Откуда и происходит название славянского племени вендов, населявшего область Германии.

³² Далеким китайцам они были известны под именем коса.

вали Астраханское ханство. Авторы тех веков рассказывают о литовских хазарах, что они были небольшого роста, черноглазы и похожи чертами на гуннов, тогда как астраханские хазары, бывшие, вероятно, чрезвычайно смешанной народностью, были высокими и красивыми. В 740 году иудеи, незадолго до того изгнанные из Византийской империи, обратили в свою веру их правителя Булана, который ввел закон, объявляющий это вероисповедание обязательным для всех будущих каганов, или ханов (такой титул носили хазарские монархи), причем иудейской религии в то время также придерживалось большинство знатных и высокопоставленных людей государства. Многие восточные евреи, видимо, бывали в этом царстве в надежде получить помощь, чтобы улучшить положение их соотечественников на Востоке, хотя и без успеха; но в то время было одно место, где евреи все еще пользовались уважением и равными правами, ибо образовывали большую и влиятельную группировку при дворе мавританского правителя Кордовы; и в старинном труде под заглавием Кусри или Косар, написанном на арабском языке, но затем переведенном на еврейский, встречается любопытное письмо, которое ученые иудеи считают подлинным, адресованное в 860 году рабби Хасдаем, сыном Исаака, сына Эзры, который занимал высокий пост при дворе кордовского эмира Абд ар-Рахмана, именуемого титулом амир аль-муминин, «глава правоверных», хазарскому кагану, в котором он горячо просит того прислать ему сведения о его царстве и народе.

Править хазарскому кагану помогал Совет девяти, в который равно допускались иудеи, христиане, мусульмане и язычники. Ему воздавали величайшие почести; он редко выходил из дворца, редко принимал посетителей, и аудиенция предоставлялась посетителю, только если дело его имело чрезвычайную важность. Входя к нему, все были обязаны простираться перед ним ниц и оставаться в таком положении, пока владыка не прикажет им подняться; и высокопоставленные сановники государства, если их приговаривали к казни, получали привилегию совершить самоубийство и таким образом спасти себя от позора смерти от рук палача³³. Никто не имел права проехать мимо царской гробницы на коне, должен был спешиться, поклониться ей и продолжать путь пешком, пока гробница не скроется из вида. Их главными городами были Беленджер, ныне Астрахань, где находилось правительство, также он назывался Итиль или Нихириза; Семендер или Сарай-Баув, женский дворец, ныне Тарки; и старые Хазаран и Саркел, которые лежат на пути в Архангельск, так как с этим портовым городом и Новгородом они вели активную караванную торговлю, пока монголы не захватили равнины Дешт-и-Кипчака, и еще множество других укрепленных городов свидетельствуют о развитии их общества, богатствах и процветании. Они особо славились производством ковров и расширили свои владения на всю Южную Россию; Каспийское море в Средневековье было известно как Хазарское озеро или море. Но в X веке их мощь пошла на убыль, из-за русских под началом великого князя Святослава они лишились части своих владений; и завоеватель разрушил их столицу, укрепленную греческими инженерами, и сверг династию иудейских каганов, хотя сами иудеи оставались весьма многочисленными в области Астрахани вплоть до гораздо более поздних времен³⁴. Их силы еще до того были значительно ослаблены из-за набегов печенегов и других татарских племен; и в 1016 году к ним снова вторглись русские, которые взяли в плен их военачальника Георгия Цула, и иудейских правителей сменили христианские³⁵. В 1140 году ими снова стал управлять иудей, так как рабби Исорах, знаменитый богослов, обратил в иудаизм их кагана Хосрова, но вскоре после того хазарская монархия не устояла перед непрерывными

³³ Такой же обычай бытовал в Японии.

³⁴ Среди волжских племен, особенно чувашей, были распространены многие еврейские обычаи. «Вениамин Тудельский в 1175 году, находясь в Персии, услышал, что на нагорьях Нишапура, в двадцати восьми днях пути от Самарканда, в земле, застроенной замками и городами, живет независимый еврейский народ из колен Дана, Завулونا, Асира и Неффалима под властью Иосифа Амаркела, левита» (*Гакстаузен*, цитируя Риттера).

³⁵ Император Константинополя Константин IV женился на дочери одного из хазарских каганов.

атаками половцев и других кочевых племен и в конце концов была сметена монголами под предводительством Чингисхана.

После обращения дунайских болгар в христианство этот народ завел себе более постоянное и мирное правительство и, прекратив свои набеги в Грецию, в основном объединялся с Византийской империей в войнах со славянами, хотя еще задолго до того приобрел их язык и нравы. Болгары отреклись от языческой веры примерно в середине IX века, так как во время войны, которую они вели тогда с византийским императором Михаилом III, сестра их царя Бориса (Богариса) была захвачена в плен и, как царственная пленница, перевезена в Константинополь, где к ней относились с почтением и заботой и, по ее собственной просьбе, наставили в христианском вероучении. Ее убеждение в истинности этой веры стало столь крепко, что она пожелала креститься; и когда в 845 году Византийская империя заключила мир с Болгарией и царица вернулась в отчизну, страстно желая обратить в христианство брата и его народ, она отправила в Константинополь письмо с просьбой прислать к ней наставников, которые помогли бы ей распространять христианскую веру. В ответ на просьбу в Болгарию отправились два уважаемых епископа греческой церкви – Кирилл и Мефодий; но царь очень долго отказывался даже выслушать их доводы и твердо держался идолопоклонства. Однако он питал такое уважение к Мефодию³⁶, к которому сильно привязался, что оставил его в качестве друга и советника при дворе, хотя и отказывался стать его прозелитом, и, узнав о том, что Мефодий – искусный художник, пожелал, чтобы тот написал ему картину, на которой бы были изображены собранные воедино самые страшные сцены, которые только могло подсказать ему воображение. Мефодий сотворил столь пугающую картину Судного дня и так убедительно разъяснил ее сцены царю Борису, что тот не смог долее сопротивляться его доводам и согласился окреститься. Кириллу приписывают перевод Писания, которым в течение восьмисот лет почти без изменений пользовались те славянские народы – русские, сербы и черногорцы, до сих пор принадлежащие к греческой церкви. Оно впервые было отпечатано в Праге в 1519 году и, вероятно, является самым древним вариантом Библии на живом языке.

Болгария в тот период была самым развитым и коммерчески успешным государством севера и главным источником ремесленных товаров, золота и драгоценностей, возимых из Константинополя и Азии в Германию и Скандинавию. Две державы периодически заключали между собой множество договоров, регулирующих торговлю и устанавливающих размер пошлины, подлежащей уплате на греческой границе, и сообщение между ними значительно увеличилось во время длительного мира, установившегося после перехода Бориса (принявшего при крещении имя Михаил) и его подданных в Восточную церковь. Этот царь послал своего второго сына Симеона учиться в Константинополь и в 885 году отрекся от трона в пользу наследника Владимира, а сам ушел в монастырь. Однако дурные поступки нового царя и беспорядки, в которые из-за него погрузилось государство, заставили Бориса три года спустя покинуть уединение; велел ослепить Владимира и отправить в монастырь, царь-монах отдал престол Симеону и вернулся к себе в келью, где и скончался в 907 году.

В то время, хотя Константинопольскую империю называли Греческой, сами греки занимали в государстве весьма подчиненное положение. Крестьяне и землепашцы в провинциях в основном были славянами и чужеземными поселенцами, купцы и высшие классы – римлянами и принадлежали к Римской церкви. Политическая администрация в основном была сосредоточена в руках азиатов, и в течение полутора веков царица Ирина была единственной из правителей на императорском троне, кто имел чисто греческое происхождение. Династии императоров, в основном вышедших из придворных фаворитов, успешных полководцев или попросту авантюристов, редко продолжались более двух-трех поколений, и в основном они были армянами и другими азиатами, а один – Василий I – был славянином и возвысился до престола из

³⁶ Этот Мефодий – другое лицо, не брат и сподвижник Кирилла. (Примеч. пер.)

конюхов. Да, греческий язык был официальным языком государства, но даже население смотрело на него как на ругань.

Глава 5

Кавказ. – Грузия

Кавказские³⁷ горы, чье изрезанные утесы и узкие долины образуют границу между Европой и Азией протяженностью более тысячи километров, населены семьюдесятью без малого племенами, и древние полагали, что они отмечают крайний предел цивилизованного мира, за которым живут неизвестные варварские народы Севера, чья страна, согласно старым верованиям Персии, служила обиталищем для последователей Ахримана, то есть олицетворенного зла, и была погружена в вечный мрак. То же предание рассказывает, что после бесконечных войн, что велись между этими обитателями Турана, или Страны тьмы, и народами Ирана, или Страны солнца, царь по имени Зулькарнайн взошел на персидский трон и, разгромив и оттеснив туранцев, построил стену вдоль Кавказа, протянувшуюся от Черного моря до Каспийского, чтобы отбрасывать и сдерживать те дикие бродячие племена, в чьей сумрачной земле, по Геродоту, драконы сторожили золото в рудниках³⁸. Уже в XVIII веке путешественник Райнеггс нашел там остатки стены длиной почти 145 километров, в относительно сохранном состоянии. Точное время ее возведения покрыто завесой тайны, но многие авторы разделяют мнение, что она построена после того, как скифы проникли за горы в VII веке до Рождества Христова и завоевали Малую Азию, чтобы, насколько возможно, предохранить горные перевалы от всех будущих вторжений воинственных дикарей с севера. Кавказ образован двумя горными цепями, идущими параллельно друг другу с востока на запад, и их северные склоны, называемые Белыми горами, открытые резким и сильным порывам ветра из Сибири, суровы и неприятны, поднимаясь повсюду на высоту от 3 до 5 тысяч метров над уровнем моря, а самая высокая гора – Эльбрус достигает высоты почти 6 тысяч метров. Южный хребет, или Черные горы, не доходит до границы нетаяния снега; но все путешественники единодушно восхваляют невероятную красоту пейзажа и плодородие почвы, которая сама собой рождает великолепные виноградные лозы, тутовые ягоды и фиговые деревья, перемежающиеся южным лавром и северной березой, а в горах – самыми роскошными пастбищами для скота. Столь же великое разнообразие наблюдается и в царстве животных, и эти скалистые утесы образуют северную границу обитания шакала и южную – северного оленя; там преобладают всевозможные климаты и температуры, и, в то время как один район обжигаем зноем, другой замерзает в снегу. Зима в области, где проживают сваны, у подножия Эльбруса, продолжается почти девять месяцев в году¹.

Многие племена, которые населяют плодородные долины Кавказа и говорят на разных языках, в некоторых случаях, по-видимому, поселились там еще в самые отдаленные времена; в других были вынуждены искать в этих горах убежища от враждебных чужеземцев, изгнавших их из пер-

¹ «Взгляд, обводя холмы и горные вершины, проникает вплоть до далеких исполинов Кавказа. Видны их чудесные очертания, пики, утесы, возвышающиеся на ровных долинах, расщепленные купола и проч., то слева, то справа, то впереди, то позади. Виноградные лозы приветствовали нас и изобильный инжир; страна эта пленяет и пышет плодородием» (*Пфайффер*. Грузия и Кавказ. Кругосветное путешествие).

³⁷ «Слово «Кавказ», если верить Плинию, происходит от скифского слова «Кроукасис», то есть «белоснежный»; другие полагают, что оно происходит от «кок каф» или «касп», что означает «белые горы». Персы называют его персидским словом «эльбуриц», что означает «горы».

³⁸ Грифоны или драконы являются эмблемами всех славянских племен. Многие сибирские золотые рудники, по-видимому, разрабатывались предыдущими обитателями, когда русские завоевали Сибирь.

воначальных и порой весьма далеких мест проживания. Клапрот обнаружил большое сходство языков некоторых кавказцев, особенно тех, на которых говорят шестнадцать черкесских племен, с финскими и самоедскими диалектами Северной России; осетины в основном считаются потомками аланов, ветви славянского народа; а кровь аваров, когда-то грозивших Европе, предположительно течет в жителях Дагестана. У чеченцев сохранилось множество предметов старинных европейских доспехов, мечей и другого вооружения, украшенного надписями на латыни, также им свойственны многие привычки и обычаи, которые больше напоминают обычаи и привычки западных европейцев, чем соседних народов Азии, что дает основания предположить, что некоторое число побежденных крестоносцев могло найти приют в этих горах, спасаясь от сарацинских мечей и темниц, и мирно поселиться среди местных жителей. Когда последователи Мухаммеда сделали владыками Персии, гебры, то есть огнепоклонники³⁹, древние владельцы этого царства, сбежав из своей отчизны, рассеялись по многим странам Востока и, присоединяясь колониями к единоверцам, которые во множестве встречались в Грузии, обосновались на Кавказе, где неподалеку от Баку они по сей день хранят свой священный огонь в храме, посвященном прославлению солнца и поклонению ему⁴⁰.

Мегрелия, Древняя Колхида, была сценой легендарного похода грека Ясона и его спутников за Золотым руном и вместе с прилегающим районом Абхазии образовывала провинцию царства Митридата – могущественного и успешного в течение долгого времени противника Римской державы на Востоке. Тигран, царь Армении, союзник этого злополучного монарха, разбитого Помпеем за 65 лет до нашей эры, бежал на Кавказ, а Аттал, наместник Колхиды, был доставлен пленником в Рим, где в цепях украшал собой триумф надменного победителя. Абхазы, как полагал Геродот, были потомками египтян Сесостриса, который в своих завоевательных походах дошел через кавказские кручи и степи Южной Скифии до берегов Дона, поскольку во времена Геродота они были смуглыми и густоволосыми; и предание подтверждает, что египетский царь основал там ученую и культурную колонию, которая производила лен, строила корабли и составляла географические карты. Абхазы считаются одними из самых древних обитателей Кавказа, и некоторое их число служило в войске Ксеркса, вооруженные кинжалами, деревянными шлемами и кожаными щитами; и именно в этой провинции, вероятно на месте маленькой гавани Сухум-Кале⁴¹, находился знаменитый город Диоскуриада, где, по Страбону, представители семидесяти различных народов встречались для совместной торговли и в котором давно находили приют купеческие корабли из Тира, Карфагена и Греции. Во времена Плиния, прежде чем римляне разорили страну, как утверждает этот автор, на тамошнем рынке звучало сто тридцать языков, для чего постоянно нанималось столько же переводчиков; такая обширная торговля и сообщение велись через царство Митридата с остальной Малой Азией и Грузией, Индией, Бактрией, Египтом, Италией и Грецией.

Прекрасное и плодородное Грузинское царство⁴², раскинувшееся от предгорий Кавказа до границ Армении и Персии, как полагают, впервые было населено вскоре после потопа, вероятно ветвью мидян и персов, и в течение некоторого времени оно входило в их империю в качестве провинции; но грузины, называющие себя картвелами, по народному преданию, происходят от патриарха Картлоса, жившего во времена смешения языков и основавшего город Мцхету, где пребывали грузинские правители до 469 года нашей эры. До того времени самые ранние ее обитатели жили в пещерах и ямах в земле, следы которых до сих пор можно встре-

³⁹ «Они считают, что престол Всевышнего пребывает на солнце, и потому поклоняются сему светилу» (*Хэнуэй*. Путешествия).

⁴⁰ Тимур истребил в Грузии огнепоклонство, но после его смерти некоторые приверженцы этого культа вернулись с гор Индостана и Персии, куда они бежали, спасаясь от ярости мусульман, в свои прежние дома в Баку.

⁴¹ Сухум-Кале – старое название Сухума. (*Примеч. пер.*)

⁴² Свое европейское название Georgia, под которым Грузия стала известна уже в эпоху Крестовых походов, как говорит Гиббон, страна получила в честь святого Георгия Каппадокийского (Победоносца).

туть в некоторых южных областях. Несколько китайских поселений, по-видимому, еще в древности появились в Грузии, как и в странах восточного побережья Каспийского моря; об их существовании упоминает Геродот, а Ксенофон говорит о Гимнии на Араксе как о восточной колонии за четыреста лет до христианской эры. Древние историки описывают китайских поселенцев мирными и цивилизованными людьми, искусными земледельцами, которые умели строить каналы и в основном занимались торговлей; а местные жители, по всей видимости, питали к ним уважение, и кавказские племена с готовностью пришли к ним на помощь в войне с армией Помпея, когда он вторгся на их землю и поджег их леса и деревни и разорил всю местность, по которой прошел⁴³.

Грузия, которая древним была известна под именем Иберия (вероятно, местное слово, так как ее жители называли ее Иверией), была покорена Александром Македонским во время его похода в Индию, хотя в Мцхете он встретился с упорным и героическим сопротивлением. Он сровнял с землей укрепления, очень сурово обошелся с местными и оставил управлять провинцией одного из своих военачальников – Азона; но впоследствии жители изгнали этого наместника при местном вожде Фарнавазе, или Парнаозе, который, будучи потомком их древних царей, взойшел на трон около 300 года до Рождества Христова. Один из его потомков построил крепость в Дарьяльском ущелье, но в следующем веке, в 100 году до нашей эры, аланы пробились на Кавказ и овладели страной, которая затем стала данником Митридата, но после его свержения снова освободилась от чужеземного ига и много лет сохраняла независимость. Во времена Страбона, как повествует он, жители разделились на четыре отдельные касты, не считая рабов: знать, старейший представитель которой становился царем, воинство, духовенство и землепашцев, и в семьях преобладала общность владения имуществом при руководстве старейшего из домочадцев (который всегда обладал наивысшим авторитетом).

Четыре узких перевала пронизывают горы Кавказа, и Страбон называет центральный *Rylae Caucasiae*, то есть Кавказские Врата, иногда его также называют Дарьяльским перевалом, и во времена Страбона он был прегражден стенами и воротами, о которых Плиний говорит как о чуде природы, а Птолемей называет их Сарматскими вратами; Прокопий также коротко упоминает их и замечает, что все остальные кавказские перевалы можно перейти только пешком, но этот был доступен для лошадей и повозок. Эта местность часто была предлогом для споров между Персидской и Византийской империями, и в VI веке перевал вместе с кавказскими провинциями и Грузией перешел в руки персидского шаха Кавада, и он начал восстановление всей Кавказской стены. Но это грандиозное мероприятие было закончено лишь в царствование его сына и преемника Хосрова Ануширвана, который возвел железные ворота и башни, чтобы укрепить границу и защитить перевалы⁴⁴, и который, заключив мир с императором Юстинианом в 563 году, согласился с тем, что они должны быть открыты для восточных и западных народов, и обе державы объединились для защиты их от вторжений и набегов северных племен. Хосров также основал город Дербент, или «узкие врата», на восточном, или Каспийском, перевале, где Кавказская стена вдается на некоторое расстояние прямо в море, добавляя второй вал для защиты гавани от штормов и вражеских нападений, возведенный из камней столь колоссальной величины, что для переноски одного камня требовалось пятьдесят человек. Дербент стоит на скале и охраняется двумя башнями и семью железными воротами, построенными вместе с мечетью во время сарацинского правления халифом Харуном ар-Рашидом. Халиф сделал Дербент царской резиденцией и поставил над всеми воротами по два льва или сфинкса, которые якобы обладали волшебной силой поднимать тревогу и срывать планы неверных, постоянно пытавшихся, по утверждениям арабов, подрыть стены и проник-

⁴³ Китайские поселенцы были практически полностью истреблены Тимуром.

⁴⁴ Аль-Идриси в 1151 году утверждает, что вся Кавказская стена имела триста ворот и башен, но это число, по всей вероятности, является преувеличением, хотя он и приводит множество названий.

нуть в страну правоверных последователей пророка. По Риттеру, среди мусульман Западной Азии по-прежнему распространено пророчество о том, что империя правоверных не рухнет, пока народ неверных желтолицых врагов не пробьется за эти стены. Хосров, чтобы защитить перевалы от набегов с севера, основал на Кавказе несколько феодальных княжеств, править которыми поставил наместников и поручил им оборонять ворота. Правитель области Сарир, главной среди этих государств, лежавшей к северу от Дербента, носил титул «владыки золотого трона»; и арабский путешественник Абу Хавбаль пишет о местных жителях в 960 году, что все они христиане, хотя и живут в тесном союзе с иудейской Хазарией и окружающими мусульманскими племенами; но история умалчивает о том, были ли обращены в христианство вожди гебров, посаженные на троны Хосровом, который насадил зороастризм по всей Грузии, или корону узурпировала династия правителей из Византии. Это царство просуществовало до XIII века, когда было уничтожено Чингисханом; а до того, в середине X века, русские под предводительством князя Святослава овладели западными провинциями Кавказа; хотя полтора века спустя их выгнали оттуда половцы, которые, в свою очередь, не пережили ужасного вторжения монголов.

Примерно через два века после Рождества Христова царь Грузии Аспагур принял закон, запрещающий приносить в жертву идолам детей, и идолопоклонство было окончательно отменено в правление его преемника Мириана, правившего с 318 по 360 год, через посредство рабыни-христианки, которую армянские летописцы называют Ниной. Святая равноапостольная Нина, излечив благодаря своему искусству царицу от опасной болезни, сумела убедить своих господ принять христианство. Тифлис, современная столица, был построен в 455 году царем Вахтангом Горгасали на месте древнего поселения, которое называлось Ифилиси или Ифилискалаки, или теплый город, по находящимся неподалеку горячим источникам; и туда он перенес столицу из Мцхеты в 469 году, через четырнадцать лет после основания города. В течение VI века персидский шах Кавад завоевал Грузию и Кавказ в результате продолжительной войны; и они оставались подданными его империи до тех пор, пока трон Газневидов и гебрский культ не был свергнут во второй половине VII века победоносными армиями сарацин, которые тогда уже усвоили веру и фанатизм Мухаммеда. Эти жестокие и фанатичные захватчики, покорив Персию, отправили войска в Грузию под командованием Мурхуйреха⁴⁵, брата их халифа аль-Валида, который взял Дербент в результате яростного сражения, в котором погиб сарацинский герой Кри Хар; его похоронили у тамошней крепости, и по сей день лезгины, которые следуют учению ислама, совершают паломничества к его могиле. С того времени до конца IX века⁴⁶ арабы непрерывно вторгались в Грузию, разоряя ее, заставляя захваченные провинции принимать религию Мухаммеда и безжалостно предавая огню и мечу все города, дома и деревни, жители которых отказывались подчиниться этому приказу. В 861 году они захватили столицу Тифлис, но вскоре после этого, по причине упадка их власти в Азии, были изгнаны из Грузии, хотя и оставили множество следов своего владычества в колониях, которые по сию пору сохранились на Кавказе. Это освобождение от сарацинского ярма в основном произошло благодаря доблести и военному искусству знаменитого рода Орбелянов, которые якобы были потомками царского семейства Китая или одной из стран, граничивших с Восточной Татарией, и которые, будучи свергнуты с трона в результате великого переворота на родине, пришли в Грузию через Дарьяльский перевал и предложили свою службу удрученному, вынужденному платить дань царю, чтобы помочь ему освободить трон и страну от мусульманской тирании и угнетения. За свой успех в этом предприятии они получили от благодарного монарха укрепленный замок Орбети и с тех пор успели доказать, что являются надежнейшей опорой грузинского

⁴⁵ Видимо, автор имеет в виду Масламу ибн Абдул-Малика. (Примеч. пер.)

⁴⁶ Еврейский род Багратионов взшел на грузинский престол в VIII веке, и их потомки правили вплоть до русского завоевания.

трона и царства и храбрейшими защитниками грузинского народа и правительства, которому они неоднократно оказывали ценные услуги⁴⁷. В 1049 году нашей эры, в правление Давида I⁴⁸, тюрки-сельджуки при Тогрул-беке, своем знаменитом правителе, вторглись в Грузию и опустошили ее, заставив царя со всем его двором и сокровищницей и главными знатными семействами бежать в горы, уничтожив поля и деревни и разоряя страну везде на своем пути; но Липарит Орбелян, спаласар, то есть наместник царства, собрал небольшую группу преданных и отважных последователей и, наступая на врага, чьи силы более чем в двадцать раз превышали число его храбрых, но малочисленных приверженцев, вступил в бой со всей его армией, которую в итоге он полностью разгромил в кровопролитном сражении и унес с поля все знамена и символы врага. Но по возвращении полководец-победитель встретил низкий прием от своих неблагодарных, хотя и весьма обязанных ему соотечественников, ибо его успех и популярность и то влияние, которое он приобрел у власти, навлекли на него зависть и вражду знати. Бывшие сподвижники подстроили его подлое убийство и, лишив его сына Иване отцовских поместий, вынудила его спасаться бегством, опасаясь за свою жизнь. Однако гибель Липарита была с лихвой отомщена вторым нашествием сельджуков под предводительством их свирепого и не знающего жалости вождя – победоносного Алп-Арслана, который разгромил и сровнял с землей все войско, собранное грузинами, и, осадив Тифлис, взял столицу и подчинил себе всю страну. Владычество сельджуков, однако, продлилось недолго, ибо они были изгнаны в правление следующего царя, доблестного и дальновидного Давида II⁴⁹, который, призвав Иване Орбеляна из изгнания, вернул ему имущество отца, а также пожаловал возвращенному князю крепость Лорки в качестве некоторой компенсации за беспримерную суровость постигшего его семью наказания. В 1160 году, после смерти Давида III⁵⁰, который был справедливым и умеренным правителем, чье благоразумие сделало многое для того, чтобы исправить бедствия, причиненные сельджукским вторжением, его опустевший трон перешел к его единственному сыну Демне (Деметре); но так как юный царевич еще не достиг совершеннолетия, царь в завещании назначил регентом царства своего брата Георгия, хотя образование и воспитание своего сына доверил Иване Орбеляну III. Когда царевич достиг совершеннолетия, регент отказался передать ему бразды правления и сам принял титул царя, в то время как его угнетение и безжалостные поборы лишили его народной любви и уважения и внушили знати ненависть к нему; и тогда Иване, прибегнув к силе оружия, при поддержке множества недовольных осадил узурпатора с его сторонниками в Тифлисе. Однако армия Орбеляна была отброшена от стен столицы и вынуждена прекратить наступление; он отступил с Демной в крепость Лорки, и царь Георгий осадил Орбеляна в его же замке среди гор, где его гарнизон вскоре дошел до крайнего отчаяния от голода. В надежде добиться милосердия для себя и своих солдат молодой царевич вышел за ворота и, бросившись к ногам дяди, взмолился о жалости; но жестокий и бесчеловечный монарх бросил его в темницу и ослепил, а когда Иване сдал свою цитадель, будучи уже не в силах сопротивляться стрелам и мечам врага, как и более медленным, но более жестоким мукам голода, то и этого князя он обрек на ту же страшную участь. Хотя Орбелян сдался на условии, что ему позволят свободно и беспрепятственно уйти с немногими оставшимися сторонниками в другую страну, Георгий велел всех их предательски схватить и бросить в тюрьму, и, приказав казнить каждого второго члена побежденного рода (за исключением брата и двоих сыновей несчастного князя, бежавших в Персию) и ослепить Иване в его темнице, чтобы стереть всякую память об их свершениях и имени, он повелел стереть его с их надгробий и даже вымарать со страниц исторических трудов и летописей Грузии. Но после смерти Георгия, кото-

⁴⁷ Старейший представитель рода Орбелянов является наследным фельдмаршалом короны.

⁴⁸ В это время в Грузии правил царь Баграт IV (1027–1072). (Примеч. пер.)

⁴⁹ Это произошло при царе Давиде IV. (Примеч. пер.)

⁵⁰ Автор имеет в виду Давида V. (Примеч. пер.)

рому наследовала его единственная дочь Тамара, эта царица, чье правление можно назвать самым славным в истории Грузии, призвала в свои владения уцелевших членов рода

Орбелянов и, так как Иване скончался в тюрьме, вернула им его укрепленные поместья. Она изгнала персов, вторгшихся в ее земли, и, расширив границы своего царства от Черного до Каспийского моря, подчинила себе нескольких соседних государств. Армии ее сына Георгия IV, который назначил Иване Орбеляна IV командующим своими силами, также одержали победу над племенами к югу и западу от Грузии, которых он заставил принять христианство; но в 1220 году его правление было омрачено чудовищными разорениями, причиненными стране монголо-татарами, которые вошли в Грузию через Дербентский перевал на пути в Персию, хотя в этом своем первом нашествии они не одержали особо решающих побед над местными жителями. Два года спустя, после смерти Георгия, который сделал свою дочь Русудан⁵¹ регентом царства и опекуном ее брата, так как его сын и преемник Давид был еще мальчиком, они снова вторглись в Грузию и, представившись единоверцами-христианами и союзниками, приготовились помочь молодой царице против ее врагов татар. Чтобы осуществить обман, они вывели перед своей армией нескольких захваченных в плен священников и вынесли крест штандарта. Обманутые грузины оказались застигнуты врасплох и атакованы и потеряли 6 тысяч человек; но, обнаружив свою роковую ошибку, они собрались с силами, выступили на врага и убили 20 тысяч человек, захватив также многих пленных и обратив в бегство всю остальную армию. Царица Русудан отправила посла к Гонорию III, чтобы предупредить его об угрожающей Европе опасности, если монголам позволить продолжить их победоносный поход беспрепятственно; и в своем письме она утверждала, что не смогла прислать обещанную помощь против сарацин, потому что ей нужны были все ее войска для отражения внезапного нашествия варваров. Смерть Чингисхана, случившаяся в 1227 году, на какое-то время остановила продвижение монголов, которые поспешили вернуться в имперский лагерь, чтобы участвовать в избрании нового вождя; но, покончив с этим, они вновь завоевали Грузию, и царица, тщетно взывая о помощи к христианским странам Европы, стала свидетельницей того, как ее трон и народ простерлись ниц под пятой татарского хана, под чьим владычеством они оставались до 1500 года. Она сама стала мусульманкой, и царский род, который правил с VIII века и утверждал, что происходит от Соломона, еще сохранял свой титул и авторитет, но только по милости монгольского владыки и только при условии, что они выполняли его повеления и платили установленную дань.

Из-за переворотов и почти непрерывных войн, которые мешали развитию Грузии в течение сотен лет, она, разумеется, не сумела достичь многого в литературе или какой-либо серьезной науке или искусстве; однако святой Евфимий перевел Библию на местный язык уже в VIII веке, и до нашего времени сохранилось несколько поэтических романов, написанных в Средние века, – в частности, поэма о Тариэле⁵² военачальника Шота Руставели, служившего при дворе царицы Тамары, и ода того же автора, повествующая о ее правлении и деяниях. У грузин также есть несколько других героических эпосов, в частности «Барамияни» и «Ростомиани», и весьма уважаемые «Висрамиани» и «Амиран-Дареджаниани», две прозаические работы Саргиса Тмогвели и Мосэ Хонели; но они, вместе с собранием гимнов патриарха Антони, кодексом Вахтанга, составленным Вахтангом VI в 1703 году, и хрониками того же правителя составляют почти весь корпус грузинской литературы.

⁵¹ Русудан была сестрой, а не дочерью Георгия IV и, соответственно, опекуной племянника, а не брата. (*Примеч. пер.*)

⁵² Поэма «Витязь в тигровой шкуре» (1189–1212). (*Примеч. ред.*)

Глава 6

Финны. – Русские. – Новгород и Киев. – Рюрик. – Олег. – Игорь. – Ольга

Финны, или чудь (то есть чуждые для славян народы), как их прозвали в России, раньше занимали всю ту часть страны, что лежит к северу от Валдайских гор, между Вислой и Уралом, и обычно считается, что они были аборигенными обитателями Скандинавии, откуда их изгнали готы. Будины, описанные Геродотом, видимо, были финским племенем; Птолемей во II веке упоминает финнов вместе с гифонами и венедами как народы менее численные и сильные, живущие в окрестностях Вислы; а во времена Плиния южное побережье Балтии, к востоку от этой реки, называлось неясным термином Финнингия. Притчард и Латем придерживаются того мнения, что финляндцы, лапландцы и большинство сибирских племен принадлежат к одному и тому же народу, который, по всей видимости, был близко связан с гуннами и игурами, с которыми некоторые авторы их отождествляют и называют собирательным термином угры. По мере того как мощь славян росла, они постепенно одолели все аборигенные орды и оттеснили их еще дальше на север; ибо, как мы узнаем от древнерусского летописца Нестора, финны в его время занимали всю территорию от Чудского озера на восток. Магьяры Венгрии принадлежат к тому же народу, который знаменит своей любовью к музыке и поэзии и сочинил множество песен и героических баллад, а также длинных стихотворных романов и легенд⁵³. Они поклонялись солнцу, луне и звездам, среди которых особые почести воздавали созвездию Большой Медведицы, а также ветру, озерам, рекам, источникам и водопадам и еще нескольким богиням; их главное божество звалось Йомала⁵⁴, и они верили в загробную жизнь.

Они рано овладели искусством выплавки железа; финские слова встречаются в исландских сагах⁵⁵, и предание приписывает финнам открытие множества рудников в Швеции. Они также упорно занимались сельским хозяйством и, видимо, прекрасно владели всеми орудиями земледелия, хотя из-за суровости климата, добывая пропитание, им приходилось главным образом полагаться на рыболовство в своих многочисленных озерах. Финляндская провинция частично была подданной России в ранний период своей истории; но в XII веке ее завоевала Швеция, которая давно пыталась силой и тиранией обратить местных жителей в христианство. Английский священник по имени Генрих, сопровождавший в этом походе шведского военачальника Эрика, был назначен епископом страны и ревностно взялся за распространение христианской веры; но насильственные методы, к которым он прибег, чтобы заставить финнов отказаться от своих идолов, привели к восстанию против захватчиков, и Генрих, пав жертвой ненависти местных жителей, погиб в сумятице, был впоследствии канонизирован и стал святым покровителем Финляндии. И до и после его смерти этот злосчастный народ подвергался несказанным мучениям; все, кто отказывался креститься, безжалостно предавались смерти мечом и огнем, и, хотя гонения в конце концов заставили их открыто признать христианскую веру, они по сию пору сохраняют множество поверий.

В Средние века слово «финн» было синонимично слову «колдун», и считалось, что этот народ состоит в особых сношениях с дьяволом; и во все времена они были знамениты своими чародеями, действия которых чрезвычайно схожи с действиями ангангаков в Гренландии и

⁵³ Одной из самых пространных их поэм является Калевала, полухристианское-полуязыческое произведение, повествующее о матери (явная аллюзия на Богородицу) и ее ребенке. Необычный стихотворный размер Калевалы, вероятно, и стал вдохновением для поэмы Лонгфелло «Гайавата».

⁵⁴ У волжских племен это божество называется Юмой.

⁵⁵ В саге о святом Олафе, повествуя о битве при Стиклешгадте, бард говорит: «Сам царь доказал силу волшебства финского народа».

шаманов северных татар Сибири. Або, столица Финляндии до 1827 года, когда она была разрушена из-за пожара и правительство пришлось перенести в портовый город Гельсингфорс⁵⁶, прекрасно построенный, охраняемый сильной крепостью Свеаборг, был основан около XII века и в Средние века пять раз сильно пострадал от пожара, а в 1509 году был разграблен и едва ли не полностью уничтожен датчанами. Город стоит на мысе между Ботническим и Финским заливами, в нем был университет, музей и библиотека, а также некоторые другие общественные заведения, прежде чем все это перешло к его сопернику; большая часть Финляндии оставалась под властью Швеции до 1809 года, когда была окончательно подчинена России, и ее потеря стала серьезным ударом для Швеции, для которой она всегда была ценным союзником. Ее солдаты отличились под знаменами Густава-Адольфа во время Тридцатилетней войны; в дни Тацита она была знаменита своими стрелками; а финский полк доблестно сражался в армии Вильгельма III на реке Бойне. Имя русских⁵⁷ впервые в истории упоминается в 839 году, когда их небольшая группа, приехавшая в Константинополь со своим повелителем, которого византийские хроники называют Хаканус (что, вероятно, означает его титул каган или хан), сопровождала посольство, отправленное императором Востока Феофилом к Людовику Благочестивому, королю Франции, сыну и преемнику Карла Великого, в обозе и под защитой пышного посла греков. Некоторые историки предполагают, что это были потомки роксоланов, вторгшихся в Мезию в 70 году христианской эры и разбивших две римские когорты, после чего Адриан заключил мир с их царем, но впоследствии они были оттеснены на север, где географ из Равенны в 886 году помещает их в окрестностях Новгорода (русские еще прежде того основали там царство) и считает их славянским или сарматским племенем; но Константин Багрянородный⁵⁸ говорит о русских как о народе, отличном от славян и в его времена говорившем на другом языке⁵⁹. По мнению Левека, они происходят от гуннов, но переняли имя и язык своих славянских завоевателей, бывшие, несомненно, потомками сарматов; а шведские предания говорят, что гунны в древности образовали в России могущественную монархию, которая, по их словам, в то время была очень густо населена. Точно известно, что после смерти Аттилы, когда его приверженцев прогнали обратно на равнины Скифии, славяне также были вытеснены готами с берегов Дуная, изгнаны гуннами на Крайний Север и юго-запад России и, распространившись по Сарматии, или Западной Скифии, рассеялись и разделились на множество племен и народностей, главными из которых были поляки под предводительством своего вождя Леха, по чьему имени они в старину назывались ляхами; древляне, название которых происходит от лесов и рощ, в которых они жили на Волыни; и кривичи, основавшие город Смоленск и его крепость. Если верить некоторым авторам, русские получили свое имя от слова «россея», что на их языке означает «рассеяние», то есть рассеянный народ; другие же, к числу которых относятся Герберштейн и татарский историк и хивинский хан Абулгази Багадур, утверждают, что от имени Руссус, брата польского героя Леха, а также существует мнение, что они получили имя по цвету своих волос; а по мнению Левека, общие восточные традиции подтверждают, что они всегда были разными народами с разным происхождением и что с незапамятных времен их привычки, нравы и язык не имели никакого сходства с каким-либо иным народом Европы⁶⁰.

⁵⁶ Гельсингфорс – ныне Хельсинки.

⁵⁷ Герберштейн в 1549 году говорит, что москвиты утверждают, будто в древности Россия называлась Россея. Нестор в своей летописи говорит: «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозваны были потому, что сидели в поле, а язык был им общий – славянский».

⁵⁸ На своей карте он дает русские и славянские имена порогам на Днепре.

⁵⁹ Некоторые авторы предполагают, что славяне в древние времена владели письменностью, еще до того, как узнали ту, которой пользуются теперь, но для такой гипотезы слишком мало оснований. В 1781 году несколько рукописей было найдено в Новгороде в совершенно идеальном состоянии. Они написаны теми же буквами, что и надпись на часах в монастыре Святого Саввы в Звенигороде, подле Москвы.

⁶⁰ Русские упоминаются дважды в Коране, а греческое слово Ῥώς, которым греки называют русских, дважды встречается

В начале V века та часть русской территории, которую населяли славяне, разделилась на несколько отдельных государств, самыми крупными и важными из которых были Новгородское, Смоленское, Полоцкое и Киевское. Предание гласит, что в середине III века три сарматских или славянских брата – Кий, Щек и Хорив с сестрой Лыбедью пришли с востока и разделили всю Южную Россию между собой, дав государствам собственные имена. Кий основал город Киев и, возглавив вторжение сарматов в Восточную империю, проник со своими войсками до самого Константинополя и заставил императора Проба уступить варварам большие сокровища и заключить с ними мир; но впоследствии, возглавляя другой поход в Болгарию, он погиб в бою, а его царство вместе с царствами его братьев погибло в следующем веке в борьбе с ужасным нашествием превосходящих силой гуннов. Можно представить себе картину этого вторжения, о котором у нас практически нет никаких сведений, по рассказам, дошедшим до нас о более недавних монгольских завоеваниях, и того, как были уничтожены всякие следы цивилизации – если там было что уничтожить – и сметены с лица земли страшная и разрушительная поступь гуннов. Они, по-видимому, дошли даже до болотистых берегов Севера; но примерно полвека спустя, после того как они оставили пустынные степи Скифии и пришли в Венгрию, сарматы или славяне добрались назад в свои прежние места, и преемник Кия с таким же именем восстановил город Киев в 430 году христианской эры. Впоследствии его завоевал Олег, воинственный и победоносный новгородский князь, в чьем владении Киев оставался до его смерти, после чего город и государство покорили хазары и правили почти всей Южной Россией более двухсот лет.

Согласно Нестору, древнему летописцу и русскому «Беде Достопочтенному», Новгород был основан славянами примерно в то же время, когда был во второй раз отстроен Киев. Поскольку он был выгодно расположен у слияния Волхова с озером Ильмень и обладал по озеру Ладога и Неве прямым сообщением с Балтийским морем, некоторые авторы предположили, что на этом месте еще до вторжения славян на север России существовал крупный финский город, и эту гипотезу поддерживает само название Новгород – Новый город; и несколько древних руин, которые до недавнего времени были видны в окрестностях Новгорода, считаются остатками этой древней и не попавшей в летописи столицы финнов или, возможно, гуннского города.

По форме правления Новгород был республикой при посаднике, выбираемом из числа бояр, и город еще в ранний период своей истории приобрел такую власть и богатство, благодаря обширной караванной торговле, которую вели его купцы и знать с пермяками, хазарами и волжскими болгарами, а через них с Персией и Индией, что у соседних народов распространилась поговорка «Кто может противиться богам и Великому Новгороду?», и в его стенах, как говорят, проживало 400 тысяч горожан. Но его земли окружали враги – соседние финские или чудские племена и пермяки, которые постоянно совершали набеги на республику, а прославленные сокровища их храмов пробудили алчность скандинавских морских разбойников – или варягов, как они называются в русских летописях, – часто разорявших тамошние берега; и, завладев провинциями Ревель и Ливония, много лет вели непрестанную войну с соседними славянскими и финскими народами. Эти пираты шли наемниками к тому, кто больше платил, и сами новгородцы часто покупали их помощь в борьбе с грабительскими набегами других врагов, которые в конце концов, заключив союз для укрепления мощи, настолько поставили под угрозу само существование республики, чьи силы были ослаблены из-за постоянных войн, что Гостомысл – последний потомок мужского пола длинной линии князей, лежа на смертном одре, посоветовал согражданам признать его наследником и главным посадником Новгорода его зятя Рюрика, варяжского конунга, и тем самым заручиться союзом и защитой варягов. Рюрик, сын шведского монарха Лудбрата и его супруги Умилы, дочери Гостомысла, родился

в Упсале в 830 году; и в 861 году, ответив на приглашение новгородских бояр, сопровождаемый двумя братьями Трувором и Синеусом и разношерстной компанией финских, славянских и норманнских искателей наживы, приплыл на нескольких кораблях по Волхову и попытался укрепиться в городе. Его притязания, однако, были отвергнуты подавляющим большинством местных жителей, которые не желали подчиняться правлению чужеземца и варяга, чьих спутников они считали дикарями и грабителями, и, не допустив их к себе в город, заперли перед ним ворота. Но вместо того чтобы вернуться к себе на корабль, он прибег к силе оружия и, взяв город Ладогу, укрепил его земляным валом, устроил там свой штаб, а его братья тоже укрепились на небольшом расстоянии от города. Новгородцы собрали крупное войско, выступили из города под командованием своего самого опытного полководца Вадима, чтобы выгнать захватчиков из укреплений, но были разгромлены в отчаянной битве, их войско было полностью уничтожено, а командир убит, и Рюрик, сразу же оставив свою цитадель, выступил на Новгород, где оставшиеся без полководца горожане, полностью дезорганизованные из-за поражения, покорились ему без дальнейшего сопротивления и отдали власть в его руки в 862 году. Он делал Синеуса правителем Белоозера, а Трувора – Изборска, главных городов на подданных территориях, которые, после того как оба брата умерли, не оставив наследников, Рюрик снова включил в состав своих владений и, отменив республиканскую форму правления, принял титул великого князя. Он навел мир в землях, укрепил свои владения⁶¹ и, видимо, правил справедливо и умеренно, примирив народ со своей властью тем, что перенял славянский язык и образ жизни, его спутники взяли в жены местных женщин, и сам он женился на представительнице древнего и знатного новгородского рода, чтобы получить дополнительные права на престол; и после смерти Рюрика в 878 году ему унаследовал сын Игорь, но так как тому было всего лишь год от роду, то зять Рюрика Олег взял на себя обязанности регента.

Варяги не долго довольствовались этой северной оконечностью славянских земель, и территория Киева, чья столица находится, подобно Риму и Константинополю, на семи холмах, а вершины смотрят на широкий, быстротечный Днепр, была слишком плодородна, густо населена и богата, чтобы длительное время избегать взглядов столь дерзких и жадных разбойников, постоянно ищущих возможностей для опасных походов и грабежа и которые, хотя и привычные к мерзлым и бесприливным водам Балтики и ее болотистым и негостеприимным берегам, при всякой возможности, предоставлявшейся им из-за слабости, междоусобиц или малодушия народов, с которыми они вступали в соприкосновение, укрепились в более приятной и благодатной атмосфере юга и в Англии, Франции и самых солнечных и плодородных провинциях Италии заставили уважать свою державу и бояться своей мести, создавая царства и благородные династии, чьи потомки сейчас с гордостью возводят свое происхождение к грубым и воинственным морским разбойникам – варягам. Вскоре после занятия Новгорода они обратили оружие против богатых и пышнозеленых равнин, на которых стоит Киев, и под командованием пасынка Рюрика Аскольда и одного из его военачальников Дира выгнали хазар, которые за много лет до того распространили свое владычество на этот город и окружающую местность и, твердо установив свою власть над всей Киевской землей, в 866 году предприняли первый военный поход русских на Константинополь. Воспользовавшись временным отсутствием в городе императора Михаила, они приплыли на боевом флоте в двести судов по Босфору и даже заняли порт Византии и вернулись домой, нагруженные взятой в греческих городах добычей; хотя сильная буря – по греческим легендам, вызванная заступничеством Девы Марии, часть накладки которой хранилась в Византии как святая реликвия и была вынесена на крест-

⁶¹ По мнению Шторха, империя Рюрика протянулась по тем землям, которые позже составили Ревельскую, Рижскую, Полоцкую, Псковскую, Выборгскую, Санкт-Петербургскую, Новгородскую, Олонецкую, Смоленскую, Архангельскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую и Вологодскую губернии; однако Архангельск, разумеется, принадлежал Перми, а Смоленск и Полоцк были независимыми государствами, пока их не подчинили себе Олег и Владимир.

ный ход по приказанию поспешно вернувшегося императора, – заставила их преждевременно высадиться в гавани Константинополя⁶².

Примерно в то же время между Греческой империей и побережьем Балтийского моря благодаря торговым предприятиям новгородских и киевских купцов было установлено регулярное сообщение. Озера и реки летом и лед зимой соединяли Новгород с Балтикой, и он принимал в свои кладовые все плоды севера и доставлял его на ладьях в Киев, где его свозили в крупные хранилища до ежегодного отплытия флота в Константинополь, что обычно происходило в июне. Корабли доплывали по Днепру⁶³ до тринадцатых порогов⁶⁴, где камни и быстрины ломают плавное и ровное течение реки. Некоторые пороги удавалось миновать, просто сняв часть груза с кораблей, а самые грозные и опасные преодолевали тем, что перетаскивали ладьи посуху; затем, остановившись на острове за последним порогом, устраивали праздник, чтобы отметить избавление от опасностей реки и враждебных племен, которые кочевали по ее заросшим ельником берегам и потом продолжали путь к морю, где их ждали более грозные ветра и высокие волны. Однако, перед тем как пересечь Понт Эвксинский, на втором острове подле устья реки мореходы чинили свои хрупкие ладьи, пострадавшие во время рискованного путешествия по суше и воде, и с попутным ветром через несколько дней приставали к берегу в Константинопольской гавани. Русские ладьи, построенные на узком основании из выдолбленного бревна, на которое набивали доски, поднимая и расширяя борта до необходимой высоты и длины, были нагружены рабами разного возраста (в Константинополе на был большой спрос на русских солдат), шкурами, мехами, балтийским янтарем, медом и пчелиным воском; и в положенное время они возвращались с богатым грузом зерна, масла, вина и другими плодами Греции, вышитыми тканями из Персии и пряностями и черным деревом с Индийских островов. Для продвижения торговли группа русских купцов обосновалась в Константинополе и провинциальных городах и деревнях Византийской империи, и между двумя народами составлялись договоры, которые защищали самих купцов, их имущество и привилегии. Однако чудесные рассказы о богатствах и великолепии Константинополя, которые привозили домой купцы и мореходы кораблей в этих торговых предприятиях, возбуждали в их соотечественниках жажду большего богатства, нежели могла предоставить сравнительно скромная торговля, и в течение ста девяноста лет русские предприняли четыре морских похода для грабежа сокровищ греческой столицы.

Христианская религия, по-видимому, проникла в Киев после похода Аскольда, который по возвращении из этого военного предприятия против Константинополя вместе со многими своими спутниками принял христианство; и Константин Багрянородный и другие греческие историки рассказывают, что при жизни этого князя император Василий Македонский и византийский патриарх святой Игнатий послали в Киев епископа, который многих обратил в христианскую веру, в основном благодаря чудесному спасению тома Евангелий, который остался не тронут пламенем после того, как неверующие бросили его в костер, и уже в 891 году⁶⁵

⁶² Подробное повествование о походе на Константинополь Аскольда и Дира приводят греческие историки Иоанн Зонара, Георгий Кедрин, Константин Багрянородный и патриархи Фотий и Игнатий, причем двое последних были очевидцами происходящего. Фотий рассказывает: «Не только этот народ [болгары] переменил прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на самую Ромейскую державу! Но ныне, однако, и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан». Русские хроники также упоминают, что император, при чьем правлении состоялся поход, убедил их после заключения мира стать христианами.

⁶³ Днепр в древности называли Борисфеном, что происходит от скифских или славянских слов «бор» и «стена», так как берега этой реки окаймлены густыми хвойными лесами.

⁶⁴ Тринадцать отмечены на карте Константина Багрянородного, и он дает им славянские и русские названия. (Сохранились названия девяти порогов: Кодацкий, так же называемый Эссупи, т. е. «Не спи», Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытец, Вовниговский, Будильский, Лишний, Вольный. – *Ред.*)

⁶⁵ У русских есть предание, будто бы у них в стране проповедовал святой Андрей. Герберштейн в своих «Записках о

в перечне духовенства, подчиненного византийскому митрополиту, появляются русские прелаты. В правление Игоря упоминается киевская церковь Ильи-пророка, где варяги-христиане клялись соблюдать договор между русским князем и народом и константинопольскими послами, и якобы при нем были вырыты катакомбы и пещеры Киево-Печерской лавры⁶⁶.

В 879 году, на следующий год после смерти Рюрика, новгородский регент Олег собрал большое войско со всех многочисленных племен, населявших его владения, и в сопровождении малолетнего Игоря выступил на Смоленск, столицу кривичей – славянского племени, которое заложило его примерно в одно время с Новгородом. Победив и сметя все меньшие города и деревни между двумя княжескими городами, он покорил Смоленск и, погрузившись с войском на флотилию малых и ненадежных кораблей, которые вытребовал у новгородских купцов и приказал доставить по суше до берегов Днепра чуть севернее Смоленска, поплыл вниз по реке и прибыл к Киеву. Там, сойдя с корабля, он переделся новгородским купцом, вошел в город, заявив, что прибыл с торговыми судами, и пришел один и пеший во дворец великого князя и уговорил того посетить с немногими придворными и слугами его корабли, чтобы посмотреть товары. Как только обманутый Аскольд пришел на берег, новгородцы попрыгали со своих ладей, схватили злосчастного князя и тут же его убили, и Олег, силой войдя в город во главе своего отряда, завладел всей провинцией и перенес свою столицу в Киев, так как Киев располагался ближе к Константинополю и отличался более благоприятным климатом и плодородной почвой, и к тому же его центральное положение давало большие преимущества по сравнению с прежней столицей. Олег силой или уговорами привлек на свою сторону множество славянских и литовских племен, которые прежде подчинялись хазарам, и приказал северянам и радимичам – двум кавказским народам – долее не выплачивать оговоренной дани хазарам, и киевлян со своим правлением примирил тем, что ослабил суровость законов и уменьшил подати. Несколько лет он правил в Киеве и, оставив за себя Игоря до возвращения, снарядил поход на Константинополь, и в 904 году отправился ко входу в Босфор, где греки, приготовившись оказать ему сопротивление, поставили прочную преграду из укреплений для обороны пролива; но Олег миновал их, перетащив корабли посуху, и прибыл к Константинополю, где повесил свой щит на врата в знак победы и вступил со своими воинами в столицу. Совершенно не ожидая нападения, греки, изумленные и встревоженные внезапностью, с которой вождь варваров преодолел грозное препятствие, возведенное ими для защиты от него же, пребывая в глубокой уверенности, что оно окажется непреодолимым для дикарей, незнакомых с греческим инженерным искусством, вступили с захватчиками в переговоры и сразу же заключили перемирие. Пока чужаки оставались в городе, император Лев задал русскому князю и его спутникам пир, на котором попытался отделаться от своих неприятных гостей, трусливо прибегнув к яду; но попытка не удалась, и византийскому монарху пришлось согласиться на позорный мир и выкупить город, чтобы спасти его от разорения. Условия договора обязали Льва выплатить определенную сумму всем Олеговым кораблям и освободить от сборов и пошлин русских купцов, торгующих в Греческой империи. Великий князь вернулся в Киев на судах, украшенных шел-

Московии» говорит: «Русские открыто похваляются в своих летописях, что ранее Владимира и Ольги земля русская получила крещение и благословение от апостола Христова Андрея, который, по их свидетельству, прибыл из Греции к устьям Борисфена, приплыл вверх по реке к горам, где ныне находится Киев, и там благословил и крестил всю землю. Он воздвиг там свой крест и предсказал, что на том месте будет великая благодать Божья и много христианских церквей. Затем оттуда он добрался до самых истоков Борисфена к большому озеру Волк и по реке Ловати спустился в озеро Ильмень, оттуда по реке Волхову, которая течет из этого озера, прибыл в Новгород; отсюда по той же реке он достиг Ладожского озера и реки Невы, а затем моря, которое они именуют Варяжским, а мы – Немецким, и, проплыв между Финляндией и Ливонией, добрался до Рима. Наконец, в Пелопоннесе он был распят за Христа Агом Антипатром. Так гласят их летописи». Муравьев в своей «Истории русской церкви», ссылаясь на древнего летописца Нестора, говорит: «Святой Андрей, призванный первым из двенадцати, заранее благословил христианство в нашей стране, задолго до его официального учреждения. Поднявшись по Днепру и проникнув в пустыни Скифии, он установил первый крест на киевских холмах и сказал своим ученикам: «Видите вы эти холмы? На этих холмах воссияет свет Божьей благодати. Тут будет великий город, и в нем будет много церквей во имя Божье».

⁶⁶ Киево-Печерская лавра основана в 1051 году при Ярославе Мудром. (Примеч. пер.)

ковыми парусами, и через несколько лет заключил с Константинополем новый договор, чтобы обезопасить жизнь и имущество русских торговцев, из которого следовало, что если русский умрет во владениях константинопольского императора, не оставив завещания, то его имущество должно быть передано его наследникам на Руси, а при наличии завещания – назначенным душеприказчикам; что если русский убьет грека или грек русского, то убийцу следует предать смерти на месте, где было совершено преступление; а если убийца сбежит, то его имущество должно быть передано ближайшему наследнику убитого при сохранении некоторого содержания для жены преступника. Также было оговорено, что за удар мечом или другим оружием с нарушителя взимается штраф в три меры золота; а если вора – грека или русского – застанут с поличным, то его позволено предать смерти; но если его схватят позже, то надлежит возвратить имущество владельцу, а с преступника взыскать сумму втрое больше стоимости краденного.

Хотя Олег был всего лишь регентом, он лично управлял государством тридцать четыре года, и Игорь унаследовал отцовский трон лишь после смерти своего опекуна, которая произошла в 913 году от укуса ядовитой змеи, причем если верить Нестору, то змея заползла в череп любимого коня Олега, как и предсказывали вещуны за пять лет до того, что конь станет причиной смерти своего хозяина. Узнав, что конь, на которого с того рокового пророчества Олег больше не садился, умер, Олег пришел посмотреть на его труп и, поставив ногу на его череп, воскликнул: «Так вот конь, которого я боялся!» – как вдруг оттуда выползла змея и смертельно укусила его в ногу.

Игорь, которому в то время было тридцать восемь лет, провел большую часть царствования в усмирении беспорядков, возникавших то и дело в разных частях его владений. Он разгромил и отразил печенегов – татарский народ, обитавший к северу от Каспийского моря и отправившийся в наступление на Киев крупными силами; подчинил древлян, населявших территорию современной Волыни, последнее из славянских племен, которое перешло к оседлой жизни и к тому моменту лишь недавно поселившееся в городах и деревнях. Преодолевая упорное сопротивление в течение трех лет, он также подчинил себе уличей, племя, населявшее берега Днепра и боровшееся за свою независимость, и первые двадцать восемь лет правления провел практически в непрерывных войнах. Но когда великий князь сумел восстановить спокойствие в подчиненных землях, его дружинники стали настойчиво уговаривать его последовать примеру своего предшественника и возместить государству потери, понесенные им в этих междоусобных распрях, за счет богатств зажиточных греческих городов. Этот совет слишком совпал с собственным честолюбием и алчностью князя, чтобы он мог отвергнуть или проигнорировать его; и в 941 году Игорь снарядил флот для похода на Константинополь, вышел в Черное море, в то время когда морские силы империи были заняты войной с сарацинами, и, разорвав провинции Понт, Пафлагонию и Вифинию, вошел в Босфор. Но греки, уже получившие представление о реальной силе и упорстве своего северного недруга, усиленно готовились к отражению этого внезапного набега и, погрузив на все оставшиеся у них корабли и галеры огромные запасы страшного греческого огня⁶⁷, который они всегда использовали в военных операциях и пламя которого не гасила даже вода, вылили его на воду во все стороны от своих кораблей и так затопили и уничтожили две трети из вражеских ладей. Многие тысячи рус-

⁶⁷ Состав греческого огня, который так широко применялся в войнах Византии и был самым грозным средством обороны на службе у греков, которое их императоры изредка одалживали союзникам, считался важнейшим государственным секретом и почти четыре века был неизвестен мусульманам, но, как только сарацины его открыли, они тут же применили его для отражения крестоносцев и победы над греками. Одним из его главных ингредиентов, как полагают, была сырая нефть, или битум, который собирают на берегах Мертвого моря, и при воспламенении его почти невозможно погасить, так как вода не оказывает на него никакого действия. Во время осады его выливали с крепостных стен или бросали в раскаленных каменных или железных шарах, словно снаряды, или, пропитав им льняную ткань, обматывали ею стрелы и копья. Он дает густой дым и громкий взрыв, и крестоносец Жуанвиль так описывает его: «Он пронесся по воздуху, подобно крылатому дракону, толщиной с кабанью голову, с грохотом грома и быстротой молнии, и его чудовищные вспышки рассеяли ночную тьму» (*Роберт Парижский*).

ских, чтобы не сгореть заживо, попрыгали в море, где большинство погибло в волнах; другие попали в плен и были обезглавлены по приказу императора, а с остальными, когда они пытались выбраться на берег, бесчеловечно расправились фракийские крестьяне. Оставшиеся суда ускользнули на мелководье, Игорь вернулся с ними в Киев и к следующей весне, усилив свою мощь за счет союза со своими прежними врагами печенегами, подготовил еще один поход, которым надеялся возместить потери и отомстить врагам. Но греки, стремясь избежать бедствий нового русского набега и не желая подвергать себя риску поражения от рук свирепого и мстительного противника, предложили возобновить старый договор, заключенный между греческим императором и Олегом, и заплатить Игорю дань, которую его более успешный предшественник вытребовал на каждый свой корабль; и после некоторых колебаний русский князь согласился на эти условия⁶⁸. «В этих морских военных действиях, – говорит Гиббон, – все невыгоды были на стороне греков, их дикий противник не знал пощады, его бедность не позволяла рассчитывать на добычу, его недоступное отечество лишало победителя возможности отмщения, а вследствие самомнения или вследствие бессилия в империи установилось убеждение, что в сношениях с варварами нельзя ни приобрести славу, ни утратить ее. Сначала эти варвары предъявили неумеренное и неисполнимое требование трех фунтов золота на каждого солдата или матроса, русская молодежь хотела завоеваний и славы, но седовласые старцы старались внушить ей более умеренные желания. «Будьте довольны (говорили они) щедрыми предложениями Цезаря, разве не более выгодно приобрести без боя и золото, и серебро, и шелковые ткани, и все, что составляет предмет наших желаний? Разве мы уверены в победе? Разве мы можем заключить мирный договор морем? Мы не стоим на твердой земле, а плаваем над водной бездной, и над нашими головами висит смерть». Воспоминание об этих северных флотах, точно приплывавших из-за полярного круга, производило в императорской столице глубокое впечатление ужаса. Ее жители всех званий утверждали и верили, что на конной статуе, стоявшей в сквере Тавра, существовала тайная надпись с предсказанием, что в конце концов русские овладеют Константинополем».

Четыре года спустя после возвращения в Киев Игорь отправился в поход на древлян, чтобы принудить их к выплате дани. Он уже обременил их тяжелыми поборами и в конце концов вызвал их недовольство, прибавив к прежней дани новую. Древляне собрались на совет и приняли решение отныне не подчиняться его тирании и насилию. «Если повадится волк к овцам, – сказали они, – то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». В лесу, через который должен был проехать князь со своей дружиной, у города Искоростеня (Коростеня) на реке Уж, они устроили засаду и убили Игоря. Князь погиб в 945 году, на шестьдесят девятом году его жизни, и его похоронили недалеко от места убийства; а над его могилой возвели курган по древнескифскому, или славянскому, обычаю⁶⁹. Он был женат на княгине Ольге – Прекрасе, как ее называют русские летописи, то есть очень красивой, и имел от нее одного сына – Святослава. Ольга родилась в деревне под названием Выбуты, что примерно в 12 километрах от Плескова (Пскова), в семье лодочника или, как говорят некоторые историки, обедневшего боярина, и происходила из рода древних каганов России. Игорь встретил ее случайно, на охоте в лесу, и, пораженный ее необыкновенной красотой, посадил рядом с собой на княжеский престол; и в 903 году их свадьбу с большой пышностью и пирами отпраздновали в храме Перуна в Плескове. Получив известие о гибели супруга,

⁶⁸ По Нестору, в этом документе оговаривалось, что «да не имеет права князь русский воевать в тех странах (Корсунских, то есть херсонских), во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, – дам ему, сколько ему будет нужно... Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла. И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь. И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране». Этот договор доказывает, что русские беспокоили греческие города в Крыму уже в ту раннюю эпоху.

⁶⁹ Татищев говорит, что в 1710 году он сам видел курган – могилу великого князя Игоря.

она приняла бразды правления в Киеве и вознамерилась сторицей воздать за убийство великого князя. Немного погодя ей представилась благоприятная возможность, ибо вскоре после восшествия на престол князь древлян Мал, или Мальдитт, прислал к ней сватов звать замуж за себя. Она отдала жестокий приказ заживо закопать всех послов, а к древлянам отправила гонцов с посланием, что, если они хотят видеть ее своей княгиней и владычицей, пускай пришлют сватов получше; и затем, приказав сжечь новых послов заживо в бане, сразу же в сопровождении большой дружины выступила на древлян, прежде чем известие о чудовищной участи соплеменников достигло их ушей. Прибыв к древлянам, Ольга объявила, что согласна на предложение князя Мала, и пригласила его на пир со всей знатью; и посреди пира, когда те уже были пьяны от вина, вооруженные спутники Ольги внезапно напали на них и зарубили, так как она заранее отдала им такой приказ; и ее дружина разорила и разграбила страну, спалив дотла город Искоростень, возле которого был убит Игорь, и наконец покорила всю их землю и присоединила ее к своему государству.

Возвратившись в Киев, Ольга отдала все силы ради развития России и благополучия и процветания народа: она проехала по своим владениям и в пути отдавала повеления о строительстве мостов и дорог, поддерживала торговые предприятия и старалась расширить и облегчить внутреннее сообщение в государстве. Она заложила множество городов и сел и, видимо, по праву пользовалась любовью своего народа, которым правила справедливо и умеренно и который долго почитал ее и уважал. В 955 году, в период глубокого мира, наступившего в ее владениях, она оставила престол и со множеством слуг отплыла из Киева к императору Константину Багрянородному в Константинополь, где византийский монарх устроил ей пышный и блестящий прием. Образованный и утонченный кесарь был весьма впечатлен исключительным умом и знаниями своей необыкновенной гостью. Целью ее путешествия, видимо, было поближе познакомиться с обрядами и учением христианской религии, чьих приверженцев она уже защищала в Киеве; ибо вскоре после ее прибытия в греческую столицу она обратилась в христианство и приняла крещение от патриарха Полиевкта в константинопольском соборе Святой Софии. Примеру княгини также последовал ее дядя, тридцать четыре прислужницы, двадцать два дружинника, два толмача и тридцать четыре купца, составлявших ее свиту, причем сам император был ее восприемником и дал ей множество ценных и великолепных даров⁷⁰. По возвращении в Киев она стала твердо исповедовать новую религию и упорно трудилась над ее распространением на своей земле, даже отправилась к себе в родную деревню Выбуты и Плесков, чтобы наставить в христианстве тамошних жителей; но все ее усилия не увенчались особым успехом, поскольку и ее родственники, и народ упрямо держались своей древней веры. Она построила несколько церквей, и множество греческих миссионеров поселились в ее империи, и на Руси не устраивали гонений на христианскую церковь, а, скорее, относились к ней с насмешкой и презрением; однако пример княгини, видимо, все же произвел на народ некоторое впечатление, и многие русские купцы из Константинополя, пораженные великолепием греческих храмов, пышностью их обрядов и торжественностью богослужений, возвратившись домой, сравнивали их с идолопоклонством и жестокими ритуалами своей страны и часто переходили в христианство. Особенно характерно это было для Новгородской земли, где, по преданию, еще при жизни княгини Ольги отшельники Сергей и Герман жили на пустынном острове Валаам на Ладожском озере и откуда святой Авраамий якобы отправился проповедовать диким жителям Ростова.

Ольга, которая причислена к лику святых в Русской православной церкви и о которой русская летопись говорит: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом», умерла в 969 году; ее преемником на престоле стал

⁷⁰ Некоторые авторы утверждают, что греческий император хотел жениться на великой княгине, но для этой истории, по всей видимости, нет никаких оснований.

сын Святослав, которому, несмотря на все старания, ей не удалось привить ни христианскую веру, ни просвещенные взгляды на законы и власть. Княгиню похоронил греческий священник Григорий, сопровождавший ее из Константинополя, в том месте, которое выбрала она сама, хотя впоследствии ее правнук Ярослав перенес ее останки оттуда в Десятинную церковь в Киеве, в исполнение последней воли на ее могиле не справлять тризны – языческого ритуала, который обычно совершался на Руси на могилах знати.

Точно неизвестно, когда на Руси в общее употребление вошли чеканные деньги, однако в Новгороде было найдено несколько монет, изготовленных примерно в тот период, на которых изображен всадник верхом на лошади⁷¹. Гривна впервые упоминается в русских анналах в 971 году, когда во время великого голода за лошадиную голову платили по полгривны; и это название, видимо, означало не только денежную единицу, но и меру веса в полфунта серебра; и равнялась пятидесяти кунам – это была монета, стоимость которой была равна стоимости шкурки куницы, так как налоги обычно платили мехами.

Пока правители Руси сидели в Киеве, ее северная столица Новгород продолжал расти и снова превратился в крупный и важный город. Новгород был разделен на пять «концов», окруженных каменными стенами под защитой башен и крепостных валов, на которых постоянную стражу несло множество лучников и копейщиков. Население его насчитывало около полумиллиона жителей.

⁷¹ По сведениям сэра Джерома Горсея, в этом знаке запечатлено событие, по-видимому, то же, о котором повествует Геродот применительно к скифским рабам. «Бояре, – говорит Горсей, – новгородские и окрестных стран (по туземному обычаю они одни только отправляют военную службу) были на войне с татарами. Кончив ее со славой, они возвращались домой, но на пути узнали, что оставленные ими дома холопы, или рабы, в отсутствие их овладели их городами, поместьями, домами, женами и всем прочим. Такая новость поразила их, и, презирая гнусный поступок своих рабов, они поспешили возвратиться домой, но недалеко от Новгорода встретились с рабами, выступившими против них в боевом порядке. Собрали совет и положили идти на холопов не с оружием, а с кнутами (по тамошнему обычаю всякий, кто едет верхом, берет кнут с собой), чтобы напомнить им об их рабском состоянии, устрашить их и усмирить. Идя таким образом вперед и размахивая кнутами, они устремились на рабов. Рабы столь испугались вида кнутов, действие которых они и прежде испытывали на себе, что бросились бежать, как овцы, гонимые пастухом. С тех пор в память этой победы новгородцы выбили монету, которая называется новгородской деньгой и ходит по всей России, с изображением всадника, размахивающего кнутом». Автор ошибочно приписывает Дж. Горсею цитату из сочинения «О государстве Русском» Джайлса Флетчера. (*Примеч. пер.*)

Глава 7

Европа в IX веке. – Бьярмаленд. – Крым

Европейские правители IX века

Византия

802—811 гг. – Никифор I Геник
811 гг. – Ставракий
811—813 гг. – Михаил I Рангаве
813—820 гг. – Лев V Армянин
820—829 гг. – Михаил II Травл
829—842 гг. – Феофил Логофет
842—867 гг. – Михаил III
867—886 гг. – Василий I Македонянин
886—912 гг. – Лев VI

Англия

802—839 гг. – Эгберт
839—858 гг. – Этельвульф
858—860 гг. – Этельбальд
860—865 гг. – Этельберт
865—871 гг. – Этельред I
871—901 гг. – Альфред Великий

Дания⁷²

Годфрид
Олав II
Хемминг
Сивард Кольцо
Рагнар Лодброк
Сивард III
Эйрик
Кнут I

Франция (Западно-Франкское королевство)

843—877 гг. – Карл II Лысый
877—879 гг. – Людовик II Заика
879—882 гг. – Людовик III
879—884 гг. – Карломан II
884—887 гг. – Карл III Толстый
888—898 гг. – Эд I Парижский
898—922 гг. – Карл III Простоватый

Германия (императоры Запада)

800—814 гг. – Карл Великий

⁷² По «Деяниям Данов» Самсона Грамматика. (Примеч. пер.)

814—840 гг. – Людовик I Благочестивый
840—855 гг. – Лотарь I
855—875 гг. – Людовик II
875—877 гг. – Карл II Лысый
881—887 гг. – Карл III Толстый
891—894 гг. – Гвидо Сполетский
892—898 гг. – Ламберт Сполетский
896—899 гг. – Арнульф Каринтийский

Польша

842—? Пяст, пахарь
?—892 гг. – Земовит
892—930-е гг. – Лешек

Россия

? – ок. 860 г. – Гостомысл
862—879 гг. – Рюрик
879—912 гг. – Олег Вещий

Шотландия

792—805 гг. – Константин
805—807 гг. – Коналл мак Тадг
807—811 гг. – Коналл мак Эйдан
811—835 гг. – Домналл III
835—839 гг. – Эд мак Боанта
839—841 гг. – Алпин II
841—858 гг. – Кеннет I
858—862 гг. – Дональд I
862—877 гг. – Константин I
877—878 гг. – Эд Белоногий
878—889 гг. – Гирик и Эохейд
889—900 гг. – Дональд II Безумный

Швеция

765—812 гг. – Сигурд Кольцо
812—835 гг. – Стен Вялый
835—846 гг. – Бьерн I Железнобокий
846—850 гг. – Эрик II Бьернсон
850—866 гг. – Эрик III Рефилсон
866—868 гг. – Карл Узурпатор
868—887 гг. – Бьерн II Эриксон
887—906 гг. – Эрик IV Бьернсон

Испания

791—842 гг. – Альфонсо II Целомудренный
842—850 гг. – Рамиро I
850—866 гг. – Ордоньо I
866—910 гг. – Альфонсо III Великий

Римские папы

- 795—816 гг. – Лев III
- 816—817 гг. – Стефан IV (V)
- 817—824 гг. – Пасхалий I
- 824—827 гг. – Евгений II
- 827 г. – Валентин
- 827—844 гг. – Григорий IV
- 844—847 гг. – Сергей II
- 847—855 гг. – Лев IV
- 855—858 гг. – Бенедикт III
- 858—867 гг. – Николай I Великий
- 867—872 гг. – Адриан II
- 872—882 гг. – Иоанн VIII
- 882—884 гг. – Марин I
- 884—885 гг. – Адриан III
- 885—891 гг. – Стефан V (VI)
- 891—896 гг. – Формоз
- 896 г. – Бонифаций VI
- 896—897 гг. – Стефан VI (VII)
- 897 г. – Роман
- 897 г. – Теодор II
- 898—900 гг. – Иоанн IX

IX век представляет собой важную эпоху в исторических анналах Европы, ибо он стал свидетелем учреждения постоянных монархий и правительства в большинстве его стран и государств, а папы впервые начали возноситься на ту недостижимую высоту, на которую поднялись впоследствии, в качестве не только духовных наставников, но и политических арбитров Европы. Римская империя, ослабленная развратом и нечестием своих правителей, изнеженностью и роскошествами высших классов и абсолютной закрепощенностью низших, оказалась не способна отразить нападения варварских орд, которые раз за разом опустошали ее земли и завоевывали далеко раскинувшиеся и незащищенные провинции, так что ей пришлось отозвать свои легионы из подвластных колоний для обороны собственной столицы, вследствие чего освобожденные от ига римских солдат подданные народы один за другим приобретали независимость от опустившегося и выродившегося Рима, в 476 году ставший вассалом Греческой империи, которой когда-то был господином, и много лет оставался под ее ярмом. В 726 году он освободился от владычества византийских императоров и перешел в полное подчинение своим правителям-папам, при которых на какое-то время возродилась его прежняя слава; короли трепетали, слыша грома из Ватикана, и принцы и аристократы отправлялись в паломничество к его святыням.

В Англии бурное семицарствие прекратилось в 827 году, когда семь корон объединились на челе Эгберта; и век закончился достопамятным правлением короля Альфреда, величайшего из саксонских монархов, который, избавив свою страну от иноземных угнетателей, посвятил труды поддержке образования, способствованию торговле и составлению справедливых и беспристрастных законов; и его благодарные соотечественники могут не без оснований считать его тем, кто заложил фундамент будущего величия их нации, благодаря тому, что отдал силы на создание оплота и стенового хребта Британской державы – военного флота и, обратив взор к морским открытиям, впервые дал импульс тому духу, который с тех пор позволил Великобритании называться морской державой.

Светлокожие и длинноволосые франки, выйдя из густых лесов Германии, пересекли Рейн под предводительством своего вождя Фарамонда, дали Франции ее современное название, а также, как говорит предание, династию королей-Меровингов, однако едва ли можно сказать, что у них существовало королевство или даже постоянное правительство до прихода к власти Шарлеманя – Карла Великого в 767 году, и франкские правители в первую очередь были военачальниками и полководцами, чья власть распространялась на весьма небольшую долю нынешней Франции и чьи имена были неизвестны за тесными пределами их собственных владений. На смену им пришла династия *rois faineants*, «ленивых королей», при которых фактическими правителями королевства были майордомы – дворцовые, управляющие дворцами, и именно они благодаря своим победам впервые расширили и прославили его и положили конец попыткам сарацинских захватчиков установить свою власть и религию в Северо-Западной Европе, лишив их всяких надежд на это благодаря судьбоносному поражению, которое нанес мусульманам самый знаменитый из *maires du palais*, майордомов, Карл Мартелл, который со своей доблестной армией франков одержал решительную победу на кровавом поле Тура.

Норвегия, Швеция и Дания породили в лице своих викингов тот вселяющий страх народ морских разбойников, которые, жажда заполучить богатства своих более мирных и оседлых соседей и предпочитая полную приключений жизнь пиратов мирному труду ремесленников и земледельцев в своих неприятных землях, изводили окружающие берега постоянными набегами в поисках добычи и под именем варягов попали в летописи 864 года как свергнувшие Новгородскую республику и основавшие в ней монархию. Банда этих рыцарей наживы, оставив Россию, впоследствии стала опорой и самой доверенной гвардией поздних византийских кесарей, в то время как их скандинавские соотечественники в 905 году вырвали у Франции обширную и плодородную провинцию Нормандия и посадили своих вождей на английский трон, а в 1080 году эти выходцы с севера овладели Сицилией и южной частью Италии, где основали Сицилийское королевство под властью своего вождя Рожера II.

Пруссия, населенная ветвью литовского народа, которая, идя по течению Вислы, обосновалась у речного устья на берегу Балтийского моря, в течение нескольких веков хранила свою дикую независимость с идолопоклонством и первобытными нравами, хотя соседние государства Германия и Польша несколько раз предпринимали попытки обратить ее в христианство. В 1230 году Пруссию завоевали тевтонские рыцари, которые в конце концов силой заставили их отказаться от язычества.

Германская империя датирует свое возникновение эпохой победоносного Карла Великого, который, присоединив ее к Франции в 800 году, заставил короновать себя императором Запада в Риме и прибавил к орлу, символизировавшему власть императора, вторую голову, которая обозначала, что в нем объединились империи Рима и Германии; однако его преемники не унаследовали ни его политической прозорливости, ни военного или законодательного таланта; потомки разделили его владения, и в 912 году принцы и аристократы Германии заявили о своей независимости, и их страна отделилась от Франции при первом императоре Конраде, чьи преемники отныне избирались на престол великой конфедерацией принцев, баронов и рыцарей Германской империи.

Республика Венеция была основана в 803 году. Город построен в V веке на семидесяти двух островках Адриатического моря. Его основала колония итальянцев, которые, бежав из городов при приближении варварской орды Атиллы, нашли убежище на этих бесплодных пустошах, где благодаря предприимчивости и таланту возвели богатый и прекрасный город, а их обширная коммерция впоследствии позволила им создать величайшее торговое государство Средневековья.

Историю Польши, которую населял сарматский, или славянский, народ, можно включить в историю России с самых ранних времен до IV или V века христианской эры, когда ее прошлое покрыто густым туманом вплоть до обращения в христианство ее князя Мешко (Мечислава) в

965 году по случаю брака с дочерью короля Венгрии, который был христианином; и в то время ее правители признавали – по крайней мере, для части своей земли – сюзеренитет Германской империи и принимали участие в ее войнах и походах. Дочь Мешко вышла замуж за короля Дании Свена и стала матерью Кнуда, датского завоевателя Англии; а его преемник Болеслав I после продолжительной войны с императором Германии Генрихом II за владение Богемией прибавил к своему княжеству Силезию и Моравию и освободился от феодальных обязательств по отношению к империи. Он принял первым титул короля Польши и умер в 1025 году.

В этот период Греческая империя, хотя уже и находилась в состоянии упадка, все же оставалась оплотом учености и науки в Европе, и в ней развитие искусства и литературы продолжалось в тот период, который у других народов континента по праву можно называть темными веками. «Россия, по-видимому, – говорит Гиббон, – должна бы была быстро продвигаться вперед на пути к просвещению, так как находилась в близких сношениях с константинопольской церковью и с константинопольским правительством, относившимися в ту пору с основательным презрением к невежеству латинов. Но византийская нация была раболепна, изолирована и близка к упадку; после того как Киев утратил свое прежнее значение, плавание по Борисфену было остановлено в пренебрежении; великие князья Владимирские и Московские жили вдалеке от моря и от христианского мира, и разделившаяся на части монархия подпала под позорное и варварское татарское иго».

Царство Бьярмленд, столь прославленное в сагах и преданиях Севера в раннее Средневековье европейской истории, охватывало современные губернии Перми и Архангельска от берегов Онеги и Двины до мрачных склонов Уральского хребта. Это была страна бьярмов, в которой побывал Отгар, старый датский капитан, и описал ее королю Альфреду. Путешествуя вдоль скандинавского побережья, он посетил далекие берега Белого моря и нашел там мирный и культурный народ успешных и предприимчивых землепашцев, населяющих хорошо построенные деревни и города. Ему показалось, что они говорят на одном языке с финнами⁷³, очень грубым и примитивным племенем, обитавшим на севере Швеции. В то время на Двине стоял крупный торговый город Sigtem, или Бирка, куда летом часто приплывали купцы из Скандинавии и где бьярмы продавали северянам не только пушнину, соль и железо, которые производились в их стране, но также индийскую утварь, попадавшую к ним с караванами через хазар и болгар и по Каспийскому морю на кораблях персов. Чердынь, или Великая Пермь, по Страленбергу, представляла собой грандиозный рынок в тот ранний период, и, видимо, там часто бывали торговцы из Азии и всех областей Восточной Европы. В этом регионе по сей день сохранились многочисленные развалины крепостей и гробниц; и «несомненным доказательством, – говорит Притчард, – реального существования древней торговли с Востоком является огромное количество восточных монет, обнаруженных в захоронениях и других местах на всей территории этой страны от Ладожского и Онежского озер до Двины. Эти монеты, тщательно изученные множеством антикваров в Германии и России, представляют собой серебряные деньги, чеканившиеся халифами и другими восточными государями, правившими до 1000 года нашей эры, и многие из них – это серебряные персидские монеты того вида, которые были в хождении у арабов до 695 года, когда впервые появились арабские или сарацинские деньги. Из этих фактов месье Фран и другие ученые мужи сделали заключение, что в Средние века существовало интенсивное сообщение между восточными странами Европы и северным побережьем, которое тогда населяли скандинавские и финские народности, и странами у Эвксинского Понта и Каспия, куда незадолго до того проникли искусство и культура Южной Азии».

Арабские авторы также говорят о далеком царстве к западу от Верхней Волги, в трех месяцах пути от земли болгар, где летом не бывает ночи, а зимой – дня и где мороз настолько жгуч, что приезжающие из той страны даже летом привозят с собой такой суровый холод, что

⁷³ Лапландцами.

он может погубить деревья и растения; «по каковой причине, – замечает древний историк, – многие народы запрещают им появляться на своей земле».

Есть сведения, что еще с самых далеких времен знаменитую ежегодную ярмарку в Нижнем Новгороде устраивали в Макарьево, в окрестностях города, откуда она переехала лишь в последние годы; и представляется вероятным, что купцы со всех стран Азии и даже из Западной Европы порой торговали своими товарами на ее рынках; монеты саксонских королей Англии были найдены между Ладожским озером и Пермью, а в Оренбургской губернии при раскопках найдено множество осколков английской керамики.

В скандинавской саге об Олаве Святом содержится рассказ о походе двух викингов по имени Карли и Гуннстейн вокруг Северного мыса в Бьярмаленд на беломорском побережье, где они наторговали шкур в городе Бирке, что в устье Двины, близ того места, где сейчас стоит Архангельск, продолжили путь и разорили храм и идола Йомалы⁷⁴, главного божества финских племен; они взяли чашу с серебряными монетами, покоившуюся у него на коленях, сняли золотые украшения с его шеи и затем забрали из гробниц похороненных там вождей сокровища и драгоценности; унеся с собой все, что там было ценного, они удалились под защиту своих кораблей. Алчные северяне, по-видимому, предпринимали множество подобных попыток поживиться за счет богатств и товаров, накопленных бьярмами в городах благодаря торговле и ремеслу; и около IX века викинги zaloжили поселение Колмогоры (Холмогоры) на острове в устье Двины, где впоследствии, в XIII или XIV веке, новгородцы воздвигли монастырь под предводительством своего воеводы Стефана, с которого впоследствии туземцы заживо содрали кожу⁷⁵, и завоевали и обратили в христианство процветающее царство Бьярмаленд. В X веке король Норвегии Эрик, сын Харальда Прекрасноволосого, отправился в морской поход в Белое море и, высадившись на тамошних берегах, как рассказывают саги, бился во многих битвах и одержал много побед. Его сын Харальд Серая Шкура спустя годы также вторгся в страну, сжигая и уничтожая все возделанные поля и деревни, лежавшие на его пути; и, полностью разгромив бьярмов в ожесточенной битве на Двине, ушел с их земли, опустошив ее и превратив в пустыню. Скандинавский скальд того времени Глумр Гейрасон такими словами воспевае́т этот набег:

Я видел, Харальд гнал мечом
Кровавым племя бьярмов.
В ночи они бежали прочь,
И град горел им вслед.
То было на берегах Двины,
Где вырос лес мечей,
Героем был бы признан тот,
Кто б мир туда принес.

Перевод К. Волгина

По свидетельствам, собранным Мюллером, Великая Пермь была завоевана в XII веке вышеупомянутым святым Стефаном Пермским, русским новгородцем, который изобрел пермяцкий алфавит и основал монастырь в устье реки Двины. Эверт Избрант Идес⁷⁶ в своем

⁷⁴ Согласно скандинавским хроникам, драгоценные камни настолько усеивали идола, что он сиял во все стороны; на его голове была золотая корона с двенадцатью самоцветами, а на шее – ожерелье, стоимость которого равнялась 300 золотым маркам, а вес платья превышал груз трех богатейших кораблей, которые когда-либо бороздили греческие моря.

⁷⁵ Автор имеет в виду святого Стефана Пермского, однако он был миссионером, а не завоевателем (см. ниже) и скончался от болезни в Москве. (*Примеч. пер.*)

⁷⁶ Он был датчанином, которого Петр I направил послом в Китай. (Текст воспроизведен по изд.: *Идес И., Бранд А. Записки*

повествовании о путешествии по Сибири в 1692 году описывает жителей Великой Перми и замечает, что «народ здесь говорит на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к немецкому языку населения Лифляндии; кое-кто из моих спутников, знавших этот язык, понимал многое из местного наречия». Он рассказывает, что их столица – очень большой и богатый город, окруженный соляными варницами, в котором живет «много видных купцов и ремесленников, искусных главным образом в работах по серебру, меди и кости»; однако замечает, что «у них нет крупных поселений или городов и они живут в основном в маленьких деревнях, разбросанных там и сям в обширных лесах», и добавляет, что их территория граничит с лесом. «По одежде и внешнему облику, – говорит он, – как мужчины, так и женщины мало отличаются от русских... Они исповедуют православие, являются подданными их царских величеств и платят им положенную дань; однако же не знают никаких наместников или воевод, а выбирают сами себе судей... Все они, кроме тех, которые живут по одной стороне реки Сысолы, промышляют серой пушниной и обрабатывают землю».

Самые древние обитатели Крыма, о которых до нас дошли хотя бы какие-то сведения, – это кельтское племя киммерийцев, которое, будучи изгнанным оттуда скифами, вернулось на Дунай; а скифы были вытеснены из Северной Персии царем Ассирии Нином и завладели всей страной, носящей их имя. Остатки киммерийцев, найдя убежище в горных районах Крыма, впоследствии стали известны под именем тавров, и этому народу приписывают множество пещер в скалах Инкермана⁷⁷. Примерно за 1700 лет до Рождества Христова амазонская царица повела своих воительниц за Дон и учредила в Тавриде культ Марса и Дианы, на чьих алтарях дикие тавры приносили в жертву всех чужаков, которые высаживались на их берегах или иным образом попадали к ним в руки⁷⁸, и где спасенная Орестом и Пиладом Ифигения стала жрицей. В VI веке до Рождества Христова греки основали в Крыму колонию⁷⁹ и построили там Пантикапей, где теперь стоит Керчь, и Феодосию, или Кафу; а эвксинские гераклеяцы с колонией из Малой Азии примерно в то же время основали Херсон, причем название гераклеяского Херсонеса, данное греками полуострову, на котором стоял город, происходит от них. Вскоре у греческих поселенцев начала процветать торговля; они строили города и храмы и перенесли в Крым греческие искусства и цивилизацию; и, как сообщает нам Демосфен в своей речи против Лептина, в определенный момент времени Афины ежегодно ввозили из Крыма от 300 до 400 тысяч медимнов зерна. В 480 году до Рождества Христова фракийцы, выгнав скифов с Керченского полуострова, основали монархическое государство⁸⁰, но триста лет спустя племя сарматов, или савроматов, мидийского происхождения овладело Крымом и в союзе с горными таврами вторглось в Босфор и Херсон, потребовав с местных жителей огромную контрибуцию.

С того времени они постоянно изводили и грабили эти провинции вплоть до 81 года до нашей эры, когда весь Крым покорился армиям понтийского царя Митридата Великого, кото-

о посольстве в Китай. М., 1967. – Пер.)

⁷⁷ Это название происходит от турецких слов «ин» и «керман», то есть крепость.

⁷⁸ Г.Д. Сеймур в своей «России на Черном море» считает, что именно на Черном море и в Крыму происходили события «Одиссеи», откуда он цитирует отрывок, который, по его мнению, является описанием Балаклавской гавани, поскольку, по его утверждению, изображает ее самым точным образом: В славленную пристань вошли мы: ее образуют утесы. Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле Устья великими, друг против друга из темных бездн Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая. <...> Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих, Около устья, канатом его привязав под утесом. После вззошел на утес и стоял там, кругом озираясь. Перевод В.А. Жуковского

⁷⁹ Знаменитый Мильтиад, герой Марафона, некоторое время правил греческой колонией в Крыму, или Херсонесом Таврическим.

⁸⁰ Династия правителей Боспорского государства, правивших с 480 по 304 год до Рождества Христова: Археанакт (480); Спарток I (438); Селевк (431); имя царя неизвестно, правил в течение 20 лет; Сатир I (407); Левкон I (393); Спарток II (353); Перисад I (348); Сатир II (310); Притан (309); Евмел (309); Спарток III (304). Династия называлась Археанактидами по имени своего основателя; они утверждали, что происходят от Неоптолема, который после смерти своего отца Ахилла на Троянской войне якобы переселился на эти берега. Демосфен в одной из речей упоминает, что Феодосия – один из знаменитейших городов мира; и Левкон во время голода в Греции прислал афинянам 1100 медиумов зерна.

рый перенес в Пантикапей столицу своего государства и выгнал савроматов в Скифию. Примерно шестнадцать лет спустя, после того как в ходе длительной войны с римлянами Митридат потерпел разгром от Помпея, его сын Фарнак взбунтовался против него и убедил войска поднять мятеж против государя; и царь, оказавшись в осаде в собственной столице, покончил с жизнью самоубийством при помощи яда⁸¹, а римляне отдали его земли Фарнаку, за исключением города Фанагории, в котором они установили республику в награду его гражданам, которые первыми покинули своего злосчастливого монарха⁸².

Примерно в 62 году христианской эры сарматское племя аланов проникло в Крым и принудило царей Босфора платить им дань. Их владычество продлилось почти полтора века, когда они в свою очередь были вытеснены готами, и именно под властью готов во время правления Диоклетиана и Константина христианство проникло в страну, которой они владели дольше, чем какой-либо иной народ, и она более тысячи лет, почти до конца XVI века, сохраняла названия Готия. Несколько епархий были созданы в Херсоне, Босфоре и у готов на границах Черного моря, чьи скифские берега теперь были усеяны аккуратными, густонаселенными деревнями в окружении облагороженных сельскохозяйственных угодий; но в 357 году мирные и трудолюбивые греки были вынуждены подчиниться превосходящей силе гуннских орд, которые сожгли и уничтожили их поля, сады и дома и в конце концов заставили весь народ уйти в скифские степи. Они, однако, все же сохранили свои жилища в Крымских горах и на Керченском полуострове вместе с остатками аланов и тавров, где те хранили династию христианских царей; и, снова оказавшись под угрозой гуннского нашествия после смерти Аттилы, они взмолились о помощи греческому императору, который тогда построил стену для защиты их страны от степных кочевников и две крепости в Алуште и Гурзуфе на южном берегу. Однако в первой половине V века Боспорское царство полностью прекратило существование, хотя горные готы еще на тысячу лет сохранили крепость Мангуп-Кале. В 464 году в Крым вторглись болгары, которые владели страной до 679 года, когда ее завоевали авары и хазары, которые также покорили готов в Мангуп-Кале, тавров и хорошо укрепленные и обороняемые греческие города. Хазары, которых гунны вытеснили на Северный Кавказ, впервые описаны у греческих авторов в 626 году, когда одна из хазарских орд поставила свои палатки с волжских берегов к грузинским горам по приглашению греческого императора Ираклия, чтобы помочь ему в войне с Персией⁸³. На их землю часто вторгались печенеги – еще один татарский народ, который во второй половине IX века пришел в Крым, а затем обустроился возле устья Днепра; они вели широкую торговлю и переписку с Константинополем, и их империя просуществовала около ста пятидесяти лет, когда на них напали куманы, или половцы, тоже татарское племя, которое овладело Крымом, сделало Судак (Солдайю) своей столицей и заставило пече-

⁸¹ В Швеции сохранилось любопытное предание о том, что Митридат не покончил с собой, как говорят римские историки, а вместе со спутниками спасся в Скандинавии, где под именем Одина подвигами и доблестью заслужил обожествление у первобытного и дикого народа, среди которого поселился; и там его слава как главного божества местной мифологии и древнейшего национального героя перешла к потомкам.

⁸² Развалины и курганы Крыма стали богатым полем для исследований и гипотез любителей старины. Раскопки в окрестностях Керчи позволили найти тела, украшения и наряды. Предполагается, что они принадлежали скифским и боспорским царям, причем некоторые курганы, видимо, были возведены за несколько веков до нашей эры.

⁸³ «По его приглашению, сопровождающемуся щедрыми обещаниями, орда хазар перенесла свои палатки с приволжских равнин к горам Грузии; Ираклий встретил этих союзников в окрестностях Тифлиса; хан и его свита сошли с коней и, – если верить греческим писателям, – став на колена, преклонились перед величием Цезаря. Такое добровольное изъявление преданности и такая важная помощь были достойны самой горячей признательности, и император, сняв с себя диадему, надел ее на голову турецкого государя, которого при этом нежно обнял и назвал своим сыном. После роскошного банкета он подарил Зибелу посуду, украшения, вещи из золота и драгоценных камней и шелковые ткани, бывшие в употреблении за императорским столом, и затем собственноручно раздал своим новым союзникам богатые украшения и серьги. На тайном свидании он показал варвару портрет своей дочери Евдокии, снизошел до того, что польстил варвара надеждой, что он может сделаться обладателем прекрасной и августейшей невесты, немедленно получил подкрепление из 40 тысяч всадников и завел переговоры о сильной диверсии турецких войск со стороны Окса» (*Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи*). Потом Евдокию отправили к ее турецкому жениху, но новость о его смерти заставила ее остановиться.

негов отступить в их прежние места обитания в азиатских пустошах. В южных горных районах Крыма, на высоком известковом утесе, на самом краю бездны, глядя на плодородную и прекрасную долину Иосафата, стоит город или, скорее, крепость Чуфут-Кале, центральное поселение и столица иудейской секты караимов, вероятно единственный город в мире, который принадлежит исключительно своему народу и управляется в соответствии с их собственными муниципальными законами⁸⁴. По караимскому преданию, они пришли в Крым еще до христианской эры из Ассирии, куда их угнали в рабство, и свое происхождение они, как утверждают сами, ведут от колена Иуды, а для своего жительства выбрали вершины этих высоких круч потому, что, как рассказывают их легенды, они напоминают Иерусалим. Караимы отличаются от остальных иудеев, которые считают их еретиками и раскольниками, в том, что не принимают учения Талмуда, составленного, вероятно, уже после их ухода из Иудеи; и их синагога в Чуфут-Кале насчитывает не менее тысячи лет, а одно из надгробий городского кладбища датировано 640 годом. Несколько представителей этой же секты по сей день держатся подле обломков иерусалимских стен, где они собираются каждую пятницу, чтобы вместе оплакать былую славу древнего города; и значительное их число рассеяно между деревнями и городами России и Польши, так как они переселились туда после того, как монголы вторглись в Тавриду и на время лишили их скалистого убежища; но и в любой земле они считают Крым, где даже русские хозяева уважают их за необычайную честность и прямоту в делах, родным домом, а долину Чуфут-Кале – наивысшим духовным авторитетом своего культа; и все они желают, чтобы после смерти их прах упокоился рядом с останками праотцов на кладбище, разбитом в долине под его белыми стенами⁸⁵.

В 840 году константинопольский император Феофил сделал Крым херсонской провинцией и объединил с греческими городами на Кубани; и в середине X века она еще оставалась частью Греческой империи и туда высылались политические преступники. В 842 году Феофил возвел крепость и основал торговую колонию в Саркеле (Белой Веже) на берегу Дона, что привело Византию в соприкосновение с печенегами и Хазарским каганатом, хотя на греческом троне еще прежде того восседала императрица из хазар.

⁸⁴ «Они пользовались значительными привилегиями при татарском правлении и были освобождены от некоторых видов дани, взимаемых с греков и армян, и причиной тому, по их утверждению, была услуга, оказанная ими татарским ханам; однако, по мнению Песоннеля, это освобождение было наградой еврейскому врачу за излечение ханской дочери» (*Сеймур*. Россия на Черном море).

⁸⁵ «Все истово верующие караимы, рассеянные по Крыму, когда признаки подступающей немощи предупреждают их приближении конца, приходят туда умирать» (*Олфант*. Русские берега Черного моря).

Глава 8

Святослав. – Покорение хазар. – Вторжение в Греческую империю. – Княжества. – Поражение и смерть Святослава

В 945 году, перед тем как отправиться в Константинополь, великая княгиня Ольга передала власть в руки сына Святослава Игоревича, которому в то время было тридцать пять лет от роду.

По возвращении княгини, принявшей крещение от греческого патриарха в константинопольском соборе Святой Софии, она попыталась уговорами и увещанием при помощи красноречивых доводов сопровождавших ее греческих священников убедить сына последовать ее примеру и отречься от заблуждений язычества; но хотя тот и не объявил гонений на исповедавших христианство и во все годы своего правления позволял свободно отправлять все ритуалы и обряды их религии, а также доверил матери воспитание и обучение его детей, когда отсутствовал в многочисленных военных походах, все же ее старания пропали втуне, ибо он оставался твердым приверженцем идолопоклонства и жестокого культа своей страны, считая, что христианская вера, которую он отождествлял с греческой роскошью и изнеженностью, приводит к вырождению народов и стран, которые становятся избалованными трусами. Презируя и осуждая все достижения цивилизации и даже самые простые повседневные удобства, он сопротивлялся всем улучшениям, которые вводила его мать, и стремился возродить в России варварские обычаи, примитивные нравы и кочевой образ жизни предков, диких и неоседлых славян. Вскоре после прихода к власти он покинул киевский дворец и вместе с дружиной и личными слугами набрал большую регулярную армию из самых диких племен своих владений и с ней разбил лагерь на равнине подле столицы; он отказался от всех удобств и не признавал иных заслуг, кроме тех, которые можно было заработать превосходным владением оружием и доблестью. Ни хижин, ни палаток, никакой иной крыши над головой, кроме открытого неба, не позволялось его воинам, которые питали преданность к князю и чьи лишения и опасности он делил с ними наравне; по ночам, завернувшись в медвежью шкуру, положив голову на седло, он спал на голой земле и не признавал иной трапезы, кроме скудной порции мяса, обычно конины, сваренной или зажаренной на угле, и самых грубых корней или каши. Простая, непривлекательная жизнь и умеренность в потребностях, к которым он приучил свою дружину, а также установленная им строгая дисциплина позволили ему водить походы в дальние страны и вступать в бой с врагом, который значительно превосходил его и числом, и вооружением и доспехами, далеко опережавшим деревянные дротики, луки и пращи, составлявшие единственное оружие, которое было в ходу у русских; и, не обремененный багажом, в своих набегах и внезапных атаках застигал врасплох врагов, несмотря на изощренную оборону, прежде чем они успевали заметить приближение его войск или как следует подготовиться к защите.

Впервые свое оружие он обратил против Хазарского каганата на южных берегах Волги, который незадолго до того принужден оставить свои земли к северу от Крыма и в устье Днепра под натиском буйных кочевых племен печенегов и который к тому моменту значительно ослаб по сравнению с теми временами, когда хазары покорили Киев и грозили независимости самой Греческой империи. Около 963 года Святослав проник в их области и, наступая по равнинам, протянувшимся к северу от Кавказских гор, разгромил хазарские армии в ожесточенных боях, подошел к их столице Беленджеру, взял ее приступом, как и крепость Белая Вежа, где греческие инженеры построили оборонные сооружения для защиты богатого и густонаселенного города; и, осадив и взяв Тумен-Тархан, хазарский город на Таманском полуострове у Керченского пролива, который назвал Тмутаракань, он в конце концов заставил все Хазарское царство склониться перед силой его оружия и признать его власть. Затем он вторгся в

кавказскую провинцию Сванетию и овладел Западным Кавказом, который русские удерживали в последующие полтора века.

В 966 году, когда европейским провинциям Византийской империи угрожало вторжение венгров, греческий император Никифор Фока послал за помощью к болгарскому царю Петру, чтобы помешать им переправиться через Дунай. Когда царь Петр отказал ему в просьбе, так как он сам недавно заключил союз с Венгрией, Никифор отправил послом в Киев патриция Калокира, сына херсонесского стратига, чтобы предложить Святославу вторгнуться в Болгарию, притом же греческий посол привез в дар великому князю 15 кентинариев⁸⁶ золота, чтобы оплатить расходы на экспедицию. «О высоком положении, которое занимал киевский двор в X веке, – говорит Финли в «Византийской империи», – свидетельствует то, как обращались к нему константинопольские царедворцы. Золотые буллы ромейского императора Востока, направленные к русскому князю, украшала всякая печать, равная по размеру двойному солиду, как на послании к королям Франции».

Но Калокир по прибытии в Киев предал своего государя и, провозгласив себя императором, вступил с русскими в переговоры о том, чтобы они поддержали его собственные притязания на византийский престол. Святослав охотно согласился на предложение и вскоре, воспользовавшись представившейся подобным образом возможностью еще на шаг приблизиться к Константинополю – конечной цели его честолюбивых планов, повел армию по гладким и болотистым равнинам Валахии к берегам Дуная, чьи тлетворные берега почти девятьсот лет спустя сыграют столь роковую роль для русского вторжения. Он пересек реку в 968 году и разгромил болгар в свирепой битве. Вскоре после этого болгарский царь умер, и Святослав овладел столицей Преславом и в конце концов сделался владыкой всего Болгарского царства. Однако лишь немного погодя он был вынужден оставить новообретенные земли, так как получил тревожные вести из Киева. Печенеги, воспользовавшись отсутствием великого князя и почти всей его армии, с большой ратью подступили к Киеву, чтобы отомстить русским за понесенные потери, разорив перед этим соседние края, и, осадив столицу, где находились тогда великая княгиня Ольга и сыновья Святослава, вскоре обрели город на все бедствия голода. Но их триумф продолжался недолго, ибо русский воевода Претич, собрав храбрую, но немногочисленную и неорганизованную дружину из своих соотечественников, поспешно выступил на выручку осажденному городу и, прибыв на противоположный берег Днепра, ночью переправился через реку. Затем он велел дружинникам громко кричать и трубить в трубы; услышав шум, неприятель был охвачен тревогой, и по печенежскому лагерю поползли слухи, что это Святослав вернулся с Дуная со своей победоносной ратью, и захватчики поспешно бросились в бегство, после чего Претич вошел в город и освободил его. Вскоре после этого он вступил в переговоры с Курей, печенежским князем, и последовал взаимный обмен любезностями; в доказательство будущего мира и дружбы русский воевода подарил печенежскому князю щит, кольчугу и меч, а от него в ответ получил коня, саблю и колчан со стрелами; но печенеги едва успели отступить от Киева, как со всем своим войском прибыл Святослав, который, получив известие об опасности, грозившей его столице, немедленно покинул Болгарию и поспешил на помощь. Он преследовал печенегов и, догнав, разгромил всю их армию, после чего заключил мир с уцелевшими и позволил им живыми вернуться к себе на родину.

Восстановив мир, Святослав некоторое время оставался в Киеве. Его мать настойчиво упрашивала его не возвращаться на болгарскую войну, и Святослав согласился не покидать свое княжество до ее смерти. «Не любо мне сидеть в Киеве, – сказал князь, – хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы. Чего мне еще желать?» – «Видишь – я больна, – отве-

⁸⁶ Ок. 455 кг. (Примеч. пер.)

чала Ольга. – Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь» – и три дня спустя она скончалась. Между тем император Никифор заключил союз с Болгарией и помог сыновьям царя Петра Борису и Роману вернуть отцовский престол, однако несколько месяцев спустя сам погиб в собственном дворце в Константинополе от руки его племянника и полководца Иоанна Цимисхия, который немедленно возложил на себя императорский венец. Второе и более грозное нашествие Святослава состоялось вскоре после восшествия Иоанна на престол. Он разделил свои владения между тремя сыновьями – Ярополком, Олегом и Владимиром – и снова выступил на юг с войском из русских, хазар и хорватов, числом 40 тысяч человек, вошел в Болгарию в 970 году и приступил к городу Преславу, или Маркианополю. Князю удалось взять его после тяжелой осады, когда его несколько раз отбрасывали от стен города, причем обе стороны проявили самую безрассудную отвагу. Святослав взял в плен царя Болгарии Бориса и его родных, хотя Борис вскоре умер в плену.

Молдавия, Валахия и Болгария, звавшиеся княжествами на дипломатическом языке, веками представляли собой поле боя и ристалище между сменявшимися друг друга владыками Константинополя и беспокойными, воинственными племенами севера. Скифы и македонцы, сарматы и римляне, славяне и греки, русские и турки – все они в тот или иной период переправлялись через воды Дуная и сражались за обладание империи на его берегах, так как богатый город на Босфоре представлял собой манящую цель для всех честолюбивых и победоносных завоевателей Западной Азии за последнюю тысячу лет и их нашествия на тамошние земли и непрестанные войны сыграли свою роль в упадке восточного трона цезарей, когда в конце концов он сдался перед упорным и неустанным натиском османского султана Мехмеда. Эти провинции, которые римляне называли Дакией, где они основали колонию и ссылали туда некоторых самых ученых и добродетельных мужей, первоначально входили в состав Македонского царства, и там были найдены древние монеты возрастом вплоть до царствований предшественников Александра Великого. Очень мало известно о Дакии до времен ее завоевания римлянами, чьему вторжению, как повествует Страбон, местные жители противопоставили армию в две сотни тысяч человек. В конце концов они сдались перед полководцами Тиберием и Траяном. Римляне возвели над Дунаем каменный мост длиной более версты, который был разрушен в предшествующее правление императора Адриана из-за набегов сарматов. После падения Римской державы Дакию завоевали славяне и черные болгары, или гунны; и в то время как вторые образовали царство к югу от Дуная, получившее их имя, и сохраняли номинальную независимость вплоть до турецкого завоевания в XV веке, Молдавия и Валахия объединились с Венгрией, чьи правители приняли титул царей Венгрии, Валахии и Кумании, причем последнее именование применялось к Молдавии и было образовано от названия куманов, то есть половцев, которые нашли приют в этой земле, когда монгольские орды Чингисхана выгнали их из России. Эти провинции в конце концов обратились за помощью к туркам-османам, которые, прогнав венгров, с тех пор правили страной, хотя ее жители до начала XVIII века владели привилегией выбирать собственных господарей. Затем, когда они лишились этого права, пост превратился в предмет торга и стал принадлежать тому, кто больше заплатит, и обычно его занимали греки; и в течение восьмидесяти лет, начиная с середины XVIII века до начала XIX, шестьдесят этих правителей были смещены, а двадцать пять – убиты по приказу Порты. Такое правление создавалось не с целью образовать великую или цивилизованную нацию; вследствие этого упомянутые области, хотя и располагая множеством полезных ископаемых, плодородной почвой, обильно рождающей хлеб, плоды и дерево, и пастбищами, питающими тысячи голов скота, надолго погрузились в самую глубокую бездну деградации, и тот великий гнет, которому их знать подвергалась со стороны чужеземных правителей и захватчиков, она, в свою очередь, обрушивалась на несчастных крестьян, которые, когда сама их жизнь, права и собственность находились в руках поработенной знати или свирепых и жестоких завоевателей, надолго погрузились в мучительную нищету, чудовищное невежество и апатию. Довольствуясь жал-

кими землянками, лохмотьями и плодами, росшими почти что без вмешательства на их полях, которые они едва бороздили все теми же деревянными сохами, которые сохранились еще от далеких предков – древних даков, местные крестьяне не заботились ни о том, чтобы сажать побольше, ни о том, чтобы трудиться упорнее ради обогащения своих хозяев или прокорма чужеземных солдат; и все же они гордо заявляют, что происходят от римских поселенцев, и их неграмотный диалект по-прежнему напоминает классическую латынь – язык Древнего Рима.

Во времена вторжения Святослава новый византийский император Иоанн Цимисхий был занят тем, что умирал внутренние беспорядки в восточных провинциях своей империи, и русские пересекли Балканы почти беспрепятственно, после чего осадили и захватили Филополь. Там они приняли посольство от Цимисхия с предложением условий мира и требованием, чтобы они оставили Романию; но великий князь отвечал ему, что Константинополю следует готовиться к встрече неприятеля и будущего господина. «Никогда, – сказал он, – не уйдем мы из столь прекрасной страны, пока вы, греки, не выкупите свои города и пленников, которые теперь находятся в нашей власти! Если вы отвергнете эти условия и не заплатите, то покиньте Европу и уйдите в Азию: вы женщины, а мы мужи по крови». В то же время он отказывался от всякого золота, серебра и других даров, которые предлагала ему византийская знать на его пути, желая умиротворить варваров, чем заработал восхищение противников; и они сказали, что предпочли бы служить такому царю – тому, кто предпочитает золоту оружие, ибо он не принимал иных даров и выкупа, кроме вооружения и доспехов. Выкованные из железа искусными греками, они намного превосходили деревянные копья и дротики, которые вместе с плетеной из конопли кольчугой, стрелами и кожаными щитами были единственным снаряжением его солдат и азиатских союзников.

Получив эту угрозу русского полководца, император следующей же весной 971 года вышел в поле во главе армии в 15 тысяч пеших воинов и 13 тысяч всадников, не считая отборной гвардии, звавшихся бессмертными, и мощной батареей полевых и осадных орудий. Кроме того, он послал флот в триста галер с множеством более мелких судов вверх по Дунаю, чтобы перерезать коммуникации русских с их страной, и, выступив из Адрианополя, пересек Балканы, или *Haemus Mons*. Между тем русское войско подошло к Аркадиополю, где один из отрядов был захвачен врасплох и разгромлен греческим полководцем Вардой Склиром, а остальные снова вернулись в Болгарию, и по приближении императора те войска, которые стояли в Преславе, покинули город и встретились с его силами на открытой равнине. В ходе яростного сражения Цимисхий полностью разгромил русских, и 8 тысяч их воинов полегли на поле боя; а отряд, засевший в окрестностях Силистрии, увидев, что вражеская конница взяла их в кольцо, предпочли убить себя собственными мечами, нежели попасть в руки неприятеля. «Они поступают так, – говорит Лев Диакон, – основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть»⁸⁷. Через два дня греки штурмом взяли Преслав, подожгли царский дворец, укрепленный, как цитадель, причем в огне погибло 8 тысяч оборонявших его русских, а остаток гарнизона в пять сотен солдат был предан мечу. Изменнику Калокиру удалось бежать в Доростол, или Дристр, где Святослав окопался с другой половиной своих войск, и Цимисхий, отпраздновав пасху в Преславе и восстановив сыновей Бориса на болгарском престоле, последовал за великим князем и блокировал Дристр с суши и с воды, укрепив собственный лагерь валом и рвом. Гарнизон предпринял несколько отчаянных вылазок во главе с самим Святославом; из-за голода их мучения стали невыносимы, и в конце концов после осады в течение шестидесяти пяти дней русский полководец со своей дружиной сделал еще одну попытку прорваться сквозь вражеское окружение. Но его истощенные пешие воины не

⁸⁷ Перевод М.М. Копыленко. Текст воспроизведен по изд.: *Лев Диакон. История*. М., 1988. (Примеч. пер.)

могли совладать с облаченными в сталь греческими всадниками при сильной поддержке бесчисленных лучников и пращников, которых греки поставили под укрытием в разных частях лагеря и которые целились в русских всякий раз, когда представлялась возможность выстрелить без всякой опасности для себя. Тем не менее бой продолжался целый день, и русские сражались столь доблестно, что современники приписывают победу императорской армии исключительно личному заступничеству святого Феодора, который, по их утверждению, возглавил ту знаменитую атаку греков, сломившую русскую дружину и доказавшую превосходство христианских солдат над языческими варварами.

Наутро после разгрома Святослав отправил посланца в греческий лагерь с предложением мира. Великодушные условия, с которыми тот вернулся, свидетельствовали о том, что Цимисхий считал неблагоприятным доводить Святослава до крайности и отчаяния и сознавал, что, если он будет требовать, чтобы русские сложили оружие, это лишь приведет к уничтожению Дристра или к затяжной осаде и новому кровопролитию. Император удовольствовался тем, что великий князь отдал всю свою добычу, рабов и пленников и принес самую торжественную клятву, что больше не пойдет войной на Греческую империю или ее колонии в Грузии и на Херсонесе; также Цимисхий позволил русским вернуться по Дунаю на ладьях, возобновив прежний договор о торговле и морском сообщении между их странами. В то же время он раздал по мере зерна всем русским воинам, которых из-за лишений осталось меньше половины от первоначального числа; и когда в июле 971 года был заключен мир, обе стороны договорились встретиться для беседы. В сопровождении крупного отряда конных телохранителей император в блестящих доспехах, на великолепном скакуне подъехал к берегу Дуная, где и встретился со Святославом, прибывшим по воде в ладье, на которой сидел на веслах и греб вместе с приближенными. Некоторое время они разговаривали, причем Цимисхий оставался на коне на берегу, а великий князь, подойдя к берегу, продолжал сидеть на корме своей лодки. Вокруг столпились греки, желая посмотреть на русского вождя, и Лев Диакон, знакомый со многими очевидцами, описывает его как человека «умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносого, безбородого, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные». В одном ухе у него была золотая серьга, украшенная карбункулом между двумя жемчужинами, и выражение его лица, по словам императорского историка, было угрюмое и дикое.

Сразу же после этой беседы великий князь ушел из Дристра (Силистры) со своей поредевшей ратью, а Цимисхий поставил в городе сильный гарнизон и в конечном счете подчинил всю Болгарию, восставшую против греков.

Русские погрузились на свои утлые ладьи и поплыли к устью Днепра, но немногим из них, разочарованным провалом когда-то блестящих надежд на победы, суждено было вновь увидеть родные степи. Поднялась буря, не было попутного ветра; высокие волны Эвксина кидали их ладьи то вверх, то вниз, и путь, на который обычно уходило за несколько дней, занял много недель. Наконец, после долгого и опасного путешествия Святослав достиг устья Днепра с остатками своей армии; однако установилась необычайно суровая зима, и они были вынуждены провести несколько гнетущих месяцев на льду. Провизия подошла к концу, они терпели ужасные мучения от голода, и многие из них умерли, прежде чем Святослав снова смог продолжить путь. Но их несчастья на этом не закончились; ибо после наступления весны великий князь поплыл с оставшимися спутниками по реке, и тогда печенеги вместе с соседними племенами, которые находились в постоянной переписке с греками, и те, вероятно, подзуживали их перерезать отступление Святослава и не дать ему возвратиться в Киев, собрались с огромной ратью у речных порогов, чтобы помешать русским продолжить путь. Огромное число и свирепая наружность нападающих в первый миг вселила ужас в сердца оголодавших и измож-

денных воинов Святослава; и великий князь, увидев, что страх распространяется по его войскам, взошел на нос ладьи и так обратился к своим соратникам, глаза которых тщетно оглядывали берега в поисках безопасного места для высадки: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим – позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». Русские воины, воодушевленные решимостью своего вождя, ответили на эту речь: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим»⁸⁸ – и вслед за Святославом, спрыгнувшим на берег, яростно бросились на врага; однако в попытке пробиться сквозь неприятельские ряды великий князь был сбит наземь дротиком, попавшим в голову, и сразу же умер, а его тело захватили враги и унесли, ликуя. Когда грозный противник, когда-то внушавший им такой страх, погиб, печенеги громко закричали, торжествуя; а их предводитель велел сделать из черепа русского вождя чашу, которую оправили в золото и вывели такие слова: «Чужого ища, свое потерял».

⁸⁸ Автор ошибочно относит речь Святослава к бою с печенегами; по Повести временных лет, князь произнес ее перед описанной выше битвой с греками. (*Примеч. пер.*)

Глава 9

Владимир Великий. – Обращение в христианство

Европейские правители, современные Владимиру Великому

Восточная империя

976—1025 гг. – Василий II Болгаробойца и Константин VIII

Германия

973—983 гг. – Оттон II Рыжий

983—1002 гг. – Оттон III Чудо Мира

1002—1024 гг. – Генрих II Святой

Англия

975—978 гг. – Эдуард Мученик

978—1013 гг. – Этельред II Неразумный

Франция

954—986 гг. – Лотарь

986—987 гг. – Людовик V Ленивый

987—996 гг. – Гуго Капет

996—1031 гг. – Роберт II Благочестивый

Польша

960—992 гг. – Мешко I

992—1025 гг. – Болеслав I Храбрый

Венгрия

997—1038 гг. – Иштван I Святой

Швеция

970—995 гг. – Эрик VI Победоносный

995—1022 гг. – Олаф Щётконунг

Дания

958—986 гг. – Харальд I Синезубый

986—1014 гг. – Свен I Вилобородый

1014—1018 гг. – Харальд II

Шотландия

971—995 гг. – Кеннет II Братоубийца

995—997 гг. – Константин III

997—1005 гг. – Кеннет III Вождь

1005—1043 гг. – Малькольм II Разрушитель

Испания

966—984 гг. – Рамиро III

984—999 гг. – Бермудо II Подагрик

999—1028 гг. – Альфонсо V Благородный

Римские папы

- 973—974 гг. – Бенедикт VI
- 974—983 гг. – Бенедикт VII
- 983—984 гг. – Иоанн XIV
- 984—996 гг. – Иоанн XV
- 996—999 гг. – Григорий V
- 999—1003 гг. – Сильвестр II
- 1003 г. – Иоанн XVII
- 1004—1009 гг. – Иоанн XVIII
- 1009—1012 гг. – Сергий IV
- 1012—1024 гг. – Бенедикт VIII

Несколько спутников Святослава под началом Свенельда, старого и уважаемого воеводы в войске великого князя, спасшись от мечей печенегов, добрались до Киева и поступили на службу к Ярополку, старшему сыну Святослава, которому к моменту смерти отца в 972 году исполнилось двадцать семь лет.

Это предпочтение и влияние, которое Ярополк позволял иметь на него своим боярам⁸⁹ и особенно Свенельду, вызвало зависть и вражду его брата Олега, среднего сына Святослава и князя древлян; и когда Олег встретил сына Свенельда Люта на охоте, он напал на него без какой-либо причины и убил. Возмущенный отец, желая отомстить убийце, обратился за правосудием к Ярополку и уговорил его объявить войну брату и вторгнуться в его земли; и князь, уступив требованию любимца, сразу же с войском выступил из Киева. Олег лично вышел навстречу противнику, но после яростной сечи его дружина в смятении бежала, мост, по которому отступал он со своими воинами, не выдержал и рухнул, и Олег утонул в реке, погребенный под множеством лошадиных и человеческих тел тех, кто разделил его участь. По известии об этом несчастье Ярополка охватили угрызения совести, и он, отыскав тело брата среди убитых, взглянул на страшное зрелище и воскликнул: «Смотри, Свенельд, этого ты и хотел! – а потом собственными руками похоронил Олега. После смерти князя его земли подчинились киевскому войску без сопротивления; и вскоре после этого воеводы и бояре, которые всецело управляли Ярополком, уговорили его завладеть Новгородом, где княжил его младший брат Владимир, но отсутствовал в то время, уехав в Скандинавию, и разделить княжество между боярами, которые помогали ему своими войсками и вооружением.

Сумев набрать небольшую дружину варягов⁹⁰, которые должны были помочь ему вернуть захваченные земли, Владимир сразу же вернулся в Россию, и, когда он вошел в Новгород со своим небольшим войском, народ встретил его с великой радостью и сразу же снова посадил Владимира на престол, причем он не нанес ни единого удара. Посадников Ярополка, которых застали в их домах врасплох, так что они не сумели подготовиться к сопротивлению, князь прогнал и велел сообщить его брату, что, раз он пришел в его владения как враг, пускай ждет ответного визита от новгородских войск. Вскоре у них появилась новая причина для распрей, так как Владимир потребовал себе в жены Рогнеду, дочь князя Полоцка – небольшого государства на Двине, но и его брат в то же время стал претендовать на руку княжны. Ее отец Рогволд, боясь оскорбить и того и другого князя, решил, чтобы его дочь сама выбрала, кого из двоих она возьмет в мужья. Она предпочла Ярополка и отвергла Владимира из-за того, что его мать была рабыней, и это привело Владимира в такую ярость, что он вторгся в Полоцк, разбил Рогволда в бою, захватил его с двумя сыновьями, самолично убил их и силой взял княжну в

⁸⁹ Бояре – старое славянское слово, им называли русскую знать; оно упоминается в византийских анналах еще в 764 году.

⁹⁰ Шведов или норвежцев.

жены; потом, обратившись против Киева, он с крупными силами выступил на столицу брата. В такой нелегкой ситуации Ярополк обратился за советом и помощью к одному из своих воевод по имени Блуд, на верность и мнение которого он всецело полагался и которого осыпал многими почестями; но Блуд тайно вступил в сношение с Владимиром, от которого получил богатый подкуп, чтобы заставить его действовать в интересах новгородского князя, и посоветовал своему господину бежать из города, а не пытаться защитить его от врага, хотя такую возможность давали ему сильные городские укрепления; а потом сообщал Владимиру о тех местах, в которых Ярополк тщетно пытался найти убежище. Злосчастный князь бродил с места на место, а его мстительный враг неустанно следил за ним и преследовал его, пока в конце концов голод и ненастье не заставили Ярополка сдаться на милость брата; но, пока он еще обдумывал это намерение, возле Киева он столкнулся с искавшими его варягами, которые имели строгий приказ от Владимира не давать ему никакой пощады; и они зарубили его боевыми топорами прямо на виду у брата, который смотрел на происходящее из привратной башни.

Владимир Святославич родился в Киеве в 948 году и после разделения отцовских владений получил Новгородское княжество по просьбе местных жителей (его мать Малуша, одна из прислужниц Ольги, происходила из Новгорода). По одной из русских летописей, завладев всей империей благодаря убийству брата, он принял титул царя⁹¹, хотя, по всей видимости, его преемники не звались царями вплоть до XV века, и, усыновив малолетнего сына Ярополка, родившегося уже после смерти отца, он взял в жены вдову брата. Она принадлежала к знатному греческому роду Восточной империи и равно славилась и своей красотой, и достоинствами, но ушла в монастырь и была истовой монахиней; однако войско Святослава осквернило и разграбило ее монастырь, она попала в плен к князю и была отправлена в Киев, где потом стала женой его старшего сына, которого теперь сменила на свирепого и жестокого Владимира. Вскоре после этого по его приказу умертвили воеводу Блуда, который так подло предал Ярополка, но вначале князь продержал его у себя в тереме три дня, осыпая величайшими почестями в награду за службу; однако заявил, что, как судья, должен был наказать человека, предавшего и обманувшего своего князя.

Хотя до обращения русских в христианство среди них нередко встречалось многоженство, все же второй брак Владимира вызвал ревность и возмущение полоцкой княжны Рогнеды, даже более чем убийство ее отца и двоих братьев; и она столь сильно вознегодовала, что Владимир выгнал ее из дворца и велел жить в уединении возле столицы, где он время от времени ее навещал.

Там Рогнеда размышляла о своих несчастьях, пока не решила отомстить за них при первой же благоприятной возможности и отнять жизнь супруга. Войдя в его спальню однажды ночью, пока он спал, она схватила лежавший подле него кинжал и хотела уже вонзить оружие ему в сердце, как вдруг, проснувшись, князь схватил ее за руку и чуть было не убил на месте, если бы их сын не вбежал между ними и не умолил Владимира пощадить его мать. Его мольбы не прошли даром, потому что князь, обняв ребенка, оставил терем Рогнеды и после того пожаловал ей княжество, которым прежде правил ее отец.

⁹¹ Как говорит Карамзин, титул царя употреблялся в России уже в правление Изяслава и Дмитрия Донского (1363–1389). «Сие имя не есть сокращение Латинского *Caesar*, как многие неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сделалось у нас известно по Славянскому переводу Библии и давалось Императорам Византийским, а в новейшие времена Ханам Могольским, имея на языке Персидском смысл трона, или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен Монархов Ассирийских и Вавилонских: Фаллаа [Фалассар], Набонаш [Набонассар] и проч. Исчисляя в титуле своем все особенные владения Государства Московского, Иоанн наименовал оное Белою Россиею, то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках Восточных (*Карамзин. История государства Российского*). Фон Хаммер в одном из примечаний говорит: «Царь – это древнее именование азиатских государей. Мы находим примеры его употребления в титуле «шара» Гурджистана или скифской «царицы». Некоторые авторы полагают, что это то же, что каган или хан, из чего они также выводят слово «князь», и что древние скифские цари и первые великие князья Руси были известны под этим титулом».

Варяги, помогавшие Владимиру вернуть престол и прогнать брата, которые теперь составляли его гвардию и личную дружину, стали громко требовать награды за оказанные ценные услуги. Он настаивал, чтобы между ними разделили всю Киевскую область; и Владимир, обнаружив, что его богатств совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить их алчные притязания и заставить их умолкнуть, и желая поскорее избавиться от таких буйных и назойливых союзников, посоветовал им поискать другого хозяина, не более благодарного, но более зажиточного, и пойти на службу к императору Константинополя, где вместо мехов и шкур наградой за верность им будут шелка и золото. «Вместе с тем, – говорит Гиббон, – русский государь убеждал своего византийского союзника распределять этих буйных детей севера по различным местам, употреблять их на службу, награждать их и сдерживать. Современные писатели упоминают о прибытии варангов, об их названии и об их характере; доверие и уважение к ним увеличивались с каждым днем, все они были собраны в Константинополе, чтобы нести службу телохранителей, а их ряды пополнились благодаря прибытию с острова Фулы (Великобритании) многочисленного отряда их соотечественников... Эти изгнанники были приняты византийским двором и сохраняли до последних времен империи наследственную безупречную честность и употребление датского или английского языка. Со своими широкими обоюдоострыми боевыми секирами на плечах, они сопровождали греческого императора и в церковь, и в сенат, и в ипподром, он и спал, и пировал под их надежной охраной, и в руках этих мужественных и преданных варангов находились ключи от дворца, от казнохранилища и от столицы».

В начале правления Владимира король Норвегии Эрик, сын Харальда, снарядил флот и войско и, проплыв по Балтийскому морю и Финскому заливу, высадился в том месте, где сейчас располагается Санкт-Петербург, и, выступив на город Альдейгьюборг⁹², что на Ладожском озере, опустошил всю страну на своем пути, грабя и убивая жителей и сжигая их дома. Он осадил и захватил город и сжег его вместе с замком. За пять лет похода он опустошил все окружающие земли.

В 982 году волжские болгары вторглись в Россию, но были разгромлены и вынуждены отступить; и на следующий год великий князь, победив ятвягов (финское племя, которое до того времени оставалось незавоеванным и независимым от Руси), великий князь по возвращении в Киев провозгласил праздник в честь богов, чтобы возблагодарить их за многочисленные победы, и по распространенному обычаю среди народа бросили жребий о том, кого принесут в жертву богу грома Перуну на священном огне, который постоянно поддерживали перед его разукрашенным святилищем⁹³. Народ встретил известие с энтузиазмом, но жребий пал на молодого христианина по имени Иван, чей отец Федор когда-то приехал из Константинополя и поселился в Киеве и отказался отдавать сына в жертву их нечестивому фанатизму. Тогда толпа собралась перед их домом и разрушила его, причем под обломками погибли и двое варягов. Однако, если верить русским историкам, это были единственные христиане, пострадавшие за свою веру в правление Владимира, хотя в тот период он ревностно строил статуи и алтари языческим божествам своей родины и истощал свои княжеские богатства и добычу, привезенную из походов в чужие земли, на умножение и украшение идолов и капищ. Слухи о его сокровищах и щедрости, о силе его войска, о многочисленной дружине и военных подвигах распространились среди других народов за пределами Руси; и некоторые европейские и азиатские государи отправили послов к его двору для заключения союза, чтобы заручиться его дружбой и помощью. Однако примерно в то же время Владимир начал сомневаться в истинности языческого культа своей родины и стал расспрашивать иноземных послов о различных религиях,

⁹² Этот город, как полагают, тождествен Нотебургу, современному Шлиссельбургу, который стоит на острове, образованном Невой и озером.

⁹³ Тело Перуна было из дерева, голова – из серебра, усы и уши – из золота, ноги – из железа, а в руке он держал молнию, украшенную яшмой.

которые они исповедовали, и окружающие государства честолюбиво возжаждали чести обратиться столь прославленного и могущественного язычника; вследствие этого, спеша распространить свою веру, считая ее истинной, в обширной империи царя, они прислали к нему своих ученейших докторов, которые бы убедили Владимира в превосходстве их религии. Первые послы прибыли из Великой Болгарии на Волге, народ которой незадолго до того обратился в мусульманство, но их доводы не имели успеха; также Владимир отверг и Латинскую церковь, которую представляла депутация из Германии, поскольку не хотел признавать над собойладычества римского понтифика. Выслушав доводы хазарских иудеев, он спросил у них: «А где земля ваша?» – и глава посольства ответил: «В Иерусалиме. Однако разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши». – «Как же вы, – сказал Владимир, – иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» В конце концов греческий философ предстал перед царем и разъяснил ему Ветхий и Новый Заветы, рассказав о главных событиях, о коих они повествуют, и нарисовав убедительную картину Страшного суда, в которой постарался в самых ярких красках и выражениях изобразить блаженство спасенных и кару и страшные муки грешников. Впечатленный таким описанием, князь воскликнул: «Блаженство праведным и мучение грешным!» – «Крестись, – ответил грек, – и унаследуешь райское блаженство». Владимир отпустил его с богатыми дарами, но все же не сделал окончательный выбор и решил сначала отправить послов в Болгарию, Германию и Византию, чтобы посмотреть на все веры в тех местах, где их исповедуют. Жалкие мечети Болгарии и грубые церкви Германии из неотделанной древесины вместе с невежественным и необразованным народом резко контрастировали с великолепием и пышностью греков, где высокие, изукрашенные храмы и торжественные богослужения, которые проводили священники в богатом облачении под аккомпанемент прекрасного хорового пения, поразили и очаровали посланцев с севера; и по своем возвращении на родину они отчитались обо всем перед собранием киевских бояр и дружинников. Владимир обратился за помощью к этому совету, колеблясь принять столь важный выбор, и бояре так сказали царю: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей».

Этот довод, а также рассказы и описания, привезенные русскими посланцами из Константинополя, полностью удовлетворили князя, и он постановил, что отныне его государство будет исповедовать византийскую веру; однако, будучи слишком гордым, чтобы окреститься у обычного скромного священника из тех, что к тому времени уже успели поселиться в Киеве, да и вообще у кого-либо иного, кроме высочайших сановников христианской церкви, и не желая просить у греческих императоров милости, чтобы послал тот епископов и миссионеров для обращения его народа и чтобы у него достало священников для всех концов страны, в 987 году князь пошел с войском в Крым и осадил богатый и людный город Херсон, что стоял на перешейке, известном грекам как Гераклеийский Херсонес, неподалеку от того места, где находится современный Севастополь. Землю, на которой стоял Херсон, отделяла от остального Крыма восьмикилометровая стена, протянувшаяся от Черной речки до Балаклавы, и весь этот участок земли занимали сады и усадьбы жителей города, чью безопасность со стороны суши обеспечивала стена из известняка длиной более двух километров, а толщиной в полтора – два метра, и еще более массивную стену укрепляли три башни, из которых самая большая с пристроенным караульным помещением защищала главные ворота. Русский князь двенадцать месяцев держал город в осаде, но ему никак не удавалось взять его приступом, однако один грек-изменник по имени Анастас запустил стрелу к нему в лагерь с таким советом: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир тут же воспользовался этой информацией и, отрезав акведук, снабжавший город водой, за несколько дней принудил жителей к сдаче, и они открыли ворота перед его дружиной. Тогда он предложил заключить мир с императорами Василием и Константином, которые совместно правили

в Константинополе, и предложил вернуть им город Херсон, а также помочь греческим монархам усмирить беспорядки в их владениях на условии, что византийские императоры отдадут ему в жены свою сестру Анну; притом, если его условия не будут сразу же приняты, угрожал привести своих воинов под самые стены греческой столицы. В то же время он велел перевезти в Новгород бронзовые ворота и городской колокол Херсона в качестве трофея и поставить перед первой в городе христианской церковью, где в храме Святой Софии ворота остаются и по сию пору; хотя, как утверждают некоторые авторы, настоящие трофеи впоследствии польский король Болеслав II увез в Гродно и поставил в тамошнем соборе.

Уже не впервые византийский кесарь покупал позорный мир тем, что отдавал сестру или дочь в жены своему победителю, которого сам презрительно считал невежественным дикарем; и после некоторых колебаний страх греческих императоров перед местью Владимира возобладал над мольбами и просьбами сестры, которая согласилась стать женой русского князя лишь после уговоров искусных и хитрых священников, убедивших ее, что, пожертвовав собой ради своей страны и веры, она безусловно гарантирует себе вечное спасение души. Поэтому византийский двор согласился на предложение царя и осудил несчастную Анну провести остаток жизни в суровом климате севера, вдали от искусств и утонченных удовольствий ее веселой и вольной родины; и царица, горестно попрощавшись с константинопольскими дворцами и увеселениями, навсегда покинула родной город и в сопровождении священников отплыла в Херсон. В тамошнем соборе херсонский архиепископ окрестил Владимира, получившего имя Василий, вместе с двенадцатью его сыновьями и всеми воеводами и боярами войска и в тот же день обвенчал его с гордой дочерью Константинополя, и перед обрядом князь торжественно отрекся от шести жен и восьмисот наложниц⁹⁴, бывших у него до той поры. Затем он вернулся в Киев, предварительно велел построить в Херсоне церковь Святого Василия⁹⁵ в честь своего святого покровителя и в память о своем обращении; привез с собой жену и всех херсонских священников, включая тамошнего архиепископа и священника по имени Михаил, родом сирийца, бывшего, по словам некоторых авторов, епископом Киева во времена Аскольда и назначенного митрополитом Руси, а также шесть священников, сопровождавших греческую царицу из Константинополя. Князь велел доставить в столицу мощи святого Климента и святого Фива и множество икон и религиозных книг, которые он захватил в Крыму, два бронзовых идола и четыре железных коня; и приказал, чтобы двенадцать дружинников протасили деревянную статую Перуна по улицам Киева, забили дубинками и бросили в Днепр, и в то же время объявил, что все, кто откажется принять святое таинство крещения, будут считаться врагами Бога и князя⁹⁶.

Более строгих мер, чтобы принудить русский народ к повиновению, не понадобилось, ибо, полагая, что вера, которую принял их князь с боярами, должна быть истинной, они сотнями окунулись в Днепр и омылись в его водах, пока священники с берега произносили молитвы; а также из могил были изъяты кости братьев Владимира Ярополка и Олега, чтобы освятить их таинством крещения, после чего их снова погребли. На вершине холма неподалеку от княжеского терема, холма, который прежде был посвящен Перуну, теперь возвышалась христианская церковь, и царь издал указ, чтобы всех идолов по всей стране уничтожили таким же образом, как в столице, и по всей Руси поехали митрополиты и епископы, чтобы кре-

⁹⁴ Герберштейн говорит, что триста у него было в Вышгороде, триста в Белгороде и еще двести в селе Берестове.

⁹⁵ Нестор в своей летописи говорит про Анну: «И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате». «Крестился же он в церкви Святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсунь посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака... Поставил и церковь в Корсунь на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи: стоит церковь та и доньне».

⁹⁶ Кларк рассказывает, что он добыл в Херсонесе несколько медных монет Владимира с буквой V, вероятно отмечающей эру его крещения.

стить и наставлять народ, возводить церкви и школы и назначать священников и епископов в различные провинции. В Новгороде⁹⁷, где долго правил Добрыня, дядя Владимира, и христианская религия уже получила некоторое распространение, народ не сопротивлялся установлению новой веры и разрушению идолов под руководством новоназначенного епископа Иоакима, бывшего архиепископа Херсона; однако в Ростове пять племен, которые, несмотря на усилия Авраамия, еще хранили своих кумиров, упорно сопротивлялись и прогнали со своей земли двух первых посланных к ним прелатов – Федора и Иллариона, хотя ревностные старания их преемников Леонтия и Исаии в конце концов увенчались успехом⁹⁸.

Сначала на Руси были образованы пять епархий под властью митрополита, а именно Новгородская, Ростовская, Черниговская, Белгородская и Владимирская; этот же город основал на Клязьме царь в 991 году, когда приезжал в Суздаль⁹⁹ в сопровождении Степана, которого он поставил епископом в новом городе, где построил церковь Пресвятой Богородицы, стоящую до сих пор. Степан при помощи другого священника крестил всех жителей этого обширного края. Среди многих церквей и монастырей, которые Владимир велел построить по своей стране, была Десятинная церковь в Киеве, названная так в честь данного князем обета отдавать ей десятую часть своих доходов. Ее возвели греческие зодчие, доставленные специально для этого из Константинополя, которые также заложили в столице каменные здания княжеских дворцов и суда. Множество вероучительных книг было переведено с греческого на славянский язык по приказу царя, который ввел на Руси ту версию Библии, которая была переведена примерно за век до того Кириллом; также он послал миссионеров проповедовать болгарам на Волге, которые, однако, не встретили там много обращенных. Однако их наставления убедили заставили четырех князей той земли побывать в Киеве, где все они впоследствии обратились в христианство. Князь печенегов, по вере мусульманин, который с большой дружиной прибыл с дружеским визитом в русскую столицу, стал самым именитым прозелитом царя, поскольку все время, оставаясь гостем Владимира, строго соблюдал обряды греческой религии и, тщательно ознакомившись с ее учением, окрестился и поселился в Киеве и жил там до самой смерти; а в 991 году царь принял папское посольство из Рима, прибывшее заверить его в своем уважении. То отвращение, с которым бояре смотрели на нововведения князя и его усилия по приобщению их к византийским искусствам и учености, заставило Владимира принять закон, обязующий их отпускать сыновей в основанные им школы; также он обязал платить десятину на помощь неимущим, престарелым, больным, странникам и заключенным, а также на оплату похорон для тех, кто умер, не оставив достаточно денег на свое погребение. Эта десятина включала в себя установленное количество зерна, скота и дохода с торговли, не считая сбора со всех дел, разбираемых в суде; причем право судить было отдано епископам и митрополиту, который отправлял правосудие согласно церковным канонам¹⁰⁰, установленным константинопольским патриархом Иоанном III Схоластиком.

⁹⁷ Предание о том, что Перун, будучи сброшен в реку у Новгорода, поднялся из воды и обратился с прощальной речью к народу, долго хранилось в памяти местных жителей, которые в годовщину этого события по обычаю вооружались палками и, бегая по городу, старались исподтишка побить друг друга.

⁹⁸ Обычай ношения крестов на шею возник на Руси в то время, поскольку епископы велели всем христианам носить кресты в знак отличия.

⁹⁹ Суздальское княжество охватывало современные Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Московскую, Тверскую, Нижегородскую, Тульскую и Калужскую губернии.

¹⁰⁰ Ниже я привожу точные и дословные фрагменты из упомянутого устава, согласно тексту древнейшей рукописи XIII века: «В имя Отца и Сына и Святого Духа. Се яз князь Василий, нарицаемы Володимир, сын Святославль, внук Игорев, блаженныя княгини Олгы, възсприал есмь святое крещение от Грещьскаго царя и от Фотия патриарха Царегородьского, взяв първого митрополита Леона Киеву, иже крести всю землю Русьскую святымъ крщеньемъ. Потом же, летом многимъ минувшем, создах церковь святыя Богородица Десятинную и дах ей десятину по всей земли Русьстей ис княжения в сборную церковь: от всего княжа суда десятую векшую, а из торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякаго стада и от всякаго жита чудному Спасу и чудней его Матери. Потомъ, разверзше грещьскыи Номоканон, и обретохом в немъ, оже не подобаетъ сих судов и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ; и яз, сгадав с своею княгиною с Анною и с своими детьми, дал есмь

В правление Владимира Трюгви Олафссон, конунг одной из шести провинций, на которые делилась Норвегия, и внук Харальда Прекрасноволосого, пал жертвой заговора Гуннхильд, жены Эйрика Кровавая Секира, сына Харальда, которая хотела видеть своего мужа единственным владыкой королевства, принадлежавшего его отцу, и так как наследником после Трюгви остался всего лишь его сын-младенец, то его наследством завладели правители соседних территорий. Вдове Трюгви Астрид пришлось бежать из страны вместе с сыном Олавом в сопровождении преданного ее покойному мужу Торальфа ко двору короля Швеции Хакона, который смело отказался выдать ее в Норвегию. Она два года оставалась у этого великодушного государя; но узурпаторы пригрозили ему мстью, если он не исполнит их требования, и Астрид, боясь навлечь опасность на своего защитника, решила искать приюта у своего брата Сигурда, который давно находился на службе у князя Владимира и занимал высокий пост при его дворе. Поэтому она покинула Швецию, намереваясь добираться до брата на Руси; но при пересечении Балтийского моря ее судно захватили эстонские пираты и, расправившись с частью команды, остальных разделили между собой; и Торальфа разлучили с Астрид и Олавом, так как они попали в долю пирата по имени Клеркон, который посчитал Торальфа слишком старым, чтобы от него была какая-то польза, и убил его, а Олава отвез в Эстонию, где выменял его на барана у крестьянина. Крестьянин относился к мальчику с большой добротой, и Олав прожил у него почти шесть лет. В конце концов, когда мальчику было уже девять лет, брат Астрид Сигурд приехал из Новгорода в Эстонию в сопровождении блестящей и многочисленной дружины, чтобы собрать налоги для Владимира; и, проезжая через один из городов, случайно увидел Олава. Обратив внимание, что тот нездешний, Сигурд велел привести его и расспросил, как его зовут и откуда он. Олав рассказал обо всех своих злоключениях, и Сигурд, осознав, что это его собственный племянник, забрал его у крестьянина, у которого тот жил, и привез в Новгород, хотя пока никому не сообщил, кто это на самом деле. Как-то раз Олав случайно зашел на рынок и среди в толпе узнал Клеркона – пирата, убившего Торальфа; и так как Олав имел при себе небольшой топорик, он ударил Клеркона по голове и убил его на месте, а потом прибежал домой и рассказал Сигурду о том, что сделал. В Новгороде же был закон, по которому если совершалось убийство, то все горожане сообща должны были отыскать преступника и, по древнему еврейскому закону, забить его камнями до смерти прямо на улице. Боясь, как бы Олав не понес эту кару от рук горожан, которые повсюду искали убийцу, Сигурд привел его во дворец¹⁰¹ к великой княгине¹⁰² и, рассказав о случившемся, умолял ее защитить племянника. Ей понравилась наружность мальчика, который, по ее словам, был слишком хорош собой, чтобы погибнуть; она вступилась за него пред Владимиром и получила приказ о замене казни штрафом, который сама же немедленно и выплатила, а также пожелала оставить его при себе. Поскольку это противоречило русским законам, чтобы высокопоставленный чужеземец жил в

ты суды церквам, – митрополиту и всем пискупиям по Русьской земли. А посемь не надобе вступатися ни детем моим ни внучатом ни всему роду моему до века ни в люди церковные ни во все суды их, то все дал есмь по всем городом и по погостом и по свободам, где и суть христиание; и своим тиуном приказываю, церковного суда не обидети ни судити без владычня наместника». Дальше он описывает различные преступления, которые должна судить церковь, и добавляет: «Се же искони уставлено есть и поручено святым пискупьям городьские и торговые всякая мерила и спуды и звесы, ставила, от Бога тако искони уставлено, пискупу блюсти без пакости, ни умалити ни умножити, за все то дати ему слово в день суда великаго, якоже и о душах человеческих. А се церковные люди: игумен, поп, дякон, дети их, попадья и кто в клиросе, игуменья, чернець, черница, проскурница, паломник, лечець, прощеник, задшьный человек, стороник, слепець, хромець, монастыреве, болнице, гостинници, странноприимнице, то люди церковные, богадельные, митрополить или пискуп ведаеть межи ими суд или обида или котора или вражда или задница; аже будет иному человеку с тым человекомь речь, то обчи суд. Кто переступить си правила, якоже есмы управили по святых отець правилом и по пьрвых царств управленью, кто иметь преступати правила си или дети мои или правнучата или в котором городе наместник или тиун или судья, а пообидять суд церковный, или кто иный, да будут прокляти в сий век и в будущий семию зборов святых отець вселенских» (цит. по: *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. – *Пер.*).

¹⁰¹ В Новгороде существовал обычай, по которому у великого князя и княгини были свои терема и прислуживали свиты одинаковой численности.

¹⁰² В саге об Олафе Трюгвасоне, откуда взят этот рассказ, она зовется Аллогия.

стране без разрешения царя, Сигурд поведал ей настоящее имя Олава и умолял ее добиться от супруга разрешения для норвежского принца; и Владимир, посочувствовав его несчастьям, принял его при дворе со всеми почестями, положенными королевскому сыну, и, после того как Олав пробыл несколько лет на Руси, дал ему высокий пост у себя в дружине. Однако уважение, которое питал к нему князь, навлекло на него ненависть и злобу бояр, которые, не желая, чтобы иноземцы занимали высокие посты и пользовались властью в их стране, постарались настроить Владимира против изгнанного принца и вызвать у него ревнивые подозрения; и в конце концов Олав, заметив, что царь стал относиться к нему со все большей холодностью, и боясь, как бы не оказаться в опасности, если он дольше задержится на Руси, попросил позволить ему уехать из Новгорода, чтобы попутешествовать и посмотреть на землю, где прежде правили его предки. Владимир охотно дал позволение и снарядил для него небольшую флотилию кораблей; и норвежский принц, оставив Россию, отправился в Данию, Ирландию и Англию, где несколько лет спустя обратился в христианство и впоследствии, около 995 года, вернул себе королевство; его приключения закончились в 1000 году.

В поздний период своей жизни Владимир, как говорят, сильно раскаялся в былых прегрешениях и покой его правления был нарушен распрями между его сыновьями, между которыми он поделил свое княжество, отдав каждому полную власть над подвластной ему областью и лишь взимая с них небольшую дань. Его любимый сын Вышеслав умер прежде него, а остальные, недовольные разной величиной уступленных им владений, постоянно воевали друг с другом; а беспокойные печенеги, воспользовавшись междоусобицами и беспорядками в империи, снова вторглись на Русь. Царь выступил против них, и враждебные армии выстроились на двух берегах реки Сулы. Печенежский князь отправил гонца в русский лагерь с предложением не проливать крови народа, а решить исход битвы в поединке между двумя воинами, выбранными с обеих враждующих сторон: у него в войске был человек необычайно рослый и ловкий, и он полностью полагался на его победу. Владимир принял предложение, и тогда из рядов войска вышел молодой русский воин, пал на колени перед царем и попросил доверить ему почетный долг биться за свой народ в предстоящем единоборстве. Сначала царь велел ему доказать свою силу в схватке с разъяренным быком, и, когда тот блестяще справился с заданием, все войско с князем во главе единодушно провозгласило его заступником Руси. Противники окружили поединщиков и, затаив дыхание, ждали исхода борьбы между печенежским великаном и его не столь рослым, но более подвижным противником. Бой продолжался лишь несколько минут и закончился поражением и смертью печенега, а победителя царь тут же на месте пожаловал в бояре, после чего стороны заключили перемирие на три года, а печенеги удалились восвояси. Но после заключения перемирия они снова вторглись на Русь и осадили один из пограничных городов. Владимир сразу же выступил на помощь его жителям. Однако прежняя удача оставила его: русские потерпели поражение в яростной битве у городских стен, их войско было полностью разгромлено и рассеяно, и царь избежал гибели только потому, что спрятался под мостом, пока шло победоносное войско, разоряя и грабя его земли.

Новгородский князь Ярослав воспользовался разгромом отцовского войска, ведь его почти полное уничтожение лишало царя возможности принудить своего непокорного сына к послушанию; и он отказался выплачивать установленную дань и вооружился против отца, к чему его побуждали новгородцы, которые издавна завидовали главенству Киева и хотели образовать независимое государство. Владимир, собрав скудное число приверженцев, встал во главе войска и приготовился выступить на Новгород; но потери, которые понесла его дружина, и неблагодарность сына настолько удручили его, что он умер, прежде чем успел пройти большую часть пути, 15 июля 1015 года в возрасте 77 лет. Он оставил после себя одиннадцать сыновей, включая усыновленного племянника, между которыми разделил свою империю; а именно Святополка, тверского князя; Судислава, полоцкого князя; Николая, черниговского князя; Владимира, смоленского князя; Мстислава, тмутараканского князя; Бориса, Глеба

и Ярослава, новгородского князя; Изяслава, Святослава и Станислава; и одну дочь Марию, которая вышла замуж за короля Польши Мешко II¹⁰³. Историки наградили Владимира титулом Великий, и он со своей супругой, греческой царевной Анной, умершей до него в 1011 году, вошел в сонм русских святых. Его тело было положено в мраморный гроб и похоронено в Десятинной церкви, куда он велел перенести останки великой княгини Ольги и которая впоследствии была сожжена и уничтожена захватившими Русь татарами; но в 1636 году Петр Могила, митрополит Киевский, открыл под ее развалинами гробы царя и греческой царевны и перенес голову Владимира в Киево-Печерскую лавру, не потревожив остальных костей. Обращение в христианство знаменует великую эпоху в истории любого народа, так как производит полный переворот в его нравах и обычаях, создавая между людьми связь, которая предотвращает возникновение прежних непрерывных распрей. С того момента русский народ постепенно начал заниматься более мирным и полезным трудом, добывая себе пропитание сельским хозяйством и ремеслом, нежели грабежом более богатых или слабых соседей или примитивной и не дающей покоя охотой, то есть отказался от чреватого многими опасностями образа жизни, который давал мало простора для нравственного и умственного развития этой земли, чей суровый климат и неплодородная почва принуждала народ к охоте как единственному средству существования. Едва ли можно было ожидать, что на Руси христианство, учитывая, что его навязали народу, произведет столь сильные перемены в условиях их жизни и обычаях, как если бы их обращение происходило медленно и по убеждению, а не только из послушания воле и приказу господина. Фигуры их домашних богов, которыми любой русский, по обыкновению, украшал стены своей избы, сменились иконами святого покровителя, и тот энтузиазм, с которым они совершали обряды своего языческого культа, перешел на христианские богослужения; однако русские приспособили их ко многим варварским обрядам и сохранили немало древних суеверий, по-прежнему с благоговением и почтением взирая на реки и рощи, которые прежде посвящали божествам, и сохранив церковные праздники в те дни и времена года, которые прежде принадлежали их языческим торжествам. По сей день в самых отдаленных деревнях и провинциях России многие ежегодные празднества и обычаи скорее напоминают идолопоклоннические привычки их предков, нежели народа, исповедующего христианскую веру. Что касается одежды и образа жизни крестьянства, то в них, по-видимому, произошло мало изменений, и даже в виде их жилищ со времен Святослава и Владимира, ибо русские всегда были известны упрямством, с которым они держались за свои привычки и обычаи, и неприятием любых перемен и нововведений. Практика образовывать деревенские общины и сообща владеть землей, каждые три года выбирая среди себя старосту, видимо, существовала еще с тех времен, когда они впервые оставили свой кочевой уклад, и весьма напоминает древнюю систему, существовавшую в Индостане. Как в России, так и в Китае отец обладал верховной властью над домочадцами, жена и дети полностью находились в его руках, как рабы у хозяина, а после его смерти преемником в качестве верховного судьи и главы семьи становился старший сын. Их женщины, видимо, с самых ранних эпох находились в уединении, как это обычно для азиатских народов; и хотя этот порядок несколько ослаб в тот короткий период постоянного и тесного общения Руси с Византией, он в полной мере вернулся в силу после татарского завоевания Руси. До времен Петра Великого женам бояр редко позволялось пересекать порог дома, да и то только под плотным покрывалом. Им было запрещено даже ходить в церковь, и в первые годы истории России существовал обычай, не позволявший женщинам умертвлять

¹⁰³ Автор допускает неточности, например, приписывает Владимиру несуществующих сыновей Николая и Владимира и путает имена и владения других его детей: Святополка Окаянного, князя Туровского; Изяслава, князя Полоцкого; Ярослава Мудрого, князя Новгородского; Всеволода, князя Владимир-Вольнского; Мстислава, князя Тмутараканского и Черниговского; Станислава, князя Смоленского; Судислава, князя Псковского; Святослава, князя Древлянского; Бориса, князя Ростовского; Глеба, князя Муромского; Добронегии-Марии, ставшей женой польского короля Казимира I, сына Мешко II, и т. п. (*Примеч. пер.*)

никаких животных, даже тех, которые требовались им для еды¹⁰⁴. Хотя Русское государство никогда не посягало на царские прерогативы так, как это бывало в других странах средневековой Европы, все же оно обладало некоторым влиянием на управление государством; и в летописях Нестора упоминаются публичные собрания – вече, которые время от времени объявлял великий князь для решения важных вопросов и на которых имели право присутствовать духовенство и даже простые горожане; бояре были обязаны следовать за своим государем в бой со своими дружинами вместе с лошадьми, экипировкой и провизией, возмещая себе расходы захваченной добычей и пленниками. Хотя русские владели рабами, обычно это были взятые в плен или их потомки, поскольку крестьяне в тот период, в отличие от остальной Европы, не были феодальными крепостными, прикрепленными к земле; этот порядок пришел в Россию только в XVI веке, однако они назывались кабальными холопами, потому что нанимались по письменному договору, так называемой кабале, на условленное количество лет или до смерти нанимателя. Преемником покойного государя по заведенному порядку, принятому у большинства славянских народов той эпохи, а также распространенному у современных мусульманских народов Востока, становился не сын прежнего князя, а его старший родственник, и, если бы этот порядок соблюдался всегда, это принесло бы много пользы; поскольку неосмотрительный раздел империи между сыновьями, как это сделали Святослав и Владимир, привел к великому раздору в государстве и непрерывным междоусобным войнам. Мощь и политическое значение Руси уменьшились, и вследствие этого она оказалась добычей чужеземного врага, открыв из-за внутренних беспорядков дорогу для свирепых и неугомонных азиатских племен, бродивших в поисках корма для табунов и пастбищ для стад на русских границах и всегда готовых воспользоваться ее распрями и бедствиями для грабежа ее земли; и их постоянные нашествия на многие годы затормозили развитие торговли и литературы, а также общественный прогресс России; и в конечном итоге, прервав всякое сообщение с Константинополем и Западом, вновь погрузили ее в невежество и варварство, из которого она начала выходить в правление Ольги и Владимира.

После введения христианства на Руси и до эпохи Петра Великого русские, как и греки, вели летоисчисление от Сотворения мира, хотя и по неверному расчету, а год у них начинался в сентябре. Так, год смерти Владимира 1015-й соответствовал 6523 году от Сотворения мира.

¹⁰⁴ До правления Петра Великого муж мог безнаказанно убить жену или детей, а во времена Владимира существовал обычай, чтобы жена снимала мужнины сапоги в день их брака, тем самым показывая свою полную ему покорность; а вплоть до последних лет невеста в день свадьбы дарил жениху хлыст, сделанный собственными руками.

Глава 10

Святополк. – Польское вторжение в Россию. – Ярослав

С 1015 по 1053 год, или, по древнерусскому летоисчислению, с 6523 по 6581 год от Сотворения мира

Святополк, сын Ярополка, старшего брата Владимира, родившийся уже после смерти отца, был усыновлен Владимиром и получил в долю Туровское княжество, когда великий князь разделил империю между сыновьями; однако он давно мечтал сесть на киевский престол и в последние годы жизни Владимира проводил там большую часть времени, собираясь, как только земля сомкнется над прахом царя, прибрать к рукам этот важнейший город империи. Однако у него был грозный противник в лице Бориса, еще одного сына Владимира, который в момент смерти отца бился с печенегами и который пользовался большой любовью своей дружины, да и всего народа. Первые единодушно предложили ему помощь, если он решит занять пустующий престол, но Борис отверг их предложение, сказав, что княжеское звание по праву принадлежит его старшему брату; это, однако, не уберегло его от жестокости Святополка, который, боясь, что Борис будет сопротивляться его честолюбивым замыслам, уже подослал к нему убийц. Те под покровом ночи вошли в его шатер, где он молился вместе с братом Глебом, и сначала расправились с часовым, который сторожил шатер, а затем убили обоих братьев; и эти юные князья, обладавшие многими достоинствами и любимые народом, особенно потому, что пали жертвой честолюбивого и безжалостного брата, за свои добродетели через некоторое время после смерти были канонизированы русской церковью, и их гробницу по-прежнему можно видеть в древнем соборе Чернигова. Другого брата Святополка, который пытался бежать в Венгрию, схватили и доставили в Киев, где и предали смерти, и Святополк, полагая, что остальные сыновья Владимира восседают в своих княжествах слишком далеко, чтобы дать ему основания их опасаться, стал киевским князем; однако новгородский князь Ярослав, возмущенный его бессердечным поступком, решил отомстить за убийство братьев, выступил на Киев со своей дружиной и прогнал Святополка из столицы, так что тот был вынужден искать убежища у своего тестя, польского короля Болеслава, к которому свергнутый князь обратился за помощью, чтобы вернуть свои владения. Польский король с мощной армией вошел в Россию в 1018 году и, разгромив армию Ярослава, заставил Киев капитулировать после доблестной обороны и восстановил Святополка на престоле. Ярослав составил план напасть на него врасплох и выгнать из Киева, но его замысел сорвался, и Ярослав отступил в Новгород, но неумолимый Болеслав преследовал его и полностью разгромил всю его дружину у самых городских ворот. Подавленный своими бедствиями, стыдясь поражения и боясь, что, если его неудачи продолжатся, он лишится народной любви, Ярослав приготовился отправиться за Балтийское море и провести остаток жизни наемником на чужой земле, но по горячим мольбам подданных все же передумал и остался с ними; кроме того, новгородцы собрали сообща деньги, чтобы он смог нанять себе дружину и вернуть Киев.

Между тем Болеслав с польской армией, восстановив Святополка в княжестве, но при этом взимая с него ежегодную дань, отказался уйти из Киева, который в то время был самым богатым и роскошным городом севера, пока в конце концов киевляне и русские воины, устав от угнетения и поборов со стороны поляков, составили против них заговор с целью расправиться со всей чужеземной армией разом, внезапно перебив всех поляков или прибегнув к более незаметному и коварному способу – яду. Но Болеслав, узнав об их намерениях, когда они уже были готовы их осуществить, собрал всех поляков, находившихся в то время в городе и окрестностях, и, разорив и разграбив большую часть столицы, покинул ее вместе со своими подданными, причем каждый шел с тяжелой поклажей из награбленной в Киеве добычи. Благодаря Владимиру город настолько возрос и разбогател ко времени взятия его поляками,

что в нем было триста церквей и восемь рынков, и в народе его хвастливо прозвали соперником Царьграда. В самом деле, историки той эпохи описывают великолепные платья киевлян, их бани, богатые и пышные пиры, на которых благодаря торговле с греками можно было видеть средиземноморские вина, серебряную утварь и даже плоды труда индийских мастеров, и создается впечатление, что горожане полностью отдались роскоши, развлечениям и праздности. После ухода Болеслава Святополк сразу же пошел вслед за ним, но, столкнувшись с его войсками у реки Буг, был полностью разгромлен и вынужден отступить в Киев. В то же время великий князь получил сведения о том, что Ярослав наступает на него с новгородцами, причем их храбрость воодушевляется и поддерживается успехами, одержанными ими в недавнем походе против хазар, которые в последние годы правления Владимира освободились от ярма русских. Ярослав взял в плен их военачальника Георгия Цулу; и, оказавшись в затруднительном положении, Святополк был вынужден принять помощь печенегов, которые, рассчитывая на поживу, с готовностью пришли под его знамена. Армии встретились у места гибели Бориса и Глеба; и Ярослав, перед тем как вступить в бой, обратился к речью к своим войскам, рассказав им обо всем произошедшем и воззвав к их храбрости, чтобы свершить возмездие, и заключил свою речь молитвой ко Всевышнему, чтобы тот даровал им победу в битве. При первых лучах рассвета Ярослав атаковал врага и вел отчаянный и свирепый бой до самого заката, когда силы Святополка, хотя и весьма превосходившие числом дружину его противника, были разбиты наголову, и их предводитель был вынужден покинуть поле боя побежденным и после разгрома, который оставил его без сторонников, бродил с места на место, не находя покоя и не желая просить милости у двоюродного брата, ставшего после битвы господином Киева, и умер неприкаянным в самом жалком положении. Однако польский король, не желая отдавать Киевское княжество в руки бывшего противника и воодушевленный недавними победами над пруссами, на чью землю вторгся, чтобы отомстить за убийство святого Адальберта¹⁰⁵, снова пошел в поход на Киев. Застав войско Ярослава на берегах Днепра врасплох, Болеслав атаковал русских, прежде чем они успели выстроиться в боевой порядок, и те, охваченные паникой, бросились бежать во все стороны и в сумятице едва не затоптали насмерть своего князя; так Болеслав снова стал хозяином столицы. Только после смерти Болеслава в 1025 году Ярославу удалось полностью изгнать из России его сына и наследника Мешко II вместе с армией поляков. Они заключили между собой мир, который скрепили браком польского короля и Марии – сестры Ярослава и дочери Владимира, и он продолжался во все время княжения Ярослава. Как только князь снова воссел на киевском престоле, он вторгся в Полоцкое княжество, где правил его старший брат Судислав, воевавший против него в последних войнах, и, разгромив и захватив Судислава, он бросил его в узилище, где тот и пробыл до конца правления Ярослава, хотя после смерти князя Судислава освободил его племянник Изяслав, сын и наследник великого князя, и тот стал монахом, приняв постриг в Киево-Печерской лавре.

Один из сыновей Владимира, который получил от отца Смоленское княжество, по-видимому, не принимал участия в междоусобных войнах братьев и передал свое владение потомкам, которое таким образом на время оказалось отделено от Русского государства. Есть причины полагать, что основание Смоленска по времени совпало с основанием Новгорода; это был процветающий город и государство до эпохи Рюрика, которое Олег присоединил к своим владениям, когда отправился завоевывать Киев.

Услышав об успешном исходе долгой войны между Польшей и Россией, Мстислав, седьмой сын Владимира, князь Тмутаракани – города, отнятого Святославом у хазар, который стоит на современном полуострове Тамань на Азовском море, – прислал письмо Ярославу, с требова-

¹⁰⁵ Святой Адальберт отправился в Пруссию в 1010 году проповедовать христианство тамошним язычникам. По сведениям доктора Кларка, он также проповедовал в России в X веке, когда великая княгиня Ольга попросила императора Оттона прислать ей миссионеров для обращения народа.

нием уступить небольшую часть обширных отцовских владений, которые теперь почти нераздельно принадлежали великому князю в Киеве. Мстислав проявил себя храбрым и умелым полководцем во многих войнах с беспокойными горными племенами Кавказа, которые часто угрожали его маленькому княжеству; и, положив конец многолетней вражде, когда разгромил в поединке предводителя черкесов, он построил церковь в честь своего успеха, и этот памятник старины сохранился до наших дней. Мстислав также содействовал греческому императору в походе на крымских хазар; но, получив от Ярослава в ответ на свою просьбу небольшую область, которая не могла удовлетворить его честолюбие, он со своим войском отправился на Русь и через некоторое время, одержав несколько побед во владениях брата, согласился на заключение мира. Тогда братья договорились о том, что будут править совместно, обладая равными правами над всем государством; и так они дружно правили до самой смерти Мстислава, которая произошла через семь лет после заключения мира. По его приказу был возведен Спасо-Преображенский собор в Чернигове.

В 1030 году Эстония взбунтовалась против России и провозгласила себя независимым государством. Ярослав отправился на эстов в поход и, восстановив свою власть, основал там город Дерпт¹⁰⁶, называемый русскими Юрьев¹⁰⁷, где поставил гарнизон для сбора дани. Дерпт принадлежал русским до 1210 года, когда его захватил Фольквин, гроссмейстер ордена меченосцев. Чтобы выразить свою благодарность новгородцам за верную службу и ценную помощь в трудные времена, Ярослав даровал его жителям множество привилегий, а также форму правления, которая заложила основы независимости и процветания Новгорода в Средние века. Правитель города и области, который всегда княжеского рода, по восшествии на престол приносил клятву соблюдать новгородские законы и не вмешивался в решения народа. Главой города, в своем роде мэром, был посадник, избиравшийся на ограниченный срок, ему подчинялся совет, который состоял из бояр и тысяцкого, и в этот совет избиралось по одному члену на каждые сто свободных людей, а в эту категорию входили все, кто не относился ни к боярам, ни к рабам. Горожане судили дела по собственному усмотрению; никто, кроме новгородской знати, не мог быть назначен правителем их княжества, а назначенного должен был одобрить посадник; также гражданин Новгорода не мог быть арестован за долги. Кроме того, новгородцы имели право взимать собственные налоги и составлять свои торговые законы.

Ярослав также ввел в действие Русскую правду – правовой кодекс, так называемую судебную грамоту, действующую на территории всего государства, и, по-видимому, это был первый русский письменный свод законов. Судьи осуществляли правосудие, переезжая из одной области в другую, и получали содержание и плату от жителей тех местности, где они отправляли правосудие. Смертная казнь была отменена; прежде когда совершалось убийство, то отец, брат, сын или племянник убитого имели право за него отомстить, и никто иной; исключением были граждане Новгорода, так как в случае убийства новгородца обязанность возмездия возлагалась на жителей города, которые забивали преступника камнями; но этот обычай был отменен, а вместо него был введен штраф в наказание за преступление. За убийство боярина взималось восемьдесят гривен, причем гривна равнялась примерно фунту серебра, за убийство свободного русского – сорок гривен, за женщину – половина суммы; но за убийство рабыни взималась большая сумма, чем за убийство раба. Штраф за удар кулаком или ножами или рукояткой меча, за выбитый зуб или за дерганье мужчины за бороду составлял двенадцать гривен; за

¹⁰⁶ Дерпт – современный Тарту. (Примеч. пер.)

¹⁰⁷ Имя Юрий, или Георгий, Ярослав получил при крещении. Блэкмор в своих примечаниях к «Истории русской церкви» Муравьева цитирует короткий отрывок из документа, представленного в Обществу русской истории и древностей, и по поводу двойных княжеских имен поясняет так: «У древних славян было только одно имя, к которому добавлялось отчество. У русо-славян обычно было три имени: одно данное отцом при рождении, другое при крещении и третье – отчество, например, Святополк Изяславич, в крещении Михаил. Христианские имена многих князей неизвестны, вероятно, они скрывались, чтобы на их носителей нельзя было навести порчу или заклятие, которое, как считалось, оказывает действие, только если известно настоящее имя человека».

удар дубинкой – три гривны, а за кражу лошади – пожизненное заключение. Полными рабами были только захваченные в плен и купленные у иностранцев как мужчины, так и женщины и их потомки; однако должник, который не мог в положенный срок вернуть долг, поступал во владение своему кредитору и служил ему, пока не выкупал себя работой. Хозяин имел право убить своего раба, а свободные люди иногда продавались боярам, одни ради защиты, другие ради пропитания, но лишь на ограниченный срок. Позволялось убить вора, если его застали с поличным ночью, но, если его задержали по наступлении утра, закон обязывал доставить его к судье; и если свидетели показывали, что его убили, когда он уже был связан и не способен причинить вред, это считалось убийством и наказывалось соответствующим образом. Ростовщики брали такой грабительский процент, что пришлось принять закон, по которому кредитор не мог запросить более 50 процентов годовых.

В доход князя шло то, что приносили его личные владения, добровольные пожертвования и штрафы, взимаемые с преступников. Ярослав основал в Новгороде учебное заведение, в котором за свой счет содержал триста юношей из знатных родов; он доставил для них учителей из Константинополя и приказал сделать переводы трудов греческих отцов церкви на славянский язык, причем лично помогал в этой работе священникам, и затем составил из переведенных книг небольшую библиотеку, учрежденную лично им в Киеве. В его княжение в церквях впервые начали петь гимны и псалмы, причем тот вид хорового пения, который сейчас распространен в России, был введен в нее греческими певчими, которых специально с этой целью привезли из Константинополя вместе с семьями; и великий князь брал к себе на службу самых умелых мастеров Греции, которые построили в Киеве собор Святой Софии по образцу византийского, а также Георгиевскую церковь и монастырь Святой Ирины. Новгород-Северский и множество других городов также обязаны своим появлением Ярославу, который в 1044 году построил в Новгороде кремль; и его двор стал приютом для изгнанных и бедствующих иноземных принцев, так как он заключил семейные союзы с большинством королевских домов Европы.

Около 1019 года Ярослав отправил посольство к Олафу Святому¹⁰⁸, королю Норвегии, прося у него руки его дочери Ингигерды. Та согласилась на его предложение при условии, что она получит от супруга город Ладогу с прилегающими землями; в то же время она поставила условием, что в Новгород ее должен сопровождать швед, имеющий одинаково высокое положение и на Руси, и у себя на родине; она получила согласие и выбрала себе в сопровождающие родственника ярла Рёнгвальда и сделала его ладожским посадником. Вскоре после заключения этого брака Олаф изгнал из собственного королевства мятежный вассал – ярл Хакон, и Олаф с женой и сыном нашел убежище в России, где Ярослав пожаловал ему во владение область, достаточную для поддержки его сторонников; великий князь также предложил ему править областью на Волге, от чего Олаф отказался, так как собирался предпринять паломничество в Иерусалим. Однако в 1030 году Хакон умер, и Олафу приснился ангел, велевший ему возвращаться в Норвегию, и тогда он вернулся на родину, оставив сына по имени Магнус получать образование в Киеве, и попытался силой вернуть себе трон. Поход его, однако, окончился провалом, ибо норвежский король был разбит и погиб в смертельной битве при Стикларстадире¹⁰⁹, которая состоялась 29 июля того же года; и его единоутробный брат, знаменитый Харальд Суровый, получивший серьезное ранение в том же бою, спасся в России, где великий князь гостеприимно принял его со всеми почестями и сделал одним из своих военачальников. В поэме скальда Бёльверка так говорится о его проживании в этой стране:

¹⁰⁸ Отцом Ингигерды был король Швеции Олаф Щётконунг, чье правление частично совпадает с правлением Олафа Святого. Ниже описываются обстоятельства жизни Олафа.

¹⁰⁹ Олафу поклонялись как святому, и ему посвящены церкви в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, России и даже Константинополе, а его гробницу еще долго посещали паломники.

С остря стряхнул ты
Капли трупa. В лапы
Бросил снeди гусю
Ран. Выл волк на взгорье.
Год прошел, и в Гарды
На восток дорога,
Вождь наипервейший
Из мужей, вам вышла¹¹⁰.

Пробыв несколько лет в России, в 1034 году он со множеством своих дружинников поступил на службу в константинопольскую Варяжскую стражу, в основном состоявшую из его соотечественников, и, сопровождая греков во многих военных походах в Сицилию и на сарацин в Палестине и Африке, постепенно скопил огромные богатства в золоте и драгоценных камнях. Время от времени он отправлял добычу с русскими купцами на хранение в Новгород и поручал заботам Ярослава до его возвращения¹¹¹.

Во время пребывания при дворе великого князя он полюбил Елизавету, или Эллисиф, как она называется в норвежских хрониках, дочь Ярослава; переплыв Черное море и возвращаясь во владения ее отца, он написал шестнадцать восхваляющих ее вис – песен, которые оканчивались одной и той же строкой, например вот так:

Взгляду люб, киль возле
Сикилей – сколь весел
Бег проворный вепря
Вёсел! – нес дружину.
Край пришелся б здешний
Не по вкусу тусу. Но
Герд монет в Гардах
Знать меня не хочет¹¹².

По возвращении в Новгород в 1045 году он получил назад все свое золото, шелка, украшения и драгоценные камни, которые скопил на службе у греческого императора; и норвежские саги рассказывают, что «там было столько добра, сколько никто в Северных Странах не видал в собственности одного человека»; ведь он помогал грекам захватить восемьдесят цитаделей и трижды побывал в императорской сокровищнице, так как воины и начальники Варяжской стражи имели такую привилегию: после смерти императора они шли по его сокровищнице и брать себе все, что по пути попадалось под руку. Зимой после возвращения в Россию Харальд женился на княжне Елизавете, которая в его отсутствие отвергла нескольких знатных претендентов, и древний норвежский бард Стув Слепой так рассказывает об этом событии:

По сердцу ствол распри
Лат жену сосватал.
Светом вод владеет
Днесь и княжьей дочерью¹¹³.

¹¹⁰ Капли трупa – кровь, гусь ран – ворон, Гарды или Гардарики – Русь. Цитируется в переводе А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, И.М. Стеблина-Каменского, О.А. Смирничкой по изд.: Стурлусон С. Круг Земной. М., 1980. (Примеч. пер.)

¹¹¹ Как рассказывают некоторые авторы, константинопольская принцесса Зоя хотела быть его женой и после его отказа бросила Харальда Сурового в тюрьму, откуда он сбежал и вернулся в Россию.

¹¹² Стурлусон С. Указ. соч. Гердмонет – женщина. (Примеч. пер.)

¹¹³ Ствол распри лат – воин, то есть Харальд (распри лат – битва). Свет вод – золото (Стурлусон С. Указ. соч.). (Примеч.

Пробыв в России еще два года, он отправился в Норвегию по приглашению своего племянника Магнуса, который прожил несколько лет после смерти Олафа при дворе в Новгороде и только покинул его по настоятельным просьбам своих подданных с небольшой флотилией кораблей на родину примерно в 1035 году. Скальд Сигват говорит о нем:

Жду с востока вести
О княжиче каждой
Я из Гардов, верить
Рад словам похвальным.
Малым сыт – ведь сами
Птицы сих приветов
Тощи. Тщетно князя
Сюда поджидаю.

А Арнор Скальд Ярлов незадолго до его возвращения в Норвегию говорит:

Днесь – внемлите, люди —
Я рассказ о князе —
Ведомы мне подвиги
Славного – слагаю.
Одиннадцать татю
Мира не сравнялось
Зим, как струг из Гардов
Друг хёрдов направил¹¹⁴.

Путешествие Харальда в Норвегию запечатлено в стихах норвежского барда Вальгарда с Поля:

Счастлив славой, вывел
Ты струг с красным грузом,
Вез казну златую,
Харальд князь из Гардов.
Ветр клонил студёный
Коней рей. В Сигтуны
По свирепым тропам
Выдр спешил ты, княже¹¹⁵.

В Новгороде к нему присоединились многие сторонники отца, с которыми он отправился в Швецию и в конце концов вернул себе Норвегию.

Он царствовал совместно с Магнусом до смерти последнего в 1047 году, после чего Харальд стал единственным правителем королевства; впоследствии он участвовал в походе Тостига, герцога Нортумберлендского, против его брата – короля Англии Гарольда Годвинсона, они были разгромлены и оба погибли в битве при Стамфорд-Бридж, около города Йорк, 25 сентября 1066 года, и норвежского монарха сменили на троне его сыновья Олав и Магнус.

пер.)

¹¹⁴ Татьмира – воин, друг хёрдов – конунг Норвегии. Указ. соч.

¹¹⁵ Конирей – корабли. Тропывыдр – море. (Стурлусон С. Указ. соч.) (Примеч. пер.)

Около 1040 года Ярослав отдал Новгород своему старшему сыну Владимиру, которому в то время было двенадцать лет, и едва тот успел сесть на престол, как отец послал его в морской поход на Константинополь – подобных кампаний Россия не предпринимала с той неудачной попытки Игоря, да и в этот раз ему не суждено было окончиться большим успехом. Под предлогом возмездия за убийство некоего русского гражданина в Византии он подошел ко входу в Босфор и попытался пробиться мимо греческих кораблей, снаряженных своим губительным греческим огнем; но его корабли были отброшены, и 15 тысяч человек погибли в пламени. Однако во время погони константинопольский флот оказался рассеян, его авангард окружили русские ладьи, и так как запасы огня у греков кончились, то из двадцати четырех галер одни были захвачены русскими, а другие затоплены; и чтобы отомстить за это поражение, император Константин Мономах приказал ослепить всех русских пленников, попавших в руки греков. Это зверство по отношению к его подданным страшно разгневало Ярослава, и после войны, когда скончался киевский митрополит Феопемпт, созвал русских епископов, чтобы выбрать его преемника среди них, независимо от византийского патриарха. Конклав избрал священника Илариона; но так как новый митрополит был недоволен своим противоканоническим поставлением, то есть в нарушение церковных правил, он обратился к константинопольскому патриарху Михаилу Керуларии и получил от него письменное благословение и приказ, подтверждающий его полномочия.

В 1051 году король Франции Генрихом I отправил посольство епископов к Ярославу в Киеве, чтобы просить руки его дочери Анны. Она сопровождала послов в их обратном путешествии во Францию со многими богатыми дарами от отца к будущему супругу¹¹⁶. В том же году умер новгородский князь Владимир. Его преемником стал брат Изяслав, а похоронили Владимира в Софийском соборе в Новгороде, который был как раз достроен в его княжение, и он повелел греческим художникам украсить стены собора иконами по образцу константинопольских церквей; там же упокоились и его жена¹¹⁷, дядя Мстислав¹¹⁸, брат Ярослава, и его мать Ингигерда, получившая в России имя Ирина.

Ярослав скончался в 1053 году, примерно через два года после сына. Незадолго до смерти он разделил свое государство среди пяти сыновей, сделав младших подданными старшего – Изяслава, князя Киевского, и дав ему право принуждать братьев к подчинению силой оружия, буде они проявят непокорность; и на смертном одре, вспоминая разорительные войны, следовавшие за смертью Святослава и Владимира, и распри, к которым всегда приводил раздел империи, он умолял сыновей жить в мире друг с другом и не губить безопасности и благосостояния страны ради корыстных целей. Его похоронили в Киевском соборе, который он заложил и стены которого пережили бурю монгольского нашествия и все пожары, разграбления и осады, которым подвергался с тех пор многострадальный Киев; и над местом его упокоения до сих пор стоит мраморный памятник, и так как это единственный подобный саркофаг в России, высказывалось предположение, что его доставили из Константинополя.

Для своей эпохи Ярослав был образованным и высокоразвитым государем и прилежным учеником в то время, когда даже умение читать в основном было прерогативой духовенства. Ярослав восстановил в своей империи мир, который ему удавалось в основном поддерживать в течение всей своей жизни, и он надолго сохранился в памяти народа, заслуженно пользуясь признательностью и уважением по причине справедливости и мягкости, с которыми он правил, а также мудрости и нелицеприятности его законов. Но пагубный обычай того времени, которому он последовал, а именно разделил владения между сыновьями, после его смерти привел

¹¹⁶ Анна Ярославна была матерью короля Франции Филиппа I. Она основала там монастырь и после смерти была причислена к лику святых во Франции.

¹¹⁷ Видимо, автор имеет в виду Анну, первую жену Ярослава. (Примеч. пер.)

¹¹⁸ Автор, очевидно, путает его с захороненным в соборе князем Мстиславом Ростиславичем, дальним потомком Ярослава Мудрого. (Примеч. пер.)

к тому, что вновь повторились распри и междоусобицы, ознаменовавшие начало предыдущих правлений; и имперские князья, забыв о предсмертной просьбе отца и все прочие соображения в своей честолюбивой жажде достичь величия и никому не подотчетной верховной власти, вновь погрузили Русь во все бедствия губительной и разорительной гражданской войны.

По внешности Ярослав был худощав, черноглаз и черноволос и, пожалуй, ниже среднего роста. Он женился на норвежской принцессе Ингигерде, которая по обычаю, распространенному при русском дворе, при переходе в православие приняла имя Ирины и у которой от него родилось шестеро сыновей и четыре дочери; а именно Владимир, умерший раньше его; Изяслав, женившийся на дочери императора Германии Генриха III и унаследовавший киевский престол; Святослав, новгородский князь, взявший в жены сестру короля Польши Казимира; Вячеслав, полоцкий князь; Всеволод, который женился на греческой царевне, дочери Константина Мономаха; и Хольти Смелый; Елизавета, жена Харальда III Сурового, короля Норвегии; Анна, супруга Генриха I и королева Франции; и еще две дочери, из которых одна стала женой короля Польши Болеслава II, а другая, предположительно Анастасия, – короля Венгрии Андраша I¹¹⁹.

Вторжение Владимира Ярославича в Константинополь было последним походом русских против Греческой империи. С того времени их дружеские отношения не нарушались в течение многих лет, однако из-за междоусобных войн, в которые погрузилась Русь в правление сыновей Ярослава, чрезвычайно сократили объем взаимной торговли, а чем слабее становился Киев, тем сильнее становились татарские племена, и они часто грабили на Днепре русские торговые суда, если только те не имели сильной и вооруженной охраны, задолго до того как они успевали достичь Черного моря. Но Русь твердо придерживалась греческой веры и была единственным государством, которое отозвалось на последний призыв византийского императора о помощи для борьбы с последним нашествием турок; и чем глубже Константинополь погружался в церковные предрассудки и становился все более враждебен католическим странам, тем, говорит Финли, «Восточная Церковь становилась в их глазах символом их народной принадлежности, и благодаря фанатичной приверженности русских одним религиозным канонам с византийскими греками они получили от тех звание христианнейшего народа».

¹¹⁹ Изяслав был женат на Гертруде, дочери короля Польши Мешко II; относительно супруг Святослава и Вячеслава нет точных сведений, также Вячеслав княжил в Смоленске; Хольти Смелый – видимо, именем Хольти в сагах называется Всеволод Ярославич; не упомянут сын Игорь, но внучка причислена к дочерям: женой Болеслава II была Вышеслава, возможно дочь Вячеслава Ярославича. (Примеч. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.